

Наталья Душикова

Джульетта
Понебола

Если чужая ворожба занесла вас в книгу, знакомую со школьной скамьи — это благо или проклятие? Юлия, которая из привычного и комфортного XXI века переместилась в трагедию "Ромео и Джульетта", свято убеждена: такие приключения ей не нужны. Ставшая Джульеттой Капулетти девушка готова во что бы то ни стало вернуться домой. Только как это сделать, если на пути к персональному "долго и счастливо" оказываются семейные тайны, интриги, любовные привороты и тот единственный, покинуть которого не позволяет Её Величество Любовь.

— Юленька, радость моя, — Геннадий Константинович, которого все актёры в нашем театре звали просто Гekom, картинно заламывал руки и только что на колени передо мной не падал, — ты же такая умница, красавица, талантище!

Я тоскливо вздохнула, глядя на притаившуюся в складках бархатной портьеры паутину. Само собой, я и умница, и внешностью с талантом природа меня не обделила. Да и ситуация откровенно патовая: за две недели до премьеры актриса, играющая Джульетту, в пух и прах рассорилась со всеми от режиссёра до гримёров и костюмеров и ушла из театра, громко хлопнув дверью. Спектакль, в который вбухали кучу времени, сил и денег оказался под угрозой срыва, ведь, согласитесь, невозможно поставить нетленную трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта» без главной героини! Не в самого же себя должен влюбляться Ромео! Впрочем, блистательный Александр Опалов, признанный герой-любовник нашего театра, из-за которого, собственно, и началась вся эта свистопляска, вряд ли мог подарить своё сердце даме. Во-первых, потому, что вряд ли оно у него было, а во-вторых, все самые тёплые и искренние чувства Александр испытывал лишь к самому себе и никому более. Правда, противостоять шарму и воистину дьявольскому обаянию нашего театрального Казановы было практически невозможно, я, по крайней мере, не слышала, чтобы нашлась хоть одна девушка или даже зрелая опытная женщина, которая бы ему отказала. Собственно, наша красавица Марина, которая должна была играть Джульетту, потому и сорвалась, что за десять минут до репетиции сцены под балконом застучала своего Ромео в весьма пикантной позе с Кристиной, которая, вот каверза судьбы, должна была изображать синьору Капулетти! На крики и вопли увенчанной рогами примы сбежался весь театр, а Александр заявил, что до начала репетиции у него ещё десять минут, которые он волен провести так, как ему заблагорассудится, после чего запер дверь гримёрки, дабы завершить начатое. Наличие гомонящей за дверью публики его ничуть не смущало, а Кристина не стала спорить, благоразумно решив, что раз репутация погублена и все и так знают об их интрижке, спасти остатки чести и гордости нет никакого смысла. Как говорится, сгорел сарай, гори и хата.

Марина, как истинная актриса, с каждой минутой пребывания на сцене (пусть и импровизированной) всё больше и больше входящая в роль, потребовала от Геннадия Константиновича, которому злая судьба выделила роль режиссёра этой постановки, выкинуть по известному и весьма неприличному маршруту и Александра, и Кристину. Едва ли не поголовно влюблённые в Опалова дамы подняли страшный шум. Да и мужчины, которые надеялись повторить проторенный нашим Ромео путь, тоже высказались против увольнения Кристины. Скандал ширился и набирал обороты, вопли и визги стояли до небес, когда наша прима выдвинула классический ультиматум: или уходит она, или выгоняют их. Геннадий Константинович, которому все эти разборки и капризы были уже поперёк горла, лишь рукой махнул. Уверена, будь наш Гек менее интеллигентным, послал бы всех по витиеватому маршруту, какому и грузчики бы портовые позавидовали. Марина, свято убеждённая, что за неё будут держаться и биться до последнего (она же красавица! Прима! И вообще, само совершенство со всех сторон!!!) покраснела, побледнела, затем бросила убийственно колкую гадость, пожелав всем скончаться страшных муках в полной нищете и забвении и сбежала, оглушительно грохнув тяжёлой входной дверью. Каюсь, в первую минуту после её ухода я искренне радовалась воцарившейся тишине, понимание

произошедшего пришло позже, а окончательное осознание всей глубины ямы, в которой мы оказались, появилось лишь теперь. Потому что наш милейший Геннадий Константинович выбрал на роль Джульетты... меня. Споры нет, предложение само по себе весьма заманчивое, плоха актриса, которая не мечтает хоть раз блеснуть в постановке самой популярной трагедии Шекспира, но, три тысячи чертей, как говорила моя любимая миледи из «Трёх мушкетёров», плата за эту роль уж слишком велика. Во-первых, на меня ополчится львиная доля дам нашего театра, ведь как я уже говорила, в Ромео влюблены почти все сотрудницы и актрисы. Во-вторых, мысленно я уже собирала чемодан для поездки на свадьбу к сестре, которая целых три года выбирала достойную оправу себя, такой замечательной, и наконец-то окончательно определилась с женихом. Неявка на семейное торжество, по размаху спорящее лишь со спуском на воду «Титаника», приравнивалась к измене вере и Отечеству и каралась по всей строгости семейного закона: непрерывными жалобами, упрёками, мелкими подлянками, а то и бойкотом. Помимо этого было ещё и в-третьих: Ромео мне не нравился категорически. Александр Опалов упорно напоминал мне самодовольного и придурковатого павлина из мультика про хитроумного лисёнка Вука. Разумеется, мне хватало благоразумия держать своё особое мнение при себе, впрочем, учитывая, что я всего лишь замена примы, несравненный Александр своё царственное внимание мне и не уделял, чему я была даже рада. Только вот, если я стану Джульеттой из основного состава, избегать внимания Опалова станет невозможно, а пополнять его коллекцию ещё и своим разбитым и растоптанным сердцем мне совсем не хочется.

— Юленька, — Геннадий Константинович смотрит на меня так, что отказать ему просто невозможно. И вообще, это мой шанс заявить о себе, глупо от него отказываться!

— Уговорили, — я улыбаюсь и даже почти верю в то, что всё будет хорошо. — Очень постараюсь стать Джульеттой.

— Главное — не повторите её печальной участи, — Геннадий Константинович смеётся и проводит ладонью по груди, беду стряхивает, чтобы на входе не висла.

Что поделать, деятели искусства — люди творческие, а потому весьма суеверны! И пусть я стараюсь во всём и всегда быть благоразумной особой, гипотетическую беду с себя всё равно смахиваю. Бережёного-то, как известно, и бог бережёт.

Успокоившийся и повеселевший Геннадий Константинович подхватывает меня под ручку и провожает на сцену. Я такому знаку внимания со стороны режиссёра ничуть не противлюсь, потому как, во-первых, приятно, во-вторых, не так уж часто за мной ухаживают, а в-третьих, покровительство режиссёра лишним не будет в нашем тесном мирке, иногда удивительно похожем на закрытую банку с ядовитыми змеями.

Пока я предавалась размышлениям о плюсах и минусах произошедших в моей жизни изменениях, Геннадий Константинович торжественно вывел меня на сцену, где царила обычная репетиционная суэта. Дарья Васильевна, пышнотелая хохотушка, о чём-то перешёптывалась с голубоглазой белокозой Ульяной, время от времени то одна, то другая звонко прыскали и спешно прижимали ладошки к губам. Не иначе, разразившийся скандал смаковали. В их сторону косится Кристина, на бледном лице которой с каждой минутой всё заметнее проступают красные пятна гнева, смущения и обиды, ведь Александр в сторону любовницы даже не смотрит. Опалов стоит в самом центре сцены, вокруг него, впрочем, как обычно, цветник из обожательниц и почитательниц. Мужчина прижимает к себе тоненькую черноглазую Анечку и что-то страстно шепчет ей на ухо. Аня краснеет, смущённо опускает взор, но не делает ни малейшей попытки отстраниться или убрать наглуемую руку, фамильярно

расположившуюся на впадинке поясницы. Ну вот, у нашего Казановы появилась новая жертва. Не понимаю, чем он их берёт?

— О, а вот и наша красавица пожаловала! — приветствует меня проказливой улыбкой Максим, которому просто везёт на роли странных, чудаковатых или откровенно безумных персонажей. Стоит ли говорить, что в «Ромео и Джульетте» он исполняет роль Меркуцио?

— Юлька, иди сюда, — мой двоюродный брат, Кирилл, который и привил мне страсть к миру театра, приветственно машет рукой.

Слышатся и другие приветственные возгласы, Ульяна та и вовсе с визгом бросается мне на шею, словно не видела меня лет десять и уже не чаяла больше лицезреть.

— Прошу минуту внимания, — голос Геннадия Константиновича разносится под гулкими сводами, призывая к вниманию и подчинению. — В связи с, кхм, увольнением Марины роль Джульетты будет исполнять Юлия.

На меня моментально уставились все собравшиеся на сцене, отчего я почувствовала себя разведчиком, попавшим под лучи прожекторов. И как-то само собой вспомнилось, что это уже не первый раз, когда меня ставят на замену примы, но за несколько дней до премьеры Марина с видом «ладно уж убедили, спасу вашу постановку от провала» возвращается и блистает на премьере. А я играю ту же роль, но позже, когда ажитация от постановки постепенно угасает и уже ничто не может затмить блеска примы. Обидно? Если совсем честно, то да, немножко, всё-таки для меня важнее то, что происходит на сцене, а не за её пределами.

— А почему опять она? — возмущённо пискнула Анечка, которой присутствие Александра придало невероятную смелость, обычно от нашей молчаливой скромницы, кроме реплик из роли, и слова не услышишь.

Анечка страстно мечтает блеснуть, но, увы, ей достаются роли подруг главной героини, верных служанок, молчаливых красавиц, блистающих на балах и за всю постановку говорящих от силы пару фраз. В этот раз Анечка играет Розамунду, в которую страстно был влюблён Ромео, но только до встречи с Джульеттой.

— Ого, поздравляю, Юльчик, в гору пошла! — Кирилл хлопает меня по спине так, что я даже проседаю под его богатырской рукой.

— Оу, новая Джульетта, — серые глаза Александра вспыхивают, словно у вышедшего на охоту кота.

Опалов без колебаний оставляет Анну и мягкой походкой заприметившего добычу хищника направляется ко мне. Я встречаю его чуть приметной улыбкой, которую Казанова воспринимает как обещание лёгкой победы. А зря, потому что вспоминаю я в этот момент павлина, которого хитрый лис Вук подманивает к себе с помощью разложенных на дороге вишен. Нет, что бы ни говорили, а очень Александр на того павлина похож, такой же самодовольный и надутый!

— Уверен, наше знакомство перерастёт в крепкую дружбу, — Опалов берёт меня за руку и слегка касается губами кончиков пальцев.

Интересно, скажи я, что это цитата мамы Рудика из фильма «Москва слезам не верит», Александр бы понял намёк? Вряд ли, что-то я не уверена, что Опалов хоть раз смотрел этот фильм, а если и смотрел, то не понял. Я решительно освобождаю руку, смотрю строго, не допуская и намёка на фамильярность:

— Не уверена, что вы умеете дружить.

Обожательницы дружно ахают и смотрят на меня с таким осуждением, словно я в

государственный флаг сначала высморкалась, а потом ещё и на портянки его пустила. Так, спокойно, Юленька, врагов у тебя из-за новой роли и так немало будет, не стоит увеличивать их количество. Я растягиваю губы в вежливой улыбке, призванной компенсировать горечь слов. К счастью, Александр не спешит натравливать на меня своих обожательниц, смотрит пытливо, словно мысленно разбирает по косточкам одну излишне языкастую актрису.

— Вы меня слишком мало знаете, чтобы делать хоть какие-то выводы.

Я с готовностью ухватываюсь за возможность заключить перемирие:

— Несомненно.

Геннадий Константинович звучно хлопает в ладоши, отвлекая внимание собравшихся от нашего с Александром междусобойчика:

— Так, планы меняется, репетируем сначала первую встречу на балу! Синьора Капулетти, вы стоите справа, кормилица сзади, Ромео, Бенволио и Меркуцио — вы выходите слева. Джульетта, душа моя, ты держись около матушки.

Повинуясь команде режиссёра, мы с Дарьей Васильевной и Ульяной удаляемся к правому краю сцены, причём Ульяна, ярая обожательница Опалова всё время норовит вылезти вперёд, чтобы полюбоваться на объект своей страсти.

— Кормилица, — раненым медведем рывкает Геннадий Константинович, — ты куда вылезла?! А ну, назад!

Ульяна неохотно отступает, угрожающе сопя мне в спину. Вот пустите меня на фламандские кружева, не понимаю, что в Опалове находят! Ай, ладно, ну их всех, сейчас важно лишь то, что я Джульетта, мне нет ещё и четырнадцати, но у меня уже просил руки Парис, один из самых завидных женихов Вероны. Мой отец не спешит давать согласия, ему жаль так скоро расставаться с дочерью, а вот матушка, напротив, очень хочет, чтобы я влюбилась в Париса как можно быстрее. В идеале, с первого взгляда. Я прикрыла глаза, настраиваясь на роль, пробуждая в душе щемящее предчувствие чего-то волшебного и невероятного.

— Музыка, танцуем!

Геннадий Константинович повелительно взмахивает руками и мы, словно послушные воле кукловода марионетки, начинаем кружиться в танце. Я робко и сдержанно улыбаюсь молчаливому Игорю, которому с завидным постоянством везёт на роли обманутых мужей и брошенных женихов. Слава богу, хоть вне театра у Игоря крепкая и любящая семья и годовалые двойняшки!

Повинуясь повелительному взмаху режиссёра, я грациозно перепархиваю к центру сцены и встречаюсь взглядом с пылкими очами Ромео. Вот тут между нашими героями и должна вспыхнуть сладостная и губительная искра любви, приведшая к трагической развязке, но... между мной и Александром никакой искры нет и в помине. Я никак не могу поймать тот сладостный восторг первой встречи, то безрассудное блаженство, способное перечеркнуть многолетнюю вражду, в которой Ромео и Джульетта выросли. Я играю и, судя по одобрителному ворчанию режиссёра, делаю это неплохо, но в том-то и проблема, что в душе единения с Джульеттой у меня нет. Как говорил король Клавдий в ещё одной трагедии Шекспира: «Слова летят, мысль остаётся тут. Слова без мысли к богу не дойдут».

— Юленька, — Геннадий Константинович берёт меня за руку, заглядывает в глаза, — душа моя, соберись. А то, — режиссёр переходит на театральный шёпот, — запрю с Опаловым в одной гримёрке и не выпущу, пока ты в него не влюбишься.

Поездка на свадьбу к сестре прощально махнула дымком из паровозной трубы и

растаяла в прозрачной дымке. Я виновато улыбнулась режиссёру:

— Простите, сейчас соберусь.

Геннадий Константинович ободряюще похлопал меня по руке:

— В этот раз ты точно будешь играть на премьере, обещаю.

Угу, свежо предание. Я расправила плечики и повернулась к сцене с нежной улыбкой дебютантки на первом балу, свято верящей в большое чудо, коим непременно обернётся вся её жизнь.

Дальнейшая репетиция прошла легко и гладко, правда, сцену под балконом Геннадий Константинович решил отложить до завтрашнего утра. Мол, на свежую голову и эмоции будут ярче, и признания убедительнее. Я согласно кивнула, мечтая лишь о том, чтобы хотя бы пару минут посидеть, после многочасовой репетиции ножки протестующе гудели, а Опалов, паразит такой, ещё и пару раз весьма чувствительно в танце мне на ногу наступил! И не извинился, естественно, он же божество, такие перед простыми смертными покаянные поклоны не бьют.

— Юлька, пошли с нами в «Рога и копыта», чаю имбирного возьмём, блинчиков твоих любимых, с вишней.

Я благодарно улыбаюсь Кириллу, верному другу, блистающему в образе Бенволио. Честное слово, не понимаю, почему девицы пачками падают к ногам Опалова, Кирилл ничуть не хуже внешне, а уж по характеру и вовсе сто очков вперёд даст!

— Нет, спасибо, я домой. Нужно позвонить маме, сказать, что я не смогу приехать на свадьбу к Веронике.

Кирилл белозубо улыбается, ободряюще хлопая меня по плечу:

— Смотри, чтобы твоя маменька тебя не пришибла за такие известия. Ты нам живая нужна, а то кто из-за Ромео сначала травиться, а потом резаться будет?

— Уверена, желающие без проблем найдутся, только свистни, — я приподнимаюсь на цыпочки (до чего же у меня братец высоченный, впору как в детстве стульчик приставлять), целую Кирилла в щёку и направляясь в сторону гримёрки. Ну вот, пока маме звоню, отдохну немного, а потом и домой направлюсь.

Мамочка ответила лишь после четвёртого гудка, когда я уже собиралась отключаться, решив, что мне никто не ответит.

— О, Юленька, прости, не слышала звонка, — звонким запыхавшимся голосом откликнулась мама, — ты уже в поезде? Прекрасно, папа обязательно приедет тебя встречать, одна не вздумай ходить, ты меня слышишь?

Я сглотнула колющий комок, стиснула пальцы. До чего же всё-таки неприятно огорчать близких людей, тем более, накануне такого грандиозного события!

— Прости, мамулечка, я не смогу приехать.

— В смысле?! — в голосе мамы прорезались строгие учительские нотки, моментально заставившие меня почувствовать себя нашкодившим учеником, вызванным в кабинет директора. — Юлия, как это, не сможешь приехать?! Это же свадьба твоей единственной сестры! Тебе кто дороже: мы или твой театр?!

Ну вот, началась знакомая песня с припевом. Мама так и не смирилась с моим выбором профессии, утверждая, что актёрская стезя очень ненадёжная, что все роли получают исключительно через постель, что я непременно испорчу себе репутацию, здоровье и всю жизнь в этом вертепе. И вообще, не просто так в раннем христианстве актёров в рай не пускали. Сначала я в ответ на мамины сентенции честно пыталась хоть что-то объяснить и

доказать, потом смирилась, поняв, что в данном вопросе мы никогда друг друга понять не сможем. Мама тоже решила не разрывать окончательно и бесповоротно отношения с блудной дочерью, а потому тема театра была в нашей семье под негласным запретом. Когда я приезжала к родителям, мы словно забывали о том, где я работаю, старательно соблюдая пакт о ненападении.

Я глубоко вздохнула, выжидая окончание патетического маминого монолога. Кстати, что бы мамочка ни говорила, как бы ни ругала родителей Кирилла, театральных критиков, но драматический талант я унаследовала от неё, факт. Тётя Зоя и дядя Аркадий и в половину не столь харизматичные и экспрессивные.

— Юлия, ты меня вообще слушаешь?!

— Да, мамочка, — тоном пай-девочки пролепетала я, прекрасно зная, что против такого манёвра мама окажется бессильна, — и я вас очень-очень люблю, правда. Но и Геннадия Константиновича подвести не могу, прости.

Мама замолчала, излучая неодобрение, словно брусок полония радиацию. Я тоже молчала, посматривая краем глаза на часы и похлопывая себя по животу, намекавшему, что завтрак был довольно давно, а обеда и вовсе не было, потому было бы неплохо чем-нибудь подзаправиться.

— Делай, как знаешь, дочка, но учти: я тебя не одобряю.

Ура, индульгенция получена, можно идти ужинать! Я попрощалась с мамой, набросила на плечи куртку, а то прохладный весенний ветерок под вечер становился откровенно холодным, а простывать мне сейчас ну никак нельзя и, напевая себе под нос незамысловатый мотивчик назойливой рекламы, выпорхнула из гримёрки.

— Наконец-то.

Я вздрогнула, не сразу признав в тёмной фигуре, шагнувшей мне навстречу, Александра Опалова собственной павлиньей персоной.

— Сколько можно по телефону трендеть, я заждался уже.

Опалов стоял напротив меня, небрежно засунув левую руку в карман джинсов, а правой придерживая наброшенную на плечо куртку. Что и говорить, красив, чертяка, только пусть себе другую обожательницу ищет, я по нему розовые слюни пускать не собираюсь. С детства не люблю в очередях топтаться.

— Чего тебе, Опалов?

Да, вопрос прозвучал не очень вежливо, но я устала и проголодалась, разводить политесы перед избалованными звёздами у меня нет ни времени, ни желания.

Александр небрежно дёрнул плечом:

— Решил тебя на ужин пригласить.

— С чего бы вдруг? — я подёрнула за ручку, проверяя, закрылась ли дверь, а то замок последнее время заедать стал, может и вхолостую щёлкнуть.

Опалов подался ко мне, впечатав ладони по обе стороны от моих плеч, нависая, подавляя своей мощью:

— Так мы же Ромео и Джульетта, у нас любовь. Неужели, забыла?

Ответить я не успела. Одна рука театрального Казановы легла мне на затылок, вторая решительно задрала голову, щёку опалило горячее дыхание, а губы смял поцелуй. Не нежный и томный, обещающий бесконечное чудо любви, а жёсткий, точно клеймо ставящий. От такого нахальства я сначала опешила, а потом отчаянно принялась выдираться. Хватка у Ромео недобитого была как у бульдога, но я тоже не ромашка белоснежная, могу и отпор

дать, благо, Кирилл в своё время учил.

— Ты чего, дура?! — взвыл Опалов, складываясь пополам и по крабьи отползая от меня к противоположной стене.

Ага, значит, удар попал в цель. Я вытерла рот рукавом, зло сверкнула глазами:

— Сам дурак. Это не я к тебе с поцелуями лезла, сам напросился.

— Идиотка, — продолжал бушевать звезданутый на всю голову герой любовник, — я решил поцелуй порепетировать, ты же целоваться совсем не умеешь!

Мне словно изо всей силы ударили в солнечное сплетение, даже дыхание перехватило, а перед глазами расплылся серый туман.

— Ошибаешься, — бросила я глухо, едва шевеля губами, — умею. Просто не с тобой.

Больше не слушая причитаний Опалова, я развернулась и твёрдым шагом направилась к выходу из театра. Об этой моей сердечной ране не знал никто: ни родители, с которыми я вообще была весьма благоразумна в обсуждаемых темах, ни даже Кирилл, которому я доверяла целиком и полностью. Да и как расскажешь, если история и мне порой кажется абсурдным сном, предутренним бредом, плодом воспалённого воображения?!

Три года назад я усиленно готовилась к выпускным экзаменам. Моя подруга Иришка, у которой я квартировала всю учёбу, в один прекрасный день в прямом смысле слова взвыла в голос и сказала, что она лично побросает в огонь все книги, если я не прогуляюсь с ней в парк на ярмарку научных достижений. Поскольку у Иришки слово с делом не расходились, я подчинилась, пообещав себе при первой же возможности удрать домой. Но всё-таки правильно говорят, что, если ты хочешь рассмешить богов, нужно рассказать им о своих планах. На ярмарке было столько всего интересного, уникального, неповторимого, что я позабыла обо всём, растворившись в таком увлекательном мире науки. Как сейчас помню, что Иришка замешкалась в палатке с мыльными пузырями, а я направилась в шатёр с интригующим названием «Путешествия во времени». В шатре царил полумрак, негромко гудел вентилятор причудливого прибора, который я в первый момент приняла за проектор. Я вертела головой по сторонам, когда услышала за спиной глубокий уверенный голос, от которого моё сердце совершило кульбит и забилось в два раза быстрее:

— Любите историю или просто зашли отдохнуть в прохладе?

Я медленно повернулась, чувствуя себя Наташей Ростовской, встретившей своего Андрея Болконского. Высокий атлетического телосложения мужчина, лет на пять или шесть старше меня, коротко поклонился, прижав ладонь к груди, затянутой в белоснежную рубашку:

— Ярополк Владимирович, научный сотрудник института времени и пространственных перемещений.

Никогда раньше не слышала об этом институте, впрочем, до этой ярмарки наука меня вообще мало занимала.

— Юлия... Сергеевна, — я коротко присела, смутилась и протянула руку, — рада знакомству.

— Взаимно, — Ярополк пожал мои пальчики, показавшиеся особенно хрупкими на фоне его широкой кисти. — Позвольте, я вам всё здесь покажу.

Мне стыдно признавать, но из всей экскурсии я не запомнила ни слова, потому что наслаждалась игрой голоса, напрочь игнорируя смысл слов. Да что там, я даже от заглянувшей в шатёр Иришки отмахнулась! Подруга, кстати, не обиделась, понаблюдала за мной и Ярополком немного, а затем распрощалась, напомнив, что в девять вечера будет ждать меня дома. Мы с Ярополком гуляли до тех пор, пока распорядитель не объявил о

закрытии ярмарки, затем ужинали в уютном семейном ресторанчике, а потом Яр провожал меня домой, у подъезда поцеловав в щёку и пообещав забрать завтра после учёбы. Так начался мой яркий роман, в котором было всё: беззаботное веселье в компании друзей, ночные прогулки под луной, обручальное кольцо, вручённое мне на набережной под звуки скрипки уличного музыканта, подготовка к свадьбе...

Только в один злосчастный день сказка рухнула, не оставив и следа. В тот день я прибежала к Ярополку в институт, чтобы похвастать, что меня пригласили в труппу, причём к самому Геннадию Константиновичу Добровольскому! В кабинете Яра не оказалось, я дёрнула дверь в лаборантскую, но она была закрыта, а из замочной скважины отчётливо веяло дымом. Видимо, у моего дорогого учёного эксперимент с перемещением не сложился. Надо будет в аптеку за мазью от ожогов заскочить и за отбеливателем в хозяйственный. Улыбаясь и составляя список покупок, я добежала до методического кабинета, коротко постучала, заглянула внутрь и с облегчением поздоровалась, увидев двух коллег Ярополка:

— Добрый день. Не подскажете, где мне найти Ярополка Владимировича?

Мужчины переглянулись, один протянул мне стул, второй зачем-то закопошился в стоящей на столе аптечке. Моё сердце кольнуло предчувствие беды, я облизнула пересохшие губы и упрямо повторила:

— Где Ярополк?

— Присядьте, Юлия Сергеевна, — меня настойчиво усадили на стул, ткнули в ладонь стакан с водой, остро пахнущей валерьянкой. — И выслушайте нас внимательно.

Мужчины опять переглянулись, словно решая, кто будет чёрным вестником. Я залпом осушила стакан, со стуком поставила его на стол, крикнула севшим от непролитых слёз голосом:

— Ну?!

— Во время эксперимента пространственно-временного перемещения раздался взрыв. Ярополк Владимирович... — мужчина закашлялся, коротко кивнул, приняв от коллеги стакан воды.

— Что с ним? Он жив? В больнице? Какой? Я немедленно еду к нему! — я вскочила, готовая немедленно бежать к своему любимому, где бы он ни был.

— Он пропал. И мы не можем установить, погиб ли он, развеявшись во времени и пространстве, или его взрывом перебросило куда-то. В лаборатории остались только опалённые огнём стены, раскуроченный прибор и... пятна крови. Нам очень жаль, Юлия Сергеевна, примите наши глубочайшие соболезнования.

Я вцепилась в спинку стула, удерживая равновесие, пролепетала, с трудом шевеля губами и не узнавая собственного голоса:

— Проводите меня... туда...

— Нет, — коллеги Ярополка были единодушны и даже головами синхронно покачали. — Это исключено. Мы сделаем вот что: отмотаем назад и откорректируем ваше время. Вы вернётесь в день вашей первой встречи, только вот самой встречи не будет. Не волнуйтесь, процедура абсолютно безболезненна и безопасна.

Я хотела возразить, терять воспоминания о Ярополке я не хотела и не могла, только вот слушать мои возражения никто и не собирался. Мои глаза закрылись, я провалилась в сон, но даже во сне я продолжала бороться за сокровенные воспоминания, удерживала их двумя руками, раз не смогла сберечь и удержать любимого мужчину.

В себя я пришла у палатки с мыльными пузырями, только вот шатра с интригующим

названием «Путешествия во времени» напротив не было. И вообще нигде не было, хотя я честно обыскала всю ярмарку. Иришка никакого Ярополка тоже не помнила, на мои расспросы авторитетно заявив, что у меня на фоне переутомления произошло изменение сознания, я сон приняла за действительность, только и всего. Так бывает, нужно больше отдыхать и тогда всё будет хорошо. Я готова была кричать, срывая голос от отчаяния, рыдала в подушку, словно потерявший семью ребёнок, а на следующее утро и сама не могла понять, было ли всё это в действительности или нет. Разум утверждал, что никакого Ярополка нет и не было, это мираж вызванный переутомлением, только вот сердце категорически не хотело забывать глубокий завораживающий голос и глаза цвета полуночи. И да, никакого института времени и пространственных перемещений я так и не нашла, хотя честно пыталась.

Я глубоко вздохнула, смахнула непрошеные слёзы и быстрым шагом направилась к остановке. Увы, убежать от раздирающих душу сомнений и отголосков воспоминаний не получилось, они следовали за мной по пятам, словно тень. Эх, учёные в кипятке мочёные, как же не стыдно голову девушкам морочить, а потом исчезать, ничего не объясняя! А если это всё-таки излишне яркий и натуралистичный сон? Да ну, бред, таких снов не бывает даже у пациентов добрых докторов из больничек с мягкими стенами. Ну вот, ещё и на автобус опоздала! Я с досадой притопнула ногой, передёрнула плечами, сердито косясь на обложенное низкими серыми тучами небо. Тоже мне, май месяц, холодрыга такая, что вот-вот снег пойдёт, ещё и ветер ураганный, до костей продувает. Топать пешком до дома по такой погоде не хотелось, но и на остановке мёрзнуть удовольствие было сомнительное. Пока я размышляла, какое зло меньшее, передо мной лихо затормозил автомобиль. Признаюсь честно, моих технических знаний хватает лишь на то, чтобы машину отличить от автобуса, мотоцикла и велосипеда, а потому я даже и не попыталась угадать, отечественному или иноземному автопрому принадлежит этот тупомордый на больших колёсах монстр. Впрочем, едва я разглядела на водительском сидении Опалова, как все сомнения моментально рассеялись: авто иноземное. Наш несравненный Александр из всего отечественного предпочитал только женщин, авторитетно заявляя, что иностранки не такие красивые и буквально помешанные на собственной независимости. Что и неудивительно, учитывая, как долго и со вкусом в Европе вытирали о женщин ноги. Впрочем, убеждена, что знания Опаловым истории не покидали пределов школьных учебников.

— Садись, подвезу, — Александр коротко мотнул головой, даже не потрудившись открыть передо мной дверцу машины.

Я растянула губы в улыбке:

— Спасибо, я автобуса подожду.

Опалов хмыкнул, завозился на сидении, я даже понадеялась, что он уедет, но оказалось, что он отстёгивал ремень безопасности. Не поняла, у кого-то проблемы со слухом или органическая непереносимость отказов? Александр вышел из машины, звучно хлопнув дверцей и с уверенностью и непреклонностью танка направился ко мне. Я нервно оглянулась на дорогу, но в родне автобуса никаких героев, даже Чипа и Дейла, не наблюдалось, а потому мне на помощь он не спешил. Зато ёжащаяся на остановке в ожидании транспорта публика заметно оживилась, в предвкушении незапланированного, а потому ещё более приятного и желанного представления. Мда, что-то мне подсказывает, что отбивать меня от охамевшего коллеги никто не станет. Ладно, не маленькая, сама справлюсь, не в первый раз.

Опалов подошёл ко мне вплотную, навис надо мной, давя морально шириной плеч и

собственной непошибаемой самоуверенностью и процедил:

— Я сказал: садись в машину.

— А я сказала: пошёл нафиг.

Наши взгляды скрестились, словно рапиры в руках поединщиков, мне даже послышался звон металла. Александр вздохнул, медленно засунул руки в карманы, глядя на меня, как энтомолог на ранее не известную таракашку:

— Ты чего ломаешься? Боишься, что приставать начну? Так расслабься, ты мне даром не нужна, у меня таких как ты сто и ещё дюжина.

Есть у меня одна беда: не умею я вовремя замолчать. Прав Кирилл, на кончике моего языка словно сто чертят сидят, каждый раз, как я рот открываю, они норовят выпрыгнуть и нашкодить, втянуть меня в очередную передрагу. Вот и сейчас мне бы промолчать, не злить Опалова, так ведь нет, спросила, ехидно выгнув бровь:

— Что же ты ко мне прицепился, если весь из себя такой востребованный?

Александр вздохнул тяжело, скорчил гримасу праведника великомученика:

— Тебя, дуру, пожалел, чтобы ты не мёрзла на остановке. Маринка-то сто из ста не вернётся, а без Джульетты Гек спектакль ставить не согласится, он у нас любитель классических версий.

Александр фыркнул, не скрывая своего недовольства консервативностью и узостью мышления нашего режиссёра, но я зацепилась лишь за слова о Марине, благополучно пропустив всё остальное мимо ушей.

— А с чего ты взял, что Марина не вернётся? Она, конечно, обозлилась, оно и понятно, но от ролей в постановках Шекспира не отказываются, ты же знаешь.

Александр улыбнулся, в очередной раз напомнив мне павлина из любимого с детства мультика и протянул, с нотками пошловатой игривости:

— Сядешь в машину, расскажу.

Эй, так нечестно, я, как и большинство женщин и кошек, страшно любопытна, а кто-то, не будем тыкать пальцем, это неприлично, беззастенчиво играет на моём маленьком недостатке! Опалов, гад такой, как опытный актёр выдерживал драматическую паузу, превращая искру интереса в неукротимое пламя. В конце концов, не съест же он меня, даже если я соглашусь сесть к нему в машину? И вообще, наш герой любовник трус редкостный, связываться с моим двоюродным братом он точно не посмеет, а значит и меня не обидит, не станет рисковать своей смазливой физиономией. Я поправила сумочку на плече, протянула лениво, всем своим видом демонстрируя, какое огромное одолжение оказываю (впрочем, так оно и было на самом деле):

— Ладно уж, поехали.

Опалов самодовольно усмехнулся, мол, я даже и не сомневался в успехе. Ха-ха, не обольщайтесь, ваше сиятельство, дело отнюдь не в том, что вы весь из себя такой неотразимый. Я залезла в машину даже не потрудившись стряхнуть грязь с обуви (да, вот такая вот маленькая пакость, от которой на душе стало удивительно хорошо и приятно), плюхнулась на сидение, размашисто выдернула ремень безопасности, едва не попав Опалову по носу и пристегнулась. Ещё и подёрнула ремень несколько раз, проверяя, защёлкнулся замок или нет.

— Не бойся, я хороший водитель, — Александр пренебрежительно поморщился, глядя на мои манёвры.

Я лишь плечом повела, сумочку поудобнее пристраивая и повернулась к Опалову:

— Рассказывай.

— Ты о чём? — лениво улыбнулся Александр, демонстрируя прямо-таки классическую девичью память.

Ладно, мы не гордые, можем и напомнить болезному о нашем разговоре.

— Почему ты уверен, что Марина не вернётся?

Опалов плавно выехал с остановки, доехал до светофора и остановился, выжидательно глядя на меня. Под его холодным взглядом мне стало неуютно, я поудобнее перехватила сумочку, готовая, в случае необходимости использовать её как оружие:

— Что?

— Адрес-то назовёшь или мне тебя сразу к себе везти?

— Размечтался, — я с трудом удержалась от того, чтобы показать нашему герою любовнику язык, быстрой скороговоркой выпалила адрес и опять вернулась к интересующей меня теме.

— Так что там с Мариной?

Александр лениво улыбнулся, потянулся погладить мою коленку, получил шлепок и вернул руку на руль:

— Расслабься, не вернётся она, я это точно знаю.

Ого, кажется самолюбие некоторых раздулось до таких размеров, что обычная терапия уже бессильна, только ампутация. Я скептически приподняла бровь:

— Самомнение у тебя, однако.

— Моё самомнение тут ни при чём, её любовник пообещал сделать примой Большого театра, — Опалов обогнал грязно-красный автомобиль и пошёл на обгон школьного канареечно-жёлтого автобуса. — Соврал, конечно, чтобы её быстрее в койку заманить, но она поверила. Вы, девчонки, любите, когда вам лапшу на уши вешают.

— А может, не стоит всех судить по себе? Вдруг, он её действительно примой сделает?

— Вдруг, Юлька, даже кошки не родятся, — Александр повернулся ко мне, напрочь игнорируя то, что нам навстречу ехала большущая фура, — а хахаля Маринкиного я знаю, собственник жуткий, он не позволит ей на сцене блистать. Быстренько округит, а потом, пока она симпатичная, станет ей перед друзьями на светских раутах хвастаться, держа её на коротком поводке. Потом же, когда она постареет да подурнеет, он её или бросит, или дома запрёт, повесив на неё все дела и детей впридачу. Вспомни Ольгу Тарасову, большие надежды подавала, а где она сейчас? Ютится с тремя детьми в двушке на окраине и хватается за любую работу, чтобы по миру с сумой не пойти.

— Ты-то почём знаешь? — буркнула я, отворачиваясь к окну. Настроение и без того не радужное окончательно и бесповоротно рухнула ниже уровня плинтуса.

— Я её по знакомству в фотоателье устроил, так что знаю, можешь не сомневаться.

Что? Наш Казанова с какого-то перепугу стал помогать бывшей актрисе? С чего бы вдруг? Что-то я не припомню таких приступов человеколюбия у Александра Опалова! Опалов прекрасно понял, что я ему не верю, но бить себя пяткой в грудь, многословно заверяя меня в искренности своих слов не стал, лишь плечами передёрнул, буркнул, отворачиваясь и глядя на дорогу:

— Можешь не верить, убеждать не стану.

Я кашлянула, прочищая горло.

— Умеешь ты удивлять, Опалов.

Александр масляно блеснул глазами, курлыкнул бархатисто:

— Ты меня совсем не знаешь, я не так и плох, поверь мне.

Вот если бы не рука, опять нагло ползущая в сторону моей коленки, я бы, возможно, и прониклась прелестью момента. А так лишь отбила очередное посягательство, сумочку на плечо забросила и непритворно обрадовалась, увидев знакомый до последнего кирпичика дом:

— О, мы уже приехали! Спасибо, что подвёз, пока.

Я быстро выпорхнула из машины, помахала ручкой и побежала к подъезду, по пути поздоровавшись с контрольно-пропускным пунктом в виде трёх бабулек пенсионерок, сидящих на лавочке и неустанно заботящихся о том, чтобы у соседней никогда не было проблем с костями. Ух, чует моё сердце, сейчас мне всю биографию с географией перемоют! Интересно, сколькими ребятишками и любовниками меня наградят, пока я до своей квартиры на третьем этаже поднимаюсь? А о помощи Ольге Опалов, конечно, соврал, не такой он человек, чтобы кому-то просто так от доброты душевной помогать. Или всё-таки не соврал? В каждом же человеке есть что-то хорошее. Ай, да какая разница, в самом-то деле? Я передёрнула плечами, распахнула дверь в квартиру, привычно перехватывая выскочившего меня встречать кота Яра. Рыжий мохнатый великан сердито мявкнул, протестуя против ущемления кошачьей свободы, но быстро успокоился и басовито замурчал, тыкаясь пушистой мордочкой мне в шею. Кот у меня завёлся сам, просто пришёл однажды и терпеливо сидел под дверью, дожидаясь, когда я вернусь домой. Сначала я не хотела впускать нового квартиранта в дом, всё-таки приручать взрослое животное, с уже сложившимся характером и привычками гораздо сложнее, чем маленького котёнка, но посмотрела в необычные, цвета полуночи, глаза кота и не смогла его выгнать. Случайно или нет, но Яр напомнил мне Ярополка из то ли забытого прошлого, то ли полустёршегося предутреннего сна, да и вообще кот оказался удивительно воспитанным и сообразительным. А самое удивительное, что его никто не искал, хотя я честно, пусть и не без внутреннего содрогания и душевного трепета, разместила на своей странице в Интернете сообщение о том, что ко мне приблудился кот.

— Ярушка мой, — я потёрлась щекой о кошачью мордочку, с наслаждением запуская пальцы в густую шерсть, — соскучился?

Кот согласно мявкнул, сосредоточенно обнюхивая меня и время от времени недовольно пофыркивая. Чего это с ним, уж не заболел ли? Ой, точно, от меня же Опаловым пахнет, запах незнакомый, вот Яр и нервничает.

— Не волнуйся, мой сладкий, — я чмокнула кота в крутой лобик, фыркнула, сдувая попавшую в нос шерстинку, — это от меня коллегой пахнет.

— Мяу? — кот заинтересованно боднул меня в подбородок, уютнее устраиваясь на руках и то выпуская, то опять втягивая коготки.

Мой умничка, он всё прекрасно понимает! Иногда мне кажется, что Яр ничуть не менее разумен, чем любой из нашей труппы, а уж по благородству манер, умению сопереживать и сочувствовать и вовсе даст сто очков вперёд тому же Опалову.

— Мяу, — опять напомнил о себе кот, боднув меня в плечо.

И да, в настойчивости Яру тоже не откажешь, уж если что задумал, то не успокоится, пока своего не добьётся. С котом на руках, рассказывая о богатом на события дне, я прошла на кухню, с наслаждением втянув носом витающий в воздухе аромат тушёного мяса. Как же мне всё-таки повезло с соседкой! Добродушная Тамара Васильевна, дама неопределённого возраста, имеющая связи во всех сферах жизни и даже смерти (уверена, если как следует

порасспрашивать, у неё и киллер знакомый найдётся, а то и не один) с готовностью взяла меня под своё крыло, едва я переступила порог своей новой уютной однокомнатной квартирki. Соседка сразу предупредила, что она ведьма, но добрая, зла никому не желает и не творит, пообещала мне большую и светлую, не хуже, чем в книгах, любовь и покорение вершин театрального искусства. Я мило улыбалась, кивала, честно говоря, не веря ни единому слову, но уже на следующий день меня поставили дублёршей нашей примы. Совпадение? Возможно, но, согласитесь, всё равно приятно. А через три дня ко мне пришёл Яр, моя серо-рыжая любовь с глазами цвета полуночи.

Я спустила кота на пол, распахнула холодильник, с чувством глубокого удовлетворения отметив, что обоняние меня не подвело и на полочке действительно стоит полная кастрюля картошки с мясом. М-м-м, вкуснятина! Я вынула кастрюлю из холодильника и поставила её на стол и мягко отодвинула Яра ногой, чтобы, боже упаси, не наступить на своего мохнатого любимца.

— Сейчас, мой хороший, мы с тобой кушать будем, — я почесала кота за ухом, подхватила с пола его мисочку и пошла в ванну за губкой.

Согласитесь, совершенно недопустимо кормить любимого питомца из грязной посуды! Да и воду в поилке поменять надо. Мурлыкая себе под нос детскую песенку про Синеглазку, я положила Яру мяса с картошкой, погладила кота, приглашая его к ужину, но мой мохнатый рыцарь без меня к трапезе приступать отказался. Сел около миску, обернув хвостик вокруг лапок и выжидательно глядя мне в лицо.

— Сейчас, мой хороший, я быстро! — я метнулась в комнату переодеваться и тут по закону подлости раздался звонок в дверь. Да кто там ещё?!

Я покосилась на кота. Яр не шипел и не лупил себя хвостом по бокам, наоборот, подошёл к двери, принялся и утвердительно мявкнул, мол, порядок, можно открывать. Отлично, значит не соседские мальчишки озоруют и не очередные спасители душ человеческих пожаловали. Я открыла дверь и увидела добродушно улыбающуюся Тамару Васильевну с большой тарелкой румяных блинчиков, аккуратно свёрнутых конвертиками и щедро посыпанными сахарной пудрой.

— Добрый вечер, Юленька, — женщина приветливо кивнула мне, протягивая тарелку, — а я вот блинчиков напекла с вишней, угощайся на здоровье, ты ведь их любишь.

Не припомню, чтобы я рассказывала соседке о своих вкусовых предпочтениях, но это и неважно, верно? Тем более, что Тамара Васильевна угадала, вишню я просто обожаю.

— Спасибо большое, — я благодарно улыбнулась, принимая подарок, и отступила, пропуская соседку в квартиру, — заходите.

— Благодарю, — Тамара Васильевна впорхнула в коридор, почесала Яра за ушком. — Привет, Яр, рада тебя видеть. Как твои дела?

Кот замаякал, словно и правда понял обращённый к нему вопрос.

— Да ты что, — соседка всплеснула руками, озорно стрельнула глазами в мою сторону, — так-таки коллегой пахнет? Говорит, он её на машине подвозил?

— Мяу, — Яр утвердительно мотнул головой.

— Ай-яй-яй, — Тамара Васильевна погрозила мне пальцем, — разве можно, имея одного мужчину, да ещё такого замечательного, второму глазки строить!

— И ничего я не строила, — я рассмеялась, вдохнула аромат блинчиков и сглотнула слюну, — идёмте лучше ужинать. Кстати, Тамара Васильевна, балуете вы меня, то картошка с мясом, теперь вот блинчики.

Соседка как-то странно усмехнулась, опять погладила Яра и пробормотала что-то неразборчивое, я толком не поняла, а переспрашивать не стала, уж больно вкусно блины пахли. Передав тарелку с гостинцем соседке и попросив её отнести угощение на кухню, я поскакала в комнату переодеваться.

После ужина Тамара Васильевна попрощалась, благодушно отмахнувшись от моих многословных дифирамбов в свой адрес и ушла, пожелав мне приятного вечера и спокойной ночи. Я намыла посуду и устроилась на диване с трагедией "Ромео и Джульетта", чтобы проникнуться духом повествования, глубже раскрыть характеры героев и осознать неизбежность драмы запретной любви. Яр запрыгнул ко мне на диван, положил голову мне на колени и басовито замурлыкал, всем своим видом демонстрируя, что жизнь определённо удалась. Я почёсывала кота за ушком, читала и перечитывала известные до последней паузы диалоги и никак не могла погрузиться в хитросплетения жизни Вероны той давней поры. Ехидный внутренний голос, который пробуждается у меня всегда в самый неудачный момент, желчно интересовался, что помешало Ромео сообщить о своём венчании с Джульеттой, а также забрать её, пусть и тайком, с собой в Мантую. Я с досадой мотнула головой, подобрала под себя ноги, успокаивающе погладив встрепенувшегося и вопросительно посмотревшего на меня Яра. Увы, изменение позы пробуждению романтизма не поспособствовало, я отложила книгу, достала ноутбук и включила на нём любимую экранизацию "Ромео и Джульетты". Через десять минут просмотра мне мучительно захотелось клубники со сливками, я поставила фильм на паузу и потопала к холодильнику, благо стратегический запас ягод и сливок у меня всегда имеется. С десертом фильм я посмотрела ещё полчаса, а потом вынуждена была признать, что настроение у меня совершенно неподходящее для этой трагедии, в голове роятся воспоминания о прошедшем дне, мешая сосредоточиться на терзаниях героев. Мама дорогая, уж не влюбилась ли я в Опалова? Чур, меня, чур от подобного сомнительного удовольствия! Просто слишком много всего произошло, опять-таки усталость накопилась, вот глупости разные в голову и лезут. А лучший способ проветрить голову — это или прогуляться, что не желательно, учитывая колотящий в окна дождь напополам с сырым снегом, или лечь спать. И плевать, что время всего девять вечера, завтра встану пораньше, домашними делами займусь перед репетицией. Я расправила кровать и юркнула в уютное тепло одеяла, отложив все думы и хлопоты до утра. Яр, потоптавшись немного у меня в ногах, перебрался поближе к голове и замурчал свою кошачью колыбельную, время от времени довольно щуря свои тёмные, цвета полуночи, глаза и подёргивая пушистым хвостом.

Сцена 1. Когда наступает ночь

Ближе к полуночи дождь унялся, тучи лениво и неохотно расплзлись в разные стороны, уступив место бледной и измождённой луне. Серо-рыжий пушистый кот, дремлющий в изголовье дивана, на котором спала темноволосая девушка, наострил уши и бесшумно прыгнул на пол. Сладко потянувшись, кот шагнул к окну и встал в пробивающийся из-за неплотно задёрнутых штор лунный луч. Одно мгновение, равное удару сердца спокойно стоящему человеку, ничего не происходило, а затем кот подёрнулся голубоватой рябью и стал стремительно увеличиваться в размерах, меняя очертания, превращаясь в человека. Если бы Юля в этот миг проснулась, она непременно узнала бы Ярополка, того, чей смутный образ до сих пор тревожил её сон.

Коллеги Яра не солгали, эксперимент по перемещению во времени действительно провалился, но виной тому стала не поломка опытного образца машины времени и не ошибки в вычислениях, а серо-рыжий кот, любимец всех сотрудниц института. Любопытный, как и все истинные представители кошачьей породы, кот прокрался в лабораторию и в самый ответственный момент мало того, что сунулся Яру под руку, нагло напрашиваясь на ласку, так ещё и хвостом смахнул старательно выведенные в зыбком облаке портала символы. Портал загудел, завибрировал, временная воронка стала стремительно наливать тревожно фиолетовым светом. Ярополк бросился восстанавливать символы, а испуганный кот зашипел, вздыбив шерсть и выгибая спину, а потом прыгнул учёному на плечи. Прогремел взрыв, детали опытного образца машины времени разнесло по всей лаборатории, жадные языки пламени с азартным треском принялись поглощать всё, что только могло гореть. Когда на шум и вой противопожарной безопасности прибежали коллеги Яра, они сквозь льющуюся с потолка пену увидели лишь обломки машины, пятна крови и растянувшегося на полу кота, чья шерсть местами продолжала ещё слабо дымиться. Сам Ярополк пропал без следа и никто не мог даже предположить, где его искать. Учёные даже не догадывались, что на самом деле их коллега никуда не пропадал, просто из-за сбоя эксперимента переместился в кота. Безутешные сотрудницы, громко причитающие над несчастным котиком, отвезли его в ветклинику, умоляя врачей сделать всё возможное, а лучше и невозможное.

Несколько дней Яр находился между жизнью и смертью, но затем, благодаря кошачьей живучести и пониманию того, что он нужен Юле и должен быть рядом с ней, стал восстанавливаться. Яр надеялся вернуться в институт и найти способ снова стать человеком, но его планам не суждено было исполниться. Руководство категорически запретило держать любых питомцев, кроме экспериментальных образцов, в институте. Сотрудницы горестно вопияли на жестокосердие начальства, но изменить ничего не могли, двери института оказались для Яра закрыты, а значит, нужно было искать другие способы возвращения себе привычного облика. Не дожидаясь конца лечения, Яр сбежал из больницы, благо все швы с него уже сняли, а слабость мышц хорошо восстанавливалась длительными прогулками. Ярополк всей душой стремился к той, кого назвал своей невестой, но из-за досадной случайности так и не успел назвать женой — своей ненаглядной Юленьке. Яр был уверен, что его любимая не прогонит его пусть и в кошачьем облике. И он не ошибся, Юля пустила его в свою квартиру и даже, что это как не милость судьбы, назвала Яром. Ярополк изо всех своих кошачьих сил пытался рассказать невесте что это он, просто в другом облике, но увы,

умница Юленька мяуканья не понимала. К счастью для Ярополка, соседка Юли оказалась самой настоящей ведьмой, она с первого же взгляда поняла, что кот отнюдь не обычный, даже попыталась вернуть Яру его истинный облик, но, увы, сил не хватило. Благодаря помощи Тамары Васильевны Яр получил возможность становиться человеком, но только во время отсутствия Юли да ещё по ночам в колдовском свете луны. Что ж, для того, кто целый месяц вынужден был не снимая носить кошачью шкурку, это не так уж и плохо, верно?

Ярополк заботливо поправил одеяло, чтобы Юля не замёрзла ночью и бесшумно вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Яр направлялся по маршруту, проторенному многими любителями ночных перекусов: на кухню, только не для совершения ритуала ночного опустошения холодильника, а совсем с иной целью. Учёный пытался смастерить портативный переместитель, чтобы вернуть себе свой родной человеческий облик. Конечно, далеко не все детали у него были, всё-таки шестигранный микроизлучатель в обычных магазинах, торгующих бытовой техникой, сантехникой и даже автозапчастями найти нереально, но ему можно постараться подобрать замену. И прямоугольному распределителю тоже, главное — не унывать и как следует постараться. Если бы сторонний наблюдатель смог заглянуть на небольшую уютную кухню на третьем этаже самой заурядной пятиэтажки, то он не смог бы сдержать улыбку. Картинка действительно была занимательная: симпатичный молодой мужчина, обнажённый по пояс, сидел прямо на полу и сосредоточенно копался к каких-то железках, соединяя их друг с другом по примеру Лего или металлического конструктора. Когда что-то не получалось, Яр раздражённо фыркнул, сердито сопел, откладывая строптивую деталь в сторону и брал другую. Корпус для портативного переместителя у Ярополка был, причём даже самой лучшей из всех существующих формы: круглый, гладкий, без лишних углов, рычагов и прочих приспособлений, которые так или иначе могли бы помешать настройкам портала. Тамара Васильевна пожертвовала во имя нужд науки свой старый, ещё советской поры, пылесос "Спутник", внешним видом вполне оправдывающий своё звучное название. Сначала Яр хотел держать все детали будущего переместителя в одном месте, но корпус пылесоса не влезал в нишу под окном на кухне, пришлось прятать его под ванну, благо Юля не имела ни времени, ни особого желания изучать столь труднодоступные уголки квартиры. Помимо корпуса Ярополк собрал основу для переместителя, но вот энергетический излучатель собирать не желал категорически. Для института его заказывали в специальной мастерской, причём заявку подписывал и отправлял непосредственно руководитель.

Пока Яр пытался из имеющихся под рукой деталей собрать портативный переместитель, чувствуя себя порой учеником начальной школы, которому на уроке технологии дали задание построить стул из металлического конструктора, на другом конце города металась по полутёмной квартире ослеплённая ревностью и жаждой мести Анечка. Девушку было не узнать: тёмные волосы спутались, разметавшись по плечам и частично упав на лицо, чёрные глаза сверкают, как у вышедшей на охоту голодной кошки, а черты лица исказились, превратив хорошенькую девушку в самую настоящую ведьму.

— Да как она смеет, — Анна топнула ножкой, так яростно стискивая кулачки, что на ладонях остались багровые полукружия, — кем она себя только возомнила?! Подумаешь, Джульетта нашлась, вечная замена, чтоб ей ни на том, ни на этом свете покою не было!

Девушка яростно пинает подвернувшийся по пути стул, тот с грохотом падает на пол, но Анну это ничуть не успокаивает. Наоборот, резкий звук падения стула словно бы придал актрисе новые силы, она заметалась по квартире в два раза быстрее.

— Ненавижу, — с чувством выдохнула Анна, стискивая пальцы так, словно сжимала шею Юли, — жизни не пожалею, а уничтожу тебя, тварь!

Девушка останавливается, тяжело дыша и нетерпеливо отбрасывая упавшие на лицо волосы. Какое-то время Анна задумчиво смотрит на бледную луну, равнодушно вззирающую на происходящее в квартире через окно.

— Уничтожу, — холодно повторяет Анна, сузив глаза и резким решительным движением задёргивая шторы, — а что, это мысль. Тогда я буду второй после Маринки, а если она не вернётся, то и первой стану. Только как это сделать, чтобы не попасться?

Девушка задумчиво барабанит пальчиками по подбородку, медленно подходит к сваленным кипой на столе рекламным газетам, берёт одну, рассеянно просматривает объявления. Внезапно в чёрных глазах Анны вспыхивает безумный огонь торжества.

— Идея, — девушка кривит пухлые губки, подносит газету едва ли не к самому носу, жадно читая и перечитывая рекламное объявление потомственной ведьмы, гарантирующей сто процентное избавление от соперницы и тёмную ворожбу любой степени сложности. — Отлично, это именно то, что мне и нужно! Ты так хотела стать Джульеттой? Прекрасно, ты ей станешь! И пусть не будет твоей повести ничего печальнее на свете, ты это заслужила, гадина!

Ни на миг не задумавшись над тем, что для телефонного разговора уже слишком поздно, Анна бросается к мобильнику и трясущимися от волнения и ненависти пальцами набирает номер ведьмы. Первый длинный гудок. Девушка бледнеет, в нетерпении кусая губы. Вторым гудком, убийственно-тягучим, словно наматывающий истерзанные нервы на невидимую катушку. Анна стискивает телефон так, что белеют костяшки пальцев, а прочный противоударный корпус негромко трещит, с трудом выдерживая натиск обезумевшей от ненависти и зависти ревнивицы. Когда раздаётся третий равнодушный гудок, девушка не выдерживает и вскрикивает, яростно пинает стол и вскрикивает ещё раз, от боли в отшибленном пальце.

— Слушаю, — раздаётся наконец в телефоне глуховатый женский голос.

Анна открывает рот, но из пересохшего горла не вылетает ни звука, девушка лишь судорожно хватая воздух, беззвучно шевеля губами.

— Ну, чего молчишь-то? — усмехается ведьма. — Чай, не помолчать в два часа ночи мне позвонила. Говори, какая напасть приключилась?

— Мне соперницу избыть надо, — выдыхает Анна и невольно вздрагивает от старческой хрипоты в голосе. А всё из-за неё, Юльки проклятой, вон, до чего она, стерва проклятая довела, уже голос подводить начал!

— Дёшево за работу не возьму, — ведьма сохраняет ледяной спокойствие, видимо, подобное обращение для неё уже давно не в диковинку.

Анна облизывает пересохшие губы и страстно шепчет, стараясь всю душу вложить в слова, чтобы у ведьмы даже тени сомнений или колебаний не осталось:

— Я на всё, понимаете, на всё согласна, душу и ту отдать готова.

— Душу? — ведьма трескуче рассмеялась, словно кто-то невидимый ломал сухое дерево для растопки. — Ишь, смелая какая, а как расплачиваться пора придёт, так сразу и вилять начнёшь. Знаю я вас таких, навидалась на своём веку.

Анна так яростно затрясла головой, что даже волосы в рот попали:

— Не начну, вот увидите, не начну, я любую цену заплачу, сколько скажете.

Ведьма молчала долго, мучительно долго, Аня пока её ответа ждала, всю губу до крови

изгрызла, боли не чувствуя.

— Ну что ж, — зазвучал в мобильном телефоне глуховатый голос, — коли решила — приезжай, но помни, девочка, крепко помни, плата будет большой. И обратного хода у моих чар нет. Коли передумаешь, не напустишься с тёмными силами связываться, я пойму и осуждать не стану.

— Приеду! — выкрикнула Анна, едва на месте не подпрыгивая от накатившей на неё эйфории. — Диктуйте адрес, мигом домчусь!

Ведьма негромко вздохнула, опять помолчала, а затем медленно, как бы даже нехотя продиктовала адрес. Жила чародейка на другом конце города, своей машины у Анны не было, общественный транспорт, само собой, уже не ходил, но такие мелочи не могли остановить решительную настроенную актрису. Охваченная неутолимой жадностью мести девушка готова была и бегом к ведьме бежать, лишь бы насолить проклятой сопернице, а ещё лучше и вовсе уничтожить её. Впрочем, пешком топтать на другой конец города не пришлось, в службе такси нашлась свободная машина и уже через десять минут после телефонного разговора с ведьмой Анна вольготно расположилась на переднем сидении серебристой «Ауди». Водитель, молодой не лишённый привлекательности парень с интересом посматривал на симпатичную пассажирку и даже пытался завязать с ней беседу, но Анне было не до пустых разговоров. Она ни о чём другом, кроме визита к ведьме, не желала думать. Только упоение мстостью, предвкушение мучений проклятой соперницы влекло её.

Дорога показалась Анне бесконечно длинной, она постоянно ёрзала на сидении, мучительно, до рези в глазах, всматриваясь в темноту ночи, со всех сторон окружающую машину. Девушке казалось, что они не едут, а стоят на одном месте, но, разумеется, это было не так.

— Что, с родственниками что-то случилось? — сочувственно спросил водитель, когда Анна в очередной раз привстала на сидении, пытаясь разглядеть, далеко ли ещё до желанной цели.

Девушка раздражённо покосилась на посмеявшегося пристать с глупыми вопросами парня (вот ещё, жалельщик выискался, меньше бы языком трепал, быстрее бы доехали!), фыркнула, сверкнула зло глазами и отвернулась, не удостоив собеседника ответом. Водитель тоже замолчал, обиженный таким явным пренебрежением.

«Тоже мне, цаца, прям принцесса! С простым водилой и словом перекинуться не желает, а сама, небось, среди ночи к богатому любовничку подорвалась. Вон, как спешит, мало впереди машины вприскачку не несётся! И чего этим бабам вечно надо, спрашивается? Дома сидишь — плохо, альфонс, живёшь на всём готовом. Работаешь — худо, мало денег приносишь. Берёшь подработку — истерики через день да в каждый день, мало времени ей уделяешь, не иначе, по бабам шляешься».

Парень зло фыркнул, лихо вписался в поворот и сбросил скорость, потому что свет двух фонарей, призванных освещать всю длинную и извилистую улицу, больше подошёл бы не современным лампам накаливания с мощностью в несколько сотен ватт, а средневековым факелам.

«Наверное, как в сорок первом здесь затемнение установили, так до сих пор и не сняли, — водитель озорно улыбнулся и покосился на свою странную пассажирку, так сцепившую пальцы на ремешке сумочки, что даже костяшки побелели. — Нет, если бы она к любовнику на свидание ехала, то прихорашиваться бы начала, губы подкрашивать, а эта

сидит, словно на сковороде раскалённой. Видимо, об измене узнала, хочет своего мужика, как говорится, на месте преступления застукать».

Парень усмехнулся, головой покрутил, незаметно наблюдая за пассажиркой, которая то вдруг покрывалась смертельной бледностью, а то вспыхивала маковым цветом.

«Она у меня хоть не родит прямо в машине? — парень озадаченно нахмурился, матюгнулся чуть слышно, когда машина попала двумя колёсами в незаметную в темноте колдобину. — Да не, не должна, живота-то нет. Чёрт, скорей бы уже доехать, а то мало ли, может, она труп едет прятать, потому так и психует. А меня как нежелательного свидетеля уберут, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не накаркать».

Анна сомнений и душевных метаний водителя даже не заметила, не до того ей было, дом бы ведьмы по таким потёмкам найти. К искреннему облегчению девушки, плутать по ночной незнакомой улице, ежеминутно рискуя оступиться и сломать ногу, а то и шею свернуть, ей не пришлось, ведьма великодушно вышла встречать свою позднюю посетительницу. Анна быстро сунула в руку водителю пятитысячную купюру, буркнула, что сдачи не надо и выпорхнула из автомобиля даже раньше, чем тот полностью остановился. Впрочем, водитель тоже мешкать не стал, едва странная пассажирка покинула салон, лихо развернулся и помчался прочь, туда, где ярко горят фонари, где самая большая проблема — спущенное во время вызова колесо и нет девиц, расширенными глазами жадно взирающих в темноту в поисках то ли подельника, то ли коварного изменщика-любовника.

Ведьма, к которой так стремилась Анна, оказалась невысокой сухощавой дамой неопределённого возраста. Ей могло быть как пятьдесят с хвостиком, так и глубоко за семьдесят. Есть такой тип людей, старость то ли не рискует к ним приближаться, то ли просто забывает о них. Анна даже губки с досадой поджала, решив, что нарвалась на наглую мошенницу.

— За мной следуй, — коротко приказала женщина и пошла в сторону дома, кажущегося в призрачном свете луны словно вырезанным из чёрной бумаги.

— Послушайте, давайте мы всё обсудим здесь, — Анна досадливо мотнула головой, не спеша выполнять приказ непонятной тётки.

Жажда мести за время дороги успела немного утихнуть, а на свежем, пожалуй, даже слишком свежем воздухе, да ещё незнакомой безлюдной улице, где случись что, звать на помощь бесполезно, в душе девушки поднял голову инстинкт самосохранения. Анну совсем не прельщала перспектива собой сводку криминальных происшествий за эту ночь, она слишком хороша для того, чтобы умереть в страшных муках в лапах какого-нибудь наркомана или маньяка!

— Другой смерти желаешь, а за свою жизнь трясёшься, — хмыкнула ведьма.

«Не может же она мои мысли прочитать», — опасливо подумала Анна, отступая от незнакомки ещё на полшажочка.

— Почему, могу, — женщина подошла вплотную к побледневшей от страха Анне, цепко ухватила её за руку, — я не только мысли, каждое трепетание твоих душевных струн вижу. Что, страшно тебе, боишься меня? Правильно, я жалеть не стану. Думаешь, я шарлатанка безумная? А вот это зря, я самая настоящая ведьма.

Анна с трудом сглотнула, переступила с ноги на ногу, чтобы унять предательскую дрожь в коленках и с вызовом вскинула голову:

— А ты докажи. А то всё слова одни, да спецэффекты театральные.

Ведьма плечом пожала, рукой над головой Анны махнула, словно незримую петлю

накидывая. Девушка усмехнулась, глянула дерзко, мол, не боюсь я твоей пантомимы. Хотела ещё что-то сказать, колкое и уничижительное, да ведьма руками повела, незримую петлю затягивая. И тут случилось невероятное: горло Анны стала постепенно сжиматься, перекрывая доступ воздуха. Девушка в панике обхватила шею руками, разодрала ворот куртки, но легче не становилось. В ушах загудело, перед глазами всё поплыло, ноги подкосились, и Анна рухнула на колени, судорожно разевая рот, словно вытащенная из воды рыба.

— Ну что, поверила, что я ведьма? — колдунья скупно улыбнулась. — Или продолжишь упорствовать в отрицании очевидного?

Анна отчаянно закивала, из последних сил стараясь не потерять сознания.

— То-то же, — ведьма небрежно щёлкнула пальцами, возвращая девушке способность дышать, — в следующий раз думать будешь, прежде, чем гадости про окружающих думать да шарлатанами всех обзывать.

Анна хрипло вздохнула, массируя горло, закашлялась едва ли не до тошноты.

— Говори, зачем пожаловала?

— Соперницу... избыть надо, — хрипло прошелестела Анна, продолжая разминать горло, болевшее так, точно на нём действительно удавка затягивалась.

Ведьма глаза сузила:

— Желаешь другой горя даже после того, как пострадала сама?

Анна вскипела, словно молоко, оставленное нерадивой хозяйкой на плите:

— Да я её ненавижу! Эта тварь всё у меня отняла: парня, роль, всё, понимаете, всё! Да я готова её собственноручно сжечь, а из пепла печенья напечь и собакам бездомным скормить! Ненавижу её, ненавижу!!!

— Что ж, будь по твоему, — от этих простых слов на улице резко похолодало, словно зама в разгар весны вернулась. — Вот, возьми, это мощное проклятие, оно погубит ту, кого ты так сильно ненавидишь. Но помни, цена за злые чары немалая. Подумай, прежде чем на волю их выпустить, обратной силы моё колдовство не имеет.

Анна крепко сжала в кулаке серый замшевый мешочек, на вид абсолютно безобидный и даже симпатичный:

— Я не передумаю. И уплачу любую цену не торгуясь.

— Сделка заключена и оплачена, колдовство обратной силы не имеет, — провозгласила ведьма и внезапно резко дунула Анне в лицо.

Девушка зажмурилась, а когда открыла глаза, обнаружила себя в своей постели. Рядом разливался птичьим гомоном будильник на мобильном телефоне, а в окно робко заглядывали солнечные лучи нового дня. Если бы не лежащий на прикроватной тумбочке замшевый мешочек, Анна бы решила, что всё произошедшее ночью ей просто приснилось. Девушка быстро вскочила с кровати и прежде чем приступить к умыванию и завтраку бережно спрятала подарок от ведьмы в сумку. Отступить от намеченной цели и жалеть соперницу Анна не собиралась.

Сцена 2. Проклятая воронка. Юля

Проснулась я под басовитое мурчание тыкающегося мне в щёку холодным мокрым носом Яра. Кот всегда будил меня за пять минут до того, как срабатывает будильник, пушистая умница словно знал, что я люблю понежиться и попотягиваться в кровати, а не сразу вскакивать и бежать умываться. Впрочем, если бы кто-то сказал мне, что мой кот — самый настоящий оборотень, способный превращаться в человека, я бы ничуть не удивилась. Яр умён, иногда даже слишком умён для обычного уличного кота, никогда не жившего в доме и не знавшего тепла хозяйских рук.

Я почесала кота за ухом и выключила начавший трезвонить будильник. Ну вот, наступило утро нового богатого на события дня. Сегодня мы репетируем сцену под балконом, и мне придётся постараться, чтобы наша с Александром пара выглядела гармоничной и искренне влюблённой. Нет, внешне наш герой любовник вполне симпатичен, но вот характер... Павлин самовлюблённый, иначе и не скажешь! Я спрыгнула с кровати и пошлёпала в сторону ванны, продолжая думать о театре, репетиции, Геке, которого не хотелось подводить и Александре, само собой, ведь он мой партнёр. Впрочем, с размышлений о театрально Казанове я быстро соскользнула на призрачное полузабытое воспоминание о каком-то мужчине, которого, я в этом железобетонно уверена, я искренне любила и продолжаю любить до сих пор. Ох, как бы мне с такими излишне реалистичными снами не оказаться в закрытом пансионате с мягкими стенами и плечистыми санитарями! Я тряхнула головой и щедро плеснула себе в лицо ледяной воды, чтобы окончательно проснуться и прояснить голову.

Мурлыкая простенький мотивчик навязчивой, словно июньская мошкара, рекламы, я быстро оделась, причесалась и поскакала на кухню готовить завтрак. Дремлющий на окошке Яр проводил меня взглядом, но следом не пошёл. Интересно, чем он таким по ночам занимается, что утром до него добудиться нельзя?

— Яр, завтракать будешь?

Кот лениво дёрнул ухом и свернулся клубочком, накрыв мордочку хвостом. Ясно, мой пушистый рыцарь спать изволит. Эх, везёт же некоторым, могут сутками с боку на бок переваливаться и никаких им ранних подъёмов, репетиций и самовлюблённых напарников, с сомнением раздутым, словно именинные шары. Хотя, если подумать, минусы в кошачьей жизни тоже есть, вон, Яра кто-то на улицу выбросил, словно игрушку надоевшую. Нет, правильно сестрица моя говорит, что любая жизнь из чередования светлых и тёмных полос состоит, интересно, а какая полоса у меня наступила? Наверное, светлая, ведь я репетирую роль Джульетты, да и мама пусть и обиделась, но раздувать скандал не стала. На здоровье я, тьфу-тьфу-тьфу, тоже не жалею, денег хватает... Да, определённо, у меня в жизни светлая полоса. Я потянулась за солонкой, и тут резкой трелью разразился лежащий на подоконнике телефон. От неожиданности я вздрогнула, солонка в моей руке покачнулась и соль просыпалась на пол. Вот же блин горелый! Хорошо, что я не суеверная, а то бы настроение бы точно испортилось, ведь просыпать соль, как мама часто повторяет, к большой беде.

Поставив солонку, я подхватила телефон, и лёгкая досада сменилась безграничным удивлением: звонил Александр. А этому что с утра пораньше потребовалось? И кстати, откуда он мой номер знает, мы же толком никогда и не общались?!

— Слушаю, — приветствие вышло так себе, на троечку, но расшаркиваться перед

самовлюблённым павлином не хотелось. Ещё, боже упаси, решит, что я к нему равнодушна, потом не отвяжешься.

— Через двадцать минут я подъеду, заберу тебя на репетицию. Собирайся быстрее, я долго ждать не люблю.

Александр сбросил вызов, не дав мне возможность отказаться. Вот зараза! Я покосилась на часы, задумчиво забарабанила пальчиками по столу. Убежать прямо сейчас, толком не позавтракав? Да ну, глупости, прямо детский сад какой-то. Тем более, молчать Опалов точно не будет, мало того, что сам изведёт своими дурацкими насмешками, так и другим растреплет, как я от него бегаю, словно заяц от волка. Значит, согласиться на его предложение? Хотя, какое там предложение, констатация факта, приказ, не терпящий отказа! Так стоп, чем больше я его отталкиваю, тем сильнее вызываю интерес, он же привык к тому, что девушки на него сами вешаются. Значит, мне нужно пойти дорогой, проторенной моими предшественницами: сыграть неистовую влюблённость, ахать по Опалову, ходить за ним всюду, достать его своим обожанием так, чтобы он от меня сам шарахаться начал. Я коварно улыбнулась, замела просыпавшуюся соль и приступила к завтраку.

Собиралась я не спеша, тщательно обдумывая выбранную стратегию. Яр, словно уловив изменения в моём настроении, ходил за мной по пятам, тревожно принохиваясь и время от времени трогая меня пушистой лапкой. Я наклонилась почесать кота за ушком и нечаянно смахнула стоящую на краю стола косметичку с небольшим зеркальцем в крышке. Упала косметичка крайне неудачно: по зеркалу пролегла уродливая трещина, похожая на ветвистую молнию. Вот же гадство, мамин подарок испортила! Я досадливо мотнула головой, попыталась достать зеркальце из крышки, но только обрезалась, запятнав стекло кровью. Ну всё, теперь осталось только дохлую птицу увидеть и можно считать все самые дурные предзнаменования собранными. Ах, нет, ещё чёрную кошку забыла. Прямо рекламная акция: собери три дурные приметы и получи четвертую в подарок! Я рассмеялась, подхватила Яра с пола, чмокнула его в тёплую макушку и побежала в коридор обуваться, игнорирую резкий звонок мобильного телефона, извещающий, что карета прибыла, и принц в нетерпении роет копытом землю.

Не успела я выйти из подъезда, как мимо меня чёрной мохнатой молнией пробежал здоровенный чёрный кот и спрятался в кустах. Видимо, я помешала кошачьей трапезе, потому что истерзанный трупик голубя остался лежать на дороге, безмолвно вопия о своей скорбной участи. Ладно, птичке уже ничем не поможешь, так пусть хоть котик спокойно позавтракает. Я кончиком балетки подопнула тушку птицы к кустам. Раздалось приглушённое кошачье урчание, в воздух взлетело несколько перьев, качнулись ветки. Вот и всё, кошачий завтрак состоялся.

— Ты идёшь или нет? — Опалов, злой, словно голодный дракон, выглянул из машины. — Чего копаешься-то?!

Да уж, терпение явно не является сильной стороной нашего театрального героя. Я хотела было поморщиться, но вспомнила о плане и томно выдохнула, с обожанием глядя на Александра:

— Иду, мой герой.

— Перегрелась что ли? — удивился Опалов, глядя на меня со смесью озадаченности и недоверия. — Или издеваешься?

— Как можно издеваться над таким прекрасным мужчиной? — я молитвенно прижала ладошки к груди, точно копируя Анечку.

— А-а-а, в образ вживаешься, — «догадался» Александр и одобрительно кивнул, — молодец, правильно. У нас сегодня как раз сцена под балконом, так что, давай, дерзай. Кстати, пока помню, сегодня вечером ты идёшь со мной в кафе.

— С чего бы вдруг? — фыркнула я, вылетев из образа влюблённой курочки.

Александр небрежно положил руки на руль:

— Так ведь ты давно мечтала об этом, детка. Признайся, малышка, вся эта твоя неприступность всего лишь маска, ты влюблена в меня как кошка, только в отличие от других девиц предпочитаешь изображать недотрогу. Ну, так-то верно, неприступность всегда заводит.

Напомните, я говорила, что манию величия некоторых отдельно взятых индивидуумов можно вылечить только ампутацией большой части тела? Да, правильно, головы. Ну и самомненьице у Опалова, да Александр Македонский и Наполеон, мечтавшие захватить весь мир, по сравнению с этим надутым павлином просто скромники невероятные!

Пока я ошалело хлопала глазами, Опалов решил порадовать меня ещё одним знаком внимания и полез мне под юбку. Я изо всей силы шлёпнула обнаглевшую конечность и отчеканила, пристально глядя нашему венценосному барану в глаза:

— Слушай меня внимательно, повторять не буду: ты мне не нравишься. Более того, ты мне даже противен.

— Вау, детка, да ты прирождённая актриса, — Александр несколько раз хлопнул в ладоши, — какая экспрессия, сколько огня в глазах. А я и не знал, что ты настолько горячая штучка! Может, к чёрту репетицию и кафе, поедем прямо ко мне, а?

— Пошёл к чёрту, придурок, — я равнодушно отвернулась к окну, достала телефон и набрала номер Кирилла.

Если этот павлин и правда решит везти меня к себе, я успею позвать на помощь, а мой братец двоюродный из Опалова отбивную сделает. Да, нехорошо лишать трупку ведущего актёра, но и терпеть его самодурство я не собираюсь.

Кирилл откликнулся после первого же гудка, словно специально не выпускал из рук телефона в ожидании моего звонка:

— О, привет, малышка, ты как, уже вышла?

— Выехала, — я мельком покосилась на прислушивающегося к разговору Опалова, — меня Александр решил подвезти.

— С чего бы вдруг? — искренне изумился братец, как и все благоразумные люди в труппе знающий, что Опалов и благотворительность понятия взаимоисключающие.

Я выразительно приподняла брови и посмотрела на хмурого Александра, мол, ваш выход, маэстро, но пару минут назад такой разговорчивый кабальеро предпочёл роль без слов. Что ж, как говорится, была бы честь оказана, продолжим монолог, раз партнёр от диалога отказался.

— Сама не знаю, видимо, решил пополнить свою коллекцию новой игрушкой.

Кирилл помолчал немного, а потом ласково попросил:

— Сестричка, будь добра, передай трубочку Опалову, он ведь, я так понимаю, рядом?

Любезно озвученную просьбу я всегда готова исполнить незамедлительно, а потому не мешкая ни секунды я сунула телефон к уху Александру. Не знаю, что Кирилл сказал нашему звездешеству, но Опалов побледнел, сглотнул и отодвинулся от меня. Господи, как же всё-таки приятно, когда у хрупкой и беззащитной девушки находится умный и сильный защитник!

— Кирилл... с тобой поговорить хочет, — хрипло выдохнул Александр, даже не глядя в мою сторону.

Желания братика для меня закон.

— Да, мой хороший, — Я с любовью смотрела на фото брата на экране мобильного.

— Короче, сестрёнка, если тебя кто-то попытается обидеть, ты мне сразу скажи, ок?

— Разумеется, — тоном послушной девочки ответила я и добавила от всего сердца, — обожаю тебя!

— Взаимно, — хмыкнул Кирилл, — всё, пока, выхожу тебя встречать.

Честное слово, не понимаю я этих девчонок, зачем вешаться на шею Александру, когда мой брат в сто раз его лучше?! Хотя, с другой стороны оно и неплохо, что Кирилл не так избалован женским вниманием, а то бы тоже стал надутым павлином.

До театра мы доехали в гробовом молчании. Александр упоённо играл роль униженного и оскорблённого, а я наслаждалась комфортом поездки, жмурилась на яркое совсем уже летнее солнышко (а ведь буквально вчера-позавчера низкие тучи снегопадом грозили!) и негромко подпевала льющейся из динамика попсовой песенке. И да, стыдно мне не было ни капельки.

— Приехали, — буркнул Опалов, когда машина бесшумно затормозила у входа в театр. — Дверцу перед тобой не открываю, ты ведь вся из себя такая гордая и независимая, ещё решишь, что я на твою невинность посягаю. Брату потом жаловаться побежишь.

Отвечать колкостью на колкость я не стала, выпорхнула из автомобиля и приветливо помахала рукой стоящему на крыльце Кириллу. Александр покинул своего железного коня следом за мной, причём главный Казанова театра держал в руке мою сумочку. Вот же постановка авангардная, опять ремешок отстегнулся, а я даже и не заметила! Нет, надо будет найти время и дойти до ремонтной мастерской, иначе точно потеряю свою сумочку где-нибудь, а у меня там и ключи, и кошелёк, и телефон, и прочие дорогие девичьему сердцу мелочи.

— В машине оставила, — Опалов сунул мне сумку в руки, игнорируя заинтригованные взгляды вышедших на крыльцо подышать перед репетицией свежим воздухом актёров.

— О, наш Казанова новую куколку завёл, — хохотнул плотненький и начинающий активно лысеть в свои неполные тридцать Боря.

— Прибью, — негромко, но всё равно очень внушительно заметил Кирилл.

— Да ладно, Кирюха, не кипишуй, — Максим хлопнул моего брата по плечу, — Юлька у нас девчонка с головой, в обиду себя не даст. У неё все радости земные только после ЗАГСа, не то, что у некоторых, которые сами за мужиком бегают и в койку к нему падают и упрашивать не надо.

От этих злых, хоть и справедливых слов, курящая в уголке Анечка побледнела, покраснела, отшвырнула сигарету и бросилась в театр с такой скоростью, словно за ней полчища демонов неслись. Если бы я знала, что задумала наша скромница, я бы бросилась за ней и всеми силами постаралась бы убедить, что мне распрекрасный Александр Опалов и за очень большие деньги не нужен. Правда, велика вероятность, что ослеплённая ревностью Анечка мне бы просто не поверила, но я бы хотя бы попыталась её переубедить. А впрочем, не будем забегать вперёд.

В сопровождении Кирилла, щедро делящегося подробностями показанного вчера по телевизору футбольного матча, в котором, увы и ах, наша команда по недоброй традиции показала себя отнюдь не блестяще, я дошла до гримёрки. Мечущий, аки Зевс-громовержец,

громы и молнии братец хотел и в гримёрку следом за мной зайти, но я мягко выдворила его из комнаты. Настраиваться на репетицию или выступление я предпочитаю в одиночестве, чтобы можно было уловить образ той, чью жизнь тебе предстоит прожить, войти в тот мир, который был для неё единственно родным и понятным. Я медленно наклонилась над зеркалом, представляя себя наивной и восторженной Джульеттой, которой жизнь обещала так много. Да, на улицах родного города часто происходили стычки между Монтеки и Капулетти, лилась кровь и раздавались крики боли и ярости, но для сеньорины Джульетты это были лишь мимолётные облачка, не способные надолго затмить безмятежность её жизни. Я раскинула руки, запрокинула голову и закружилась по гримёрке. Да, вот так, детский восторг, огонь безрассудной страсти, ещё не вспыхнувший, но уже подспудно тлеющий, лёгкое опасение грядущих изменений, неискоренимое любопытство и желание знать, что будет там, дальше, в новом дне. И огромная до конца не понятая жажда любить и быть любимой, целый океан чувств, готовый смести всё то напускное и ненужное, что встанет на пути самой первой и чистой любви, вечной, как сама жизнь. Я глубоко вздохнула, поправила волосы и вышла из гримёрки полностью готовая к репетиции одного из ключевых моментов пьесы: сцены под балконом.

Декораторы потрудились на славу, балкон возвели чудный, даже ветвями винограда его оплели, со стороны зрительного зала вид открывался прямо-таки волшебный.

— Ну как, нравится? — Кирилл с таким гордым видом кивнул на декорацию, словно лично её сооружал.

Я даже рта раскрыть не успела, Опалов влез. Лениво окинул балкон снисходительным взглядом, уголком губ дёрнул и процедил:

— Я посмотрю, как наша Джульетта туда карабкаться будет.

— Как волк из первого выпуска «Ну, погоди» верёвку забросит и полезет, — рассмеялся Максим, озорно мне подмигнув. — А может, Юлька, тебя подкинуть, а ты за прутья уцепишься, а?

— Не смей! — взвился Геннадий Константинович, у которого во время репетиций и выступлений начисто пропадало чувство юмора. — Там же лестница есть. В левую кулису пройди, Юленька, через пять минут начнём.

Я согласно кивнула и направилась к кулисе, но Александр, с которым сегодня творилось явно что-то неладное, опять вылез:

— Я провожу.

Отказаться я не успела, меня цепко ухватили за руку и потащили к лестнице. Что ж, как гласит мой любимый афоризм: «в любой ситуации делай вид, что всё идёт по плану. Мало ли, какой дурацкий план может быть». Правда, когда на узких ступеньках Опалов попытался меня приобнять, я звучно шлёпнула его по рукам и прошипела негромко, но вполне убедительно, чтобы даже тени сомнений не осталось:

— Не лапай меня.

— Надо больно, — скривился наш театральный Казанова, — к твоему сведению, ты не в моём вкусе. Я предпочитаю более раскрепощённых девиц.

— Вот их и обнимай, — я деловито продолжила подниматься по лестнице, спиной чувствуя тяжёлый взгляд Опалова.

Интересно, через сколько ступенек меня опять попытаются вразумить? Ни за что не поверю, что наша звезда спокойно воспримет отказ и без комментариев отойдёт в сторону! Если уж его даже Кирилл уговорить не смог, то я и вовсе бессильна.

— Дура ты, Юлька, — прилетело мне в спину уже на третьей ступеньке.

Эх, жаль мне не с кем было поспорить на деньги, что Опалов просто так не уgomонится, я могла бы выиграть неплохую сумму!

— К твоему сведению, я помогаю тебе в образ вжиться, нам же в любовь играть, а меня от меня бегаешь, словно чёрт от ладана.

Ах, ты ж, какие мы заботливые! Я изобразила на лице самый нежнейший восторг и самое искренне восхищение, повернулась к Александру и прощебетала:

— Благодарю тебя, мой герой, мой Ромео!

Опалов чуть с лестницы не рухнул. Нет, до чего же всё-таки актёры непоследовательные существа! Сам жаловался на мою колючесть, а стоило только стать нежной ромашкой, как он чуть травму на производстве не получил! Я плечиком дёрнула, отвернулась, внутренне ехидно смеясь, и взбежала по лестнице до балкона. Надо будет, кстати, засечь, сколько у меня времени на подъём по лестнице уходит, чтобы всё точно рассчитать. На всякий вполне возможный случай.

Скажу честно: балкончик мне понравился. Небольшой, ажурный, украшенный виноградными побегами, весь такой воздушный, но при этом достаточно прочный, пол под ногами не шатается, перила... Я сначала неуверенно, потом решительнее облокотилась о перила. Прекрасно, перила тоже вполне прочные, можно мечтательно уткнуть щёчку в ладошку, возвести глаза к потолку, представляя на его месте звёздное небо и предаться мечтам. Правда, долго мечтать мне не дали. Опалов, чтоб его ёжики покусали, зачем-то припёрся следом за мной и встал рядом. Я хотела вытурить обнаглевшего героя-любовника, но режиссёр снизу восторженно возопил:

— Прекрасно! Юленька, повернитесь к Александру, так, ещё чуть-чуть. И больше нежности, страсти, порывистости!

А если я Опалова с балкона выкину, это будет считаться достаточно порывистым действием? В стопроцентной искренности такого поступка я готова ручаться.

— Так, Александр, приобними Юлю.

Меня с пылом морячка, дорвавшегося до женщины после двухлетнего плавания, притиснули к широкой груди, пахнувшей чем-то резким и терпким настолько, что у меня моментально запершило в горле.

— Нет-нет, не так решительно, больше нежности, чистоты.

Ха, нашли, кому о чистоте говорить!

Александр чуть ослабил хватку, позволив мне нормально дышать, за что я исключительно из чувства глубокой и искренней благодарности с размаху наступила на ногу. Опалов скривился, но из рук меня не выпустил, а жаль.

— Отлично, просто изумительно, — Геннадий Константинович звучно хлопнул в ладоши. — Так, Юленька, посмотри на Александра.

С трудом, в прямом смысле слова перебарывая себя, я нежно взглянула на Опалова, как мантру твердя, что я Джульетта, Джульетта, безумно влюблённая Джульетта, мы связаны друг с другом на века и никакие силы не могут нас разлучить, потому что я Джульетта, а он мой верный герой-защитник...

Видимо, мы с Опаловым были слишком убедительными, потому что Анечка, и так-то не блещущая бодростью духа, окончательно позеленела, выскочила к балкону и срывающимся на визг голосом возопила:

— Да будь ты проклята, разлучница проклятая, Джульетта несчастная, пусть твоя

трагедия даже затмит Шекспира!

В меня полетело что-то серое, похожее на давно не стиранный тряпку. Я, естественно инстинктивно отшатнулась, влипавшись в грудь Опалову, который вместо того, чтобы включить голову и утихомирить свою любовницу принялся с воодушевлением тискать меня. Я собиралась послать героя-любовника по эротическому маршруту, но тут произошло нечто странное: тряпка стала стремительно увеличиваться в размерах, превращаясь в воронку. Ладно, выяснение отношений оставим до лучших времён, сейчас надо покинуть балкончик, пока не стало слишком поздно. Я дёрнулась к лестнице, только вот Александр отпустить меня не спешил. Наоборот, притиснул ещё сильнее, озадаченно глядя на воронку:

— А это что за хрень?

Внизу, конечно же, такой вопрос задать вообще не вариант! Я попыталась оттолкнуть Опалова, чувствуя, как проклятая воронка начинает засасывать меня, словно мощный пылесос брошенный на пол фантик. Ой, нет, благодарю покорно, я на такой аттракцион не подписывалась! Разом перестав выдираться из рук Александра, я плотнее прижалась к нему, зло шипя:

— Чего глазами хлопаешь, павлин несчастный, бежим к лестнице, пока нас эта фиговина не засосала!

Опалов, слава тебе господи, перестал изображать фигуру мадам Тюссо и повернулся к лестнице, только вот и воронка, почуяв, что добыча ускользает, усилила напор. Мамочка милая! Я взвизгнула, пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь и при этом не отцепиться от Опалова. Стойте, не хочу, мы так не договаривались!

На балкончик невесть откуда выскочил взъерошенный яростно шипящий Яр, вцепился передними лапами мне в подол, а задними попытался покрепче ухватиться за первую ступеньку, до которой мы с Опаловым почти доползли. Ну же, ещё немного, совсем чуть-чуть и всё обязательно станет хорошо! Увы, моим надеждам на лучшее не суждено было сбыться. Александр оступися, с громким ругательством пошатнулся и полетел в воронку, увлекая за собой и меня. В последний момент, действуя исключительно на инстинктах, я успела подхватить и прижать к груди Яра. Бешено крутящаяся туманно-серая воронка радостно приняла нас, завертела до головокружения, а потом схлопнулась, пропала, погрузив меня в непроницаемое, лишённое цветов, звуков и даже запахов ничто. Я машинально притиснула к груди Яра и потеряла сознание.

Сцена 3. Джульетта поневоле

В себя я пришла от того, что что-то холодное и мокрое настойчиво тыкалось мне в щёку, а пушистое и когтистое топталось по груди. Ещё и давно забытый голос, сдавленный и хриплый непрестанно звал:

— Юля, Юля, Юленька, будь умничкой, открой глазки.

— Ярополк, — выдохнула я и распахнула глаза в надежде увидеть того, чей смутный образ непрестанно тревожил мои сны, толком не вспоминаясь и при этом окончательно не забываясь, словно никак не желающая зарастать рана.

Увы, вместо мужчины рядом я увидела всего лишь своего любимого кота, топчущегося у меня на груди и тыкающегося мне в лицо носом. Эх, а я так надеялась... Разочарованно вздохнув, я почесала кота за ушком, удивляясь тому, каким мне стали сниться правдоподобные сны. А Опалов-то какой, мало того, что сам приснился, так ещё и любовницу свою ревнивую в мой сон притащил! Я хихикнула, прикрыла глаза в надежде подремать ещё немного, но тут меня опять позвали:

— Юля.

— Кто здесь?! — я приподнялась на кровати, едва не спихнув кота и сначала испуганно, а потом удивлённо огляделась по сторонам. — Где это я?

Комнату, в которой я оказалась, можно было назвать только покоями и никак иначе. Кровать была широкой, словно озеро и мягкой, точно озеро, с четырёх сторон её украшали резные красноватого дерева столбики, на которых покоился, я даже глаза протёрла не верящее, воздушный розово-серый полог. Мама милая, куда это меня занесло? Я потянулась, чтобы отдёрнуть полог, но тут Яр, о котором я успела даже немного позабыть, открыл рот и внятно и чётко произнёс:

— Стой!

Я взвизгнула, подбирая под себя ноги и ловко на пятой точке отползая подальше от ставшего говорящим кота. Рука машинально нашарила подушку, небольшую, конечно, зато в руку она ложилась очень удобно, словно шар для боулинга.

Кот недовольно тряхнул головой, сел, обвив лапки хвостиком и глядя на меня так укоризненно, что мне действительно стало стыдно. Чего я, в самом деле, запаниковала? Даже если Яр невесть с чего стал говорящим, он всё равно остаётся моим любимым котиком, моим пушистым рыцарем без страха и упрёка.

— Кис-кис-кис, — я протянула ладошку к Яру, — иди ко мне, мой мальчик.

Кот тяжело вздохнул, не спеша откликаться на ласку, хвостом дёрнул:

— А ты обещаешь больше не визжать?

Я вздрогнула, прижала ладошку к губам, подавляя испуганный вскрик. Яр тяжело вздохнул, укоризненно закатывая глаза:

— Радость моя, а мне всегда казалось, что ты смелая девочка.

Вот честное слово, у моего котика был такой укоризненный вид, что мне стало стыдно. Я убрала подушку в сторону, обняла себя за колени, невольно отметив, что на мне тонкая старомодная ночная рубашка до пят и пробурчала:

— Я просто никогда раньше с котами не разговаривала.

Яр свернулся клубочком, хитро сощурил цвета полуночи глаза:

— А я думал, ты меня узнала. Имя-то моё сразу назвала.

У меня пересохло во рту, а в ушах часто-часто застучали невидимые молоточки. Этого не может быть, так не бывает, люди не превращаются в котов, это невозможно! Словно почувствовав моё смятение, Яр вздохнул, выгнулся, выпуская когти и опять село, обвив хвостиком лапки.

— Юль, я понимаю, что всё происходящее кажется тебе изошрённым бредом, но, поверь, это не сон. И не галлюцинации. Из-за сбоя в эксперименте я действительно переместился в кота...

— А зачем у меня хотели стереть воспоминания о тебе?!

В моём голосе зазвенели слёзы, щёки запылали так, что о них даже папиросу раскурить можно стало. Выходит, Ярополк не мой предутренний сон, а самый настоящий человек, и всё, что между нами было, мне не приснилось и не привиделось, оно на самом деле было! Так какого чёрта меня лишили дорогих сердцу воспоминаний?!

— Таковы правила нашего института, — Яр шагнул ко мне, боднул мне ладонь пушистой головой, напрашиваясь на ласку. — Прости меня.

Я смахнула слёзы, подхватила кота на руки, пытливо всматриваясь в такие родные глаза. Как я сразу не сообразила, что мой котик слишком умный для простого животного?! Почему не сообразила, что он смотрит на меня глазами человека, а не домашнего питомца?! Как я могла быть такой глупой?!

— Юль, — Яр потянулся ко мне, слизнул шершавым язычком беглянку-слезинку, — не плачь, пожалуйста. Обещаю, я найду способ вытащить нас отсюда.

Эм, я чего-то не знаю? Я прижала кота к груди, боясь, что он растает, исчезнет, как когда-то исчез Ярополк, оставив после себя лишь бередящие душу смутные воспоминания и огляделась по сторонам. Роскошная старинная кровать никуда не пропала, а всё остальное скрывал полог.

— Пообещай, что никуда не убежишь, — я строго посмотрела на кота.

Яр встопорщил усы, смешно наморщил нос:

— Даже и не надейся, я тебя никогда не оставлю.

Я чмокнула кота в лоб, решительно отдёгнула полог, да так и застыла, неверяще глядя вокруг. Большая комната с причудливыми узкими вытянутыми вверх окнами, люстрой-колесом под потолком и массивной деревянной мебелью была мне совершенно точно не знакома. Куда это меня отнесли интересно? Что это, театральные декорации, изображающие комнату какой-нибудь сеньоры эпохи Возрождения? Как-то слишком натурально всё, вон, гобелен на стене, явно же ручная работа, такую роскошь скорее в музее увидишь, чем в театре. И кстати, куда спрятали все розетки и выключатели? Я ещё раз внимательно осмотрела стены и не нашла ничего похожего. Зато насчитала целых два канделябра: один массивный, семирожковый, второй поменьше и полегче, походный вариант, так сказать. Во всех канделябрах и даже колесе-люстре под потолком красовались свечи, причём не новые, а оплавленные, с застывшими дорожками воска на боках. Ой, что-то мне всё это совсем не нравится. Стараясь не поддаваться панике, я внимательно рассмотрела ночную рубашку, в которую оказалась облачена. Ткань натуральная, дорогая, вышивка опять-таки ручная, кружево тоже явно не машинного изготовления. Так, не хочу казаться паникёром, но... Я резко повернулась к внимательно наблюдающему за мной коту:

— Яр, где мы?

Ярополк принюхался, задумчиво поскрёб себя под подбородком и вынес прямо-таки ошеломительный вердикт:

— Судя по обстановке, узорам на гобелене и запахам, доносящимся из окна, мы... — кот замялся, нервно дёргая хвостом.

— Ну?!

— Юль, а ты какую роль репетировала, когда временная воронка появилась?

А это-то здесь причём?!

— Джульетту, а что?

— Значит, мы в Вероне. А ты Джульетта Капулетти.

Что?! Я ошарашено уставилась на Яра, пытаюсь понять: шутит он или откровенно издевается. Увы, вид у моего котика был более, чем серьёзный. На всякий случай, стараясь не поддаваться панике, я осторожно уточнила:

— Ты шутишь?

Ярополк отрицательно покачал головой. Всё, как говорится, приплыли, айсберг. Я обхватила голову руками, чувствуя, что ещё немного и она у меня просто лопнет, не выдержав количества потрясений. А может, мне всё это просто снится? Я тихонько ущипнула себя за руку. Больно. Попросить Яра меня поцарапать? Нет, он мне вред причинять не станет, да и кто знает, какая зараза может попасть в царапину, зелёнки-то тут нет и йода тоже. Ой, мамочка, что же мне теперь делать?!

— Юль, — Яр ласково потёрся о мою руку, потом и вовсе запрыгнул на колени, согревая и успокаивая, — не волнуйся, я нас вытащу.

— Как?! — простонала я, всё ещё в шоке от свалившихся на меня чудес.

— Пока не знаю, но что-нибудь обязательно придумаю. Выход есть всегда, главное — не поддаваться панике и не отчаиваться.

Угу, особенно радуют и греют душу воспоминания о том, что Джульетта обречена на страдания и смерть. Зашибись у меня перспективы, что и говорить! Я посмотрела на льнувшего ко мне Яра и смущённо прикусила губу. Я-то по крайней мере была и осталось человеком, а вот Ярополка неудачный эксперимент вообще перебрросил в кошачью шкурку. Но мой жених не жалуется, наоборот, меня успокаивает, согревает, мурлыкает, чтобы я не переживала, а я веду себя как курица самая настоящая. Да, мы переместились в Верону, да я стала Джульеттой, но это же не повод для паники! Теперь, когда мы вместе, мы обязательно справимся, и всё будет хорошо. Осталось только уточнить одну крошечную деталь, чтобы прояснить всю ситуацию до конца.

— Яр, а ты в человека превращаться можешь?

Кот сладко потянулся и зевнул так заразительно, что мне и самой зевать захотелось:

— Могу. Ночью, когда луна светит и днём, если...

— Если? — поторопила я замывшегося Ярополка.

— Если тебя рядом нет.

Так-так-так. Печально, конечно, что я лишена возможности обнять Ярополка, но то, что он не постоянно в кошачьей шубке очень даже неплохо. Осталось только решить, как это можно использовать.

Я собралась спрыгнуть с ложа, но тут за дверью раздались торопливые шаги, и я поспешно юркнула обратно на кровать. Ещё и одеяло до кончика носа натянула. Чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я ещё не просыпалась. Яр свернулся клубочком рядом с моей головой, дополняя идиллическую картинку в духе спящей красавицы. Интересно, почему у заколдованной принцессы не было кота, может, господин сказочник не любил котиков? Тьфу, какие глупости мне в голову лезут! Я прикрыла глаза и ровно задышала, изображая

крепкий сон.

— Синьора Джульетта, — громкий женский голос по своей силе запросто мог поспорить с легендарными иерихонскими трубами, — синьора Джульетта, просыпайтесь! Как можно спать в такой чудесный день?!

Как-как, крепко, если тебе никто не мешает. Я открыла глаза, потянулась и улыбнулась крепкого телосложения румяной даме в простом, но добротном платье и белоснежном чепце, прикрывающем волосы. Так, вспоминая нетленное произведение Шекспира и делаем вывод, что это кормилица Джульетты, особа суетная, склонная к необдуманным поступкам и, не в укор ей будь сказано, не очень благоразумная.

— Синьора Джульетта, — кормилица всплеснула пухлыми руками и тут же потянулась потрогать мне лоб, — что это вы сегодня разоспались? Всегда вместе с первыми пташками вскакиваете, а нынче и не добудится! А ведь день-то сегодня какой!

Уже второе напоминание о необычности дня заставило меня отвлечься от психологических наблюдений и поинтересоваться, чем же таким необычным славен день наступивший. Ну, помимо того, что я, Юлия Сергеевна Полонская, почётная и заслуженная дублёрша театральной примы, почтила их славное семейство своим присутствием. Очень хочется верить, что краткосрочным присутствием, но учитывая сложившиеся обстоятельства, лучше ничего не загадывать наперёд.

Кормилица опять всплеснула руками, посмотрела недоверчиво:

— Как можно такое забыть? Ведь сегодня бал в честь ваших именин!

Что?! Ой, мама милая, так это что же получается, меня занесло в самое начало трагедии?! Так, стоп, нужно успокоиться и включить голову, паника мне сейчас совершенно точно ничем не поможет. Яр, умница моя, чувствуя моё состояние, подобрался поближе, уткнулся мне головой в ладошку и замурлыкал, то выпуская, то втягивая коготки. Я почёсывала кота между ушек, обдумывая поступившие сведения. А собственно, чем я недовольна? Я пока не замужем, с Ромео даже и не знакома, а если проявлю достаточно благоразумия и сноровки, то опасной встречи можно будет избежать. Так что, рано паниковать и волноваться, рано!

Успевшая за время моих раздумий подготовить мне платье кормилица повернулась ко мне и ахнула, едва не выронив наряд:

— Да что же это?! Кот наглый прямо в постель залез! А ну, негодник, прочь отсюда, твоё дело мышей в кладовой ловить, чтобы они припасы не портили!

— Оставь его, кормилица, я прижала Яра к себе, опасаясь, как бы моего ненаглядного и правда не выставили за дверь, — он такой красивый и ласковый.

Я даже умильно глазками похлопала, но кормилица невесть с чего решила проявить строгость, видимо, нагоняя от синьоры Капулетти опасалась.

— Ишь, ласковый. Я бы сказала мохнатый и когтистый, а если он в сундук проберётся и на платьях ваших разляжется? Или, упасите святые, поцарапает вас? Подумайте, синьора Джульетта, не сносить мне головы, если вы в такой важный день да вдруг в царапках будете! Матушка ваша меня вмиг из дома выгонит, если прежде ваш батюшка голову не снимет!

Я спрыгнула на пол (ничего себе, каменный пол какой холодный, как бы не застудиться ненароком), подбежала к кормилице, обняла её, ласково глядя тёплую пухлую ручку:

— Не волнуйся, всё будет хорошо. Кормилица, милая, давай оставим котика у меня в комнате, он очень хороший!

— Да разве я могу вам в чём-либо отказать? — кормилица обняла меня в ответ, по-

матерински погладила по щеке. — Вы ведь мне, синьора Джульетта, вместо дочери. Сусанна-то моя, да будет тих и покоен вечный её сон, уж который год ангелом на небе, а вы тут, со мной рядышком. Хорошо, будь по-вашему, пусть кот остаётся, только вы уж синьоре Капулетти меня не выдавайте.

— Договорились! — я поцеловала кормилицу в щёку и метнулась обратно к кровати, спрятала озябшие ножки под одеялом. Да, вот тебе и романтика Средневековья, холодина такая, что босые ноги через пять минут едва ли не до полной потери чувствительности стынут! Неудивительно, что женщины раньше так мало жили, в своих тоненьких туфельках и шёлковых платьях они, наверное, едва ли не до смерти каждый день коченели.

— Зазябли, голубка? — кормилица руками всплеснула, к сундуку большому метнулась. — Ай-яй-яй, вот беда-то какая, уж я Лючии, лентяйке сухорукой попеняю, совсем худо стала камины топить. Это всё потому, что голова у неё, дурынды, не службой занята, ей паж молодой из свиты сеньора Тибальта понравился, так она ни о чём другом и думать не может. Но вы не волнуйтесь, я мигом сеньоре Капулетти скажу...

— Не надо! — Я даже руку вскинула в попытке остановить не на шутку разбушевавшуюся кормилицу. — Кормилица, милая моя, не надо ничего говорить, любовь — это ведь так прекрасно, а сень... — я запнулась, поспешно исправилась, — а матушка она может их обоих места лишить.

— Сеньора Капулетти? — кормилица на миг застыла, прижимая к груди коричневое платье. — Да, она, пожалуй, так и поступит. И правильно, разумеется, только вот... — добрая женщина замаялась, сообразив, что попала в неловкую ситуацию: с одной стороны ей было жаль влюблённых, а с другой — осуждать хозяйку, от которой целиком и полностью зависишь, всё-таки неправильно.

— Пора вам одеваться, сеньора Джульетта, а то батюшка ваш гневаться станет, коли вы к завтраку опоздаете.

Что ж, одеваться, так одеваться, страусиная тактика в данных обстоятельствах всё равно не поможет, мне просто никто не позволит отсидеться в комнате до тех пор, пока какое-нибудь чудо не вернёт меня домой, в привычный мир. А раз так, то поднимаем голову, расправляет плечи и продолжаем играть роль Джульетты, старательно делая вид, что так оно всё и должно быть. Я почесала Яра за ушком, обретая силы и решимость в его успокаивающем тепле, на миг прикрыла глаза и вздохнула. Ну вот и всё, звонок, оповещающий о начале представления прозвенел, роль заучена, осталось лишь прожить её так, чтобы мой персональный финал оказался счастливым, а не трагичным. А что для этого требуется? Правильно, больше полагаться на разум и меньше на сердце, сначала думать и лишь потом действовать. Хорошо, что страстная любовь к Ромео мне не грозит, в моём сердце уже давно и прочно поселился Ярополк Владимирович. Я наклонилась к Яру, поцеловала его в голову и тихо шепнула:

— Я люблю тебя.

— А я тебя, — совершенно неожиданно, ведь в комнате мы были не одни, отозвался Ярополк.

Я вздрогнула, испуганно покосилась на хлопчущую над моим платьем кормилицу.

— Не бойся, она слышит лишь мяуканье, — успокоил меня Яр, ободряюще ткнувшись головой в руку.

Уф-ф-ф, прямо камень с души свалился! Я облегчённо улыбнулась и спокойно сошла с кровати, предоставив себя мягким и заботливым рукам кормилицы. Она же меня и в

столовую сопровождала, избавив от блуждания по дому, что, согласитесь, вызвало бы удивлённые взгляды и абсолютно ненужные вопросы.

На пороге столовой кормилица обняла меня, шёпотом напомнила, чтобы я была умницей и родителей не сердила (а что, как говорится, имелись прецеденты?) и слегка подтолкнула меня к двери. Хм, не хочу казаться пессимистом, но что-то мне подсказывает, что тёплых доверительных отношений в семействе Капулетти нет. Не удивительно, что девочка бросилась в объятия первому встречному, тому, кто проявил к ней интерес и наговорил кучу комплиментов. Ладно, не будем выходить из образа, а то вдруг, я ошибаюсь и у Джульетты просто мегазаботливые родители, которые по изменению походки могут определить, какие у дочурки проблемы и тут же выдвинуть минимум три варианта их решения.

Сцена 4. Неожиданная встреча

Сердце моё колотилось как бешеное, но на губах сияла безмятежная улыбка, когда я лёгким шагом вошла в просторную светлую столовую, убранную изящно и со вкусом. К счастью для меня, определить, кто есть кто из сидящих за столом труда не составило: грузный мужчина с по-прежнему густыми, но уже щедро посеребрёнными волосами, в богатом одеянии, с тяжёлым взором глубоко посаженных тёмных глаз не мог быть никем иным, кроме синьора Капулетти. Сидящая по правую руку от него надменная дама, на поблёкшем лице которой остатки прежней красоты лишь сильнее подчёркивали разрушительную силу увядания — это, разумеется, синьора Капулетти. А молодой мужчина, расположившийся подле синьоры и явно пользующийся её расположением — Тибальт. Отлично, родственников «узнала», теперь ещё правильно поздороваться и можно садиться за стол, а то я от всех этих треволнений проголодалась страшно. Я подошла к синьору Капулетти, присела, скромно потупив очи долу, и негромко поздоровалась, желая доброго утра.

— Доброе утро, — синьор Капулетти, при моём появлении слегка улыбнувшийся и прогнавший мрачную угрюмость с чела, поцеловал меня в лоб, заглянул в глаза, приподняв мне голову за подбородок. — Для тебя, голубка невинная, любое утро доброе, а вот у меня всегда найдутся поводы для волнений и огорчений.

Я смешалась, не зная, могу ли спросить, какие печали тяготят с утра отца. Если не проявлю должного внимания, синьор Капулетти может и обидеться, чувствуется, что дочь ему небезразлична. А если влезу с излишними расспросами, показав свою невоспитанность? Мрак, ну почему у Шекспира ничего подобного даже близко не было?! Нет, я понимаю, что такие повседневные мелочи зрителя не заинтересуют, но мне-то сейчас как выкручиваться?!

— И какие же, синьор, тучи тяготят вас нынче? — разрешил мою дилемму Тибальт.

Вопрос был задан максимально учтиво, но мне отчего-то послышалась тонкая и злая насмешка, на которые так горазд Александр Опалов. Тьфу-тьфу-тьфу, вспомнится же зараза в час испытаний, можно подумать, мне без него проблем мало! Вон, как синьор Капулетти нахмурился, словно туча грозная.

— Проклятые Монтекки учинили свару с нашими слугами, — пророкотал синьор Капулетти, сурово глядя на Тибальта — и не надо говорить, что ты оказался более благоразумен и не принял участие в этом побоище!

— Я со слугами? — мой кузен пренебрежительно дёрнул уголком рта. — Не волнуйтесь, синьор, я не обещаю род таким унижением.

Я прижала ладошку к губам. Самоуверенность, безграничная, словно океан, незыблемая уверенность в том, что весь мир создан исключительно для его развлечения... Неужели? Нет, этого просто не может быть! Хотя, чему я удивляюсь, Опалов ведь был со мной и Яром на балкончике, когда появился тот странный смерч, неудивительно, что перебросило не только нас, но и его. Александр, словно угадав ход моих мыслей, повернулся ко мне, сверкнул сменившими цвет, но по-прежнему наглыми и самодовольными глазами и промурлыкал:

— Как спалось, сестричка?

Я улыбнулась, хотя страшно хотелось оскалиться и зарычать, а то и нос откусить несчастному Казанове, из-за которого, в этом я была уверена прямо-таки железобетонно, мы

и попали в этот переплёт:

— Чудесно, благодарю за заботу, б-братец.

Опалов мою заминку заметил, глазами блеснул и приготовился сказать какую-нибудь гадость, но тут наш милый семейный междусобойчик решила почтить своим вниманием синьора Капулетти. Почтенная матрона, не излучающая ни крупинцы тепла, властно повела рукой и скорее приказала, чем попросила:

— Подойди ко мне, Джульетта.

Я с тоской покосилась на поставленный на стол столовый прибор для меня и уже отодвинутый предупредительным слугой стул. Эх, ну что за невезение, неужели нельзя все душеспасительные беседы отложить на потом, а сейчас нормально позавтракать?! Однако свои желания, равно как и замечания по поводу происходящего пришлось держать при себе, мнение юной неопытной девицы никого из присутствующих в столовой не волновало от слова совсем.

— Да, матушка, — я присела и подошла поближе к синьоре Капулетти.

Мда, а вблизи она выглядит ещё более пожухлой, неудивительно, что законный супруг сказал, что, цитируя великого Шекспира: «Такие-то и старятся быстрее». Глубокие морщины у глаз, бледные бескровные губы с печально опущенными вниз уголками, глаза потухшие, холодные. Эта дама уже ничего светлого от жизни не ждёт, а жаль, ведь она не так и стара. По меркам моего времени ей... Я прикусила губу, производя нехитрые арифметические расчеты. Так, насколько я помню, Джульетте на момент встречи с Ромео не было и четырнадцати, бедолага до своего Дня рождения не дожила дней десять (главное мне её участь скорбную не повторить). Про её матушку Парис сказал, что он знал матерей и моложе. Предположу, что подразумевал он именно синьору Капулетти, значит, на момент свадьбы ей было лет двенадцать-тринадцать. Да уж, в наше время подобные союзы фиксирует исключительно уголовный кодекс, ладно, не буду отвлекаться. Итак, если матушке Джульетты на момент свадьбы было лет двенадцать, то сейчас ей всего двадцать пять, по нашим меркам молодая девушка. Вся жизнь впереди. И даже если максимально округлить и считать, что Джульетте четырнадцать и её матушка вышла замуж, скажем, в пятнадцать, а значит, сейчас синьоре Капулетти двадцать девять, то в нашем времени её всё равно никто старухой считать не будет. Молодая женщина в расцвете сил и красоты. Я опять взглянула на поблекшую, не ждущую ничего светлого синьору Капулетти и вздохнула. Да, что и говорить, Средние века немилостивы к женщинам, впрочем, в нашем времени тоже хватает заморочек и опасностей.

— Джульетта, — синьора Капулетти неловко улыбнулась, явно испытывая дискомфорт от необходимости общаться с дочерью.

Хм, кажется, я нашла номинантку на награду «Мать года». Прямо чувствуется, что синьора Капулетти живёт с дочерью одной жизнью, разделяя все её увлечения и интересы. При таком раскладе не удивительно, что Джульетта не побежала рассказывать матушке о своей любви всей жизни. Ладно, не будем судить и тем более осуждать, я ещё слишком мало знакома с этим благородным семейством.

— Да, матушка, — я, старательно отыгрывая роль послушной девочки, слегка присела, преданно глядя синьоре Капулетти в глаза.

Матушка как-то нервно дёрнулась, покосилась на мужа, но тот не спешил бросаться на помощь испытывающей явное затруднение супруге, гораздо больше внимания уделяя содержимому тарелки, чем всем чадам и домочадцам вместе взятым. Синьора Капулетти

поняла, что помощи ждать неоткуда, вздохнула с видом христианской мученицы, терпеливо принимающей все выпавшие ей на долю страшные испытания, и повторила попытку беседы со мной, такой кроткой и послушной:

— Джульетта, сегодня будет бал в честь твоих именин.

А что, виновница торжества может быть не в курсе таких мероприятий? Ого, как интересно живёт семейство Капулетти!

— Да, матушка, — в третий раз, чувствуя себя заклинившей пластинкой, повторила я, преданно глядя женщине в глаза.

Синьора Капулетти изобразила нечто, что можно было с большой натяжкой и при слабом освещении даже назвать улыбкой, и провела холодной сухой ладошкой по моей щеке, словно ящерица хвостом мазнула:

— Веди себя достойно, моя милая.

Уже изрядно намозолившее язык: «да, матушка» я заменила на вежливый кивок, молясь про себя, чтобы инструктаж для дебютанки наконец закончился и меня отпустили завтракать, а то я рискую захлебнуться голодной слюной. В кои-то веки раз небеса вняли моим молитвам, матушка ещё раз мазнула меня рукой по щеке и милостиво позволила приступить к завтраку. С трудом сдержав облегчённый вздох, и честно стараясь не спешить, я прошла до стола, вежливо ни к кому в особенности не обращаясь, кивнула и опустилась на стул, приятно порадовавшись его мягкости. Порадовавшись тому, что мама в своё время потратила кучу времени на обучение меня столовому этикету, я отрезала крошечный кусочек положенного мне на тарелку мяса и только собиралась поднести вилку ко рту, как Александр Опалов решил внести капельку яда в семейную идиллию. Нет, ничего крамольного или каверзного он не говорил (да и кто бы ему позволил), всего лишь одарил меня улыбкой голодной акулы и проворковал:

— Приятного аппетита, сестричка.

Что ж, сарказм — оружие универсальное, им в равной степени могут пользоваться и мужчины, и женщины. Я тщательно прожевала приготовленное вполне сносно мясо, терпеливо дождалась момента, когда Опалов поднесёт кубок к губам и сладеньким тоном, от которого даже меня заподташнивало, ответила:

— Благодарю, братец.

Йес, мой удар достиг цели! Александр поперхнулся, закашлялся, поспешно отставляя кубок, ещё и укоризненный взгляд с неодобрительным покашливанием от четы Капулетти получил. Я же потупила бессовестно счастливые глазки, сосредоточившись полностью на завтраке. А что, я ничего такого не делала, всего лишь вежливо ответила на пожелание, кто же знал, что мой братец таким, эм, скажем так, импульсивным окажется и чуть не подавится от моих слов!

Толком поесть мне не дали, подошедший слуга что-то шепнул на ухо синьору Капулетти и тот поспешно покинул стол, а следом за ним, независимо от степени сытости, вынуждены были подняться и мы все. Да уж, теперь я очень хорошо понимаю, почему аристократки все такие тощие да бледные были, они же банально недоедали! Нет, я в таких условиях жить не согласна, нужно срочно возвращаться домой, пока меня ещё ноги держат и голодные обмороки не происходят. Я глубоко вздохнула, взглядом прощаясь с остатками мяса у себя на тарелке, и тут же возмущённо распахнула глаза. Опалов, который толком поесть тоже не успел, больше налегая на вино, кивком головы указал слуге на большое блюдо с массовой и сырной нарезкой, а потом ещё и на бутылку вина. Так, стоп, я тоже так хочу!

— Братец, будь так любезен, проводи меня до покоев, — сладеньким голосом пропела я, — мне бы хотелось обсудить с тобой подготовку к сегодняшнему вечеру. Я так волнуюсь, это ведь, — я запнулась, не рискуя называть этот бал первым, — такой важный бал, он так много значит для меня!

Не знаю и гадать не берусь понял мой манёвр Александр или нет, но в кои-то веки раз вредничать не стал и даже слуге приказал отнести еду и вино ко мне, а не в свои покои. Хм, стоит признать, что резкая смена обстановки пошла нашему театральному Казанове на пользу. Кстати, ещё один плюс того, что Опалов пошёл вместе со мной: он меня до моей комнаты проводил! Признаюсь честно, самостоятельно я бы дорогу нашла не сразу, не запомнила, через какие залы и коридоры мы с кормилицей шли на завтрак.

Путь до моих владений прошёл в полном молчании. Александр, конечно, бросал на меня красноречивые и отнюдь не дружелюбные взгляды, но присутствие рядом слуги сдерживало его ругательный пыл. И правильно, нам сейчас совершенно точно не нужно привлекать к себе внимание и так по краю балансируем, ведь знаем лишь основную канву сюжета, а мелочи вроде тонкостей отношений в семействе Капулетти приходится постигать самостоятельно. Эх, знала бы я, что меня однажды в трагедию Шекспира занесёт, вызубрила бы всё, что только можно обнаружить о Вероне, Ромео, Джульетте и даже самом Уильяме Шекспире! Я раздражённо вздохнула и тут же поймала удивлённый взгляд слуги. Пришлось изобразить, что ножку подвернула, заодно и мужчины шаг сбавили, а то неслись вперёд, словно у них, простите, папироска в штаны упала и её нужно срочно вытащить, пока пожар не случился.

— Прошу, — слуга низко поклонился, предупредительно распахивая перед нами дверь.

Каюсь, опасалась, что Опалов ломанётся в комнату первым, он вообще редко заморачивается этикетом, искренне убеждённый, что этот мир вертится исключительно для него, но Александр снова меня приятно удивил, отошёл на шаг, освобождая мне путь, ещё и процедил сквозь зубы:

— Входи, сестрёнка.

Оу, какие мы вежливые. Что ж, теперь мой черёд демонстрировать благовоспитанность. Я сдержанно улыбнулась, потупив очи долу, быстрой скороговоркой выпалила благодарность, не желая злоупотреблять такой неожиданной добротой, и юркнула в комнату, едва не зацепившись за что-то юбкой. Следом за мной вальяжно, точно это были его владения, не вошёл, прошествовал, Александр, плюхнулся в кресло, едва не раздавив дремлющего там Яра, и небрежно махнул рукой мнущемуся на пороге слуге.

— Поставь всё сюда и оставь нас.

Раскомандовался! Я подхватила Яра на руки, потёрлась щекой о его пушистую мордочку, спросила негромко, чтобы никто не услышал:

— Тебя кормили?

— Да, — так же тихо ответил Яр, сосредоточенно приносиваясь и нервно дёргая хвостом. — Значит, его тоже сюда перебросило.

Я удивлённо вскинула брови, не сразу сообразив, о ком говорит Ярополк. Ах, да, несравненный (как он сам полагает), Александр Опалов тоже переместился в знаменитую трагедию. Интересно, он ещё не сообразил, что его персонаж умрёт одним из первых? Или надеется, что до кровавой развязки не дойдёт?

Слуга бесшумно поставил еду и вино на стол, отвесил низкий поклон, ни к кому конкретно не обращаясь, и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Пару минут мы

напряжённо прислушивались, наконец, Яр дёрнул ухом и негромко заметил:

— Он ушёл.

— Кто здесь?! — вскинулся Опалов, словно ему петарду сунули под мягкое место, коим он весьма гордится (и которое успешно заменяет голову).

— Ты о чём? — я удивлённо похлопала глазами и даже соизволила изобразить беспокойство. — Что с тобой, братец, уж не заболел ли ты?

— Дуру-то из себя не строй, я и так по поводу твоего интеллекта не ободряюсь, — огрызнулся Александр, разом перечеркнув всё то доброе, что уже успел сделать.

Я уже собиралась ответить что-нибудь убийственно колкое, что разом сбросило бы корону с венценосной головушки, но Ярополк меня опередил. Мой ненаглядный бросился на мою защиту с пылом легендарного Ланселота, чьи отвага, благородство и изящество стали эталоном для многих поколений рыцарей.

— Ваша грубость, сударь, не делает вам чести.

Готова поклясться всем, что мне любимо и дорого, что я отчётливо слышала грохот рухнувшей вниз челюсти Опалова. Даже и не знаю, чему он изумился больше: тому, что кот говорит или тому, что он дерзнул сделать замечание.

— Э-э-э, — ошарашено протянул Александр, тщетно стараясь выдавить что-нибудь более благоразумное.

Я с абсолютно безмятежной улыбкой почёсывала Яра за ушком, а мой пушистый герой басовито мурлыкал, то выпуская, то втягивая когти. А что такого? Правильно, ничего удивительного не произошло, лично я уже давно знаю, что мой котик разговаривает. И вообще не котик, если совсем честно.

Перемкнуло Опалова серьёзно. Я успела и с Яром пообниматься, и разделить со своим ненаглядным мясо с сыром, и даже вина попробовать, а Александр всё глазами хлопал да мычал. Хм, может, в нём бычьи гены разыгрались? Наконец, когда я уже решила, что пора выпроваживать «дорогого братца» из комнаты, Александр ожил и выдал прямо-таки конгениальное:

— А он, что разговаривает?!

М-м-м, дай-ка подумать, пупсик. Можно ли считать кого-либо разговаривающим, если он сначала сообщает об уходе слуги, а потом делает замечание одному грубияну? Пожалуй, спешить с ответом не будем, возьмём подсказку пятьдесят на пятьдесят. Я удивлённо приподняла брови и невинным тоном спросила:

— А ты что, разговаривать не умеешь?

Опалов опять завис. Первая сцена, да что же он сегодня висит-то всё время, словно завирусованный ноутбук?! Ну да, на нас много всего свалилось, но это же не повод впасть в ступор! И вообще, я очень хорошо помню, как кто-то хвастался своей просто офигительной стрессоустойчивостью. Одно из двух: или у Александра невероятное чувство юмора (что вряд ли), или он банально не знает, что такое стрессоустойчивость (второе вероятнее). Да бог с ним, мне-то теперь что делать? Если Опалова в таком виде из комнаты выставить, даже чета Капулетти задастся вопросом, что такое у детишек произошло. А повышенное внимание — последнее, что нам сейчас нужно, ведь мелочей быта мы не знаем, пропадём ни за понюшку табаку.

— Твой кот разговаривает, — повторил Александр, так выпучив глаза, что я испугалась, как бы они у него, как у краба, телескопчиками не выскочили.

Да, похоже, нашего Казанову заклинило окончательно и бесповоротно. Я огляделась по

сторонам в поисках чего-нибудь достаточно тяжёлого, чтобы через колебания в мозгу коллеги вывести его из ступора. Увы, девичья комната для ударной терапии не предназначалась, мебель просто неподъёмная, а что-нибудь более компактное и тяжёлое я просто не нашла. Ладно, тогда проявим понимание и терпение, надеюсь, моя доброта мне когда-нибудь зачтётся, а не выйдет боком, как это чаще всего и бывает. Я глубоко вздохнула и мягко погладила Александра по плечу, тоном заботливой сиделки воркуя:

— Успокойся, Яр не кот.

На меня посмотрели так, словно я призналась в личном и очень близком знакомстве со всеми обитателями иных планет.

— А кто?!

Я прикусила язык, чтобы сдержать всем известную фразу про коня в пальто. Всё-таки грубость девушку не красит, особенно в глазах любимого мужчины, пусть и временно пребывающего в кошачьей шкурке.

— Это мой жених.

И чего это, спрашивается, Опалов так выпучился и забулькал? Ой, а его удар не хватит, а то он здоровущий, труп прятать маятно будет. Под кровать он не влезет, а до окна я его банально не дотащу. Тьфу, блин, о чём я только думаю! Я глубоко вздохнула, мысленно досчитала до десяти и мягким тоном профессионального психолога, разговаривающего с очень сложным клиентом, произнесла:

— Александр, я понимаю, что всё происходящее, мягко говоря, несколько странно...

— Странно?! — так и взвился Опалов. — Мы попали в семейку Капулетти, меня через пару дней убьют, а ты ещё и заявляешь, что твой жених кот!

Честно говоря, я даже немного опешила от такой экспрессии, зато Яр не растерялся, запрыгнул на кровать, чтобы его было лучше видно, потянулся с наслаждением, задрал и распушив хвост и с самым невинным видом прожжённого пакостника спросил:

— И что именно тебя не устраивает?

Александр хватанул ртом воздух, но сразу с ответом не нашёлся. Помолчал хмуро, а потом подошёл к столу, поднял вино и бросил через плечо:

— Будешь?

Ого, какие мы внимательные и заботливые стали! Что ж, на любезность я всегда отвечаю любезностью, а потому слова отказа смягчу обворожительной улыбкой:

— Нет, спасибо, мне сейчас нужна ясная голова.

— Ты-то здесь причём? — фыркнул Опалов, опять разрушив всё хорошее и светлое, что я успела в нём найти. — Я жениха твоего спрашиваю.

Честное слово, я девушка мирная и хрупкая, каким образом у меня в руках оказалась декоративная подушка, довольно плотная и компактная, я понятия не имею! Может, сама ко мне прыгнула? Ярополк понял, что ещё немного, и смерть Тибальта наступит ранее даты, напророченной трагедией, и поспешил вмешаться. Спрыгнув с кровати, мой мохнатый миротворец (или правильнее будет хвостатый террорист?) потёрся о мои ноги, рокоча, точно реактивный самолёт на низком старте, а затем сел точно между мной и Александром. Не знаю, как это Ярополку удалось, но вид у него был, как у преподавателя, утихомивающего расшалившихся студюзов. Мне даже стыдно стало, я поспешно бросила подушку обратно на кровать и потупилась, стараясь хотя бы ногой не шаркать, словно нашкодившая детсадовка.

— Благодарю, Александр, в кошачьем облике алкоголь для меня опасен, можно даже

сказать, ядовит. Юленька, радость моя, предлагаю зарыть топор войны до тех пор, пока мы не выберемся отсюда.

— Знать бы ещё, как это сделать, — буркнул явно смущённый Опалов. Обалдеть, я даже и не подозревала, что у него совесть есть!

Яр ожесточённо почесал за ухом:

— Откровенно говоря, с подобным переносом я знаком исключительно в теории, руководство института не поощряет путешествие по книгам, опасаясь как безвозвратного изменения сюжета и гибели многих литературных жемчужин, так и потери ценных сотрудников, которые могут погибнуть или, наоборот, остаться в производстве.

Александр сосредоточенно нахмурился, но судя по нарастающей озлобленной растерянности, наука никогда не была его фаворитом.

— Слушай, кот учёный, хорош вещать лекцию по высшей математике гуманитариям. Будь проще, люди потянутся, потому что понимать тебя начнут.

Ярополк вздохнул:

— Прошу прощения, я увлёкся. Если проще, то нам нужно пройти всю историю до конца и при этом остаться живыми, потому что смерть в книге автоматически станет гибелью любого из нас в нашем времени.

— Ох... — Опалов бросил быстрый взгляд на меня, на выразительно встопорщившего шерсть на загривке Яра и быстро подобрал более цензурный вариант, — очешуеть. И как нам это сделать?

Пф, тоже мне, бином Ньютона! (Понятия не имею, что это, так любит говорить папин друг детства, физик в десятом поколении).

— Да проще простого, — я честно разделила мясо и сыр на три части и принялась с аппетитом уплетать свою порцию, — просто сегодня на балу я буду старательно избегать встречи с Ромео.

Мужчины помолчали, пытаясь просчитать все плюсы и минусы моего предложения.

— В принципе, вариант, — Александр засунул в рот ломтик сыра, — а если не получится? Ты же практически хозяйка бала, на тебя по любому все гости смотреть будут. Если Ромео не слабоумный слепой идиот, он тебя всё равно увидит.

Я равнодушно пожала плечами:

— Ну и что? Я люблю Яра, так что Ромео всё равно ничего не светит. Венчаться завтра я с ним не стану, что автоматически устраняет и повод для дуэли, высылку Ромео в Верону и нашу гибель.

Яр нервно дёрнул хвостом:

— Поводом для дуэли может стать что угодно, хоть завязки на обуви не того цвета. Да и от Ромео можно ждать многого, он же ключевая фигура трагедии. Если ты ему откажешь, он может начать активно тебя домогаться, что в свою очередь послужит спусковым крючком для очередной междоусобной свары.

Мда, блестящий план с треском рухнул ещё на стадии согласования. Я приуныла, пытаясь придумать что-нибудь более подходящее.

— И что ты предлагаешь? — первым не выдержал Александр.

Ярополк задумчиво пошевелил ушами:

— На балу Юле держаться как можно дальше от Ромео, в разговор с ним не вступать, наедине не оставаться, быть максимально незаметной. Мы с Александром постараемся тебя прикрыть, в конце концов, я могу и под ноги сунуться, и поцарапать Ромео, если в этом

будет необходимость. Далее, ключевым моментом трагедии является объяснение на балконе, поэтому, чтобы его избежать, ты сразу после бала уходишь к себе, закрываешь дверь на балкон, зовёшь кормилицу и ни на шаг её от себя не отпускаешь. В город выходишь только в компании меня и Александра, в идеале, ещё и пары-тройки крепких слуг. И да, Юль, очень тебя прошу, ешь, пей и принимай цветы и подарки только после моего разрешения.

Мне кажется, или кто-то решил поиграть в махрового тирана и деспота?

— А подарки-то тебе чем не угодили? — хмыкнул Опалов. — Или устраиваем нашей красавице тюремные будни с запретом на передачи?

Ярополк сел столбиком, изящно обвил лапки хвостом:

— А вам никогда не приходило в голову, что такая бурная, вспыхнувшая в единый миг страсть может быть действием любовного приворота?

Мы с Александром ошарашено замолчали, круглыми глазами глядя друг на друга.

— Да иди ты... — Опалов нервно вытер лоб, — кому это надо?!

— Как вариант, брату Лоренцо. Убрав Ромео и Джульетту, он фактически уничтожил два богатых и влиятельных рода, не только прекратив многолетнюю вражду, но и повысив шансы своего прихода на крупное пожертвование. Иных наследников у двух семей нет, дальняя родня редко получает что-то стоящее, потому что чаще всего в случаях вымирания рода всё жертвуют церкви. Во имя спасения души и искупления грехов, коих у Капулетти и Монтекки наверняка хватает.

— Твою ж генеральную репетицию, — вдохнул Александр, опускаясь на пол и опять вытирая лоб подрагивающей от волнения рукой, — вот это мы влипли.

Мне, честно говоря, тоже было не по себе, но я честно попыталась не поддаваться панике и разрядить обстановку:

— Не будем хандрить раньше времени, мы обязательно со всем справимся!

— Полностью согласен, — Ярополк умильно прижал ушки к голове и вильнул хвостиком, только вот глаза его смотрели строго и чуточку грустно. — Главное — не терять головы. В любой ситуации сначала думаем, анализируем, по возможности, советуемся и лишь после этого принимаем решение. А сейчас вам стоит отдохнуть перед балом, а я пройду по дому. Осмотрюсь, а заодно покручусь среди слуг, послушаю, о чём они говорят.

Яр пушистой лентой выскользнул за дверь, Опалов тоже не стал задерживаться, покинув меня вместе с вином (хорошо хоть еду оставил). Закрыв за своим «дорогим братцем» дверь, я, прищипнув на зазудевшую совесть, принялась изучать комнату Джульетты в поиске чего-нибудь, что помогло бы мне лучше понять ту, кого мне надлежит играть. Согласитесь, всё лучше, чем метаться от волнения по комнате в ожидании судьбоносного бала.

Сцена 5. Незабываемый бал

Невероятно везучей меня назвать нельзя, скорее в моей жизни равномерно чередуются чёрные и белые полосы. Внеплановую смену места жительства и внешности смело можно отнести к полосе чёрной, особенно если вспомнить, что угораздило меня попасть ни куда-нибудь, а в трагедию, да ещё и на главную женскую роль. Зато я узнала, что тот, чей смутный облик не давал мне покоя во сне, не видение и не мираж, а реальный человек, живой, умный и очень обаятельный. Мой восторг несколько портил тот факт, что Ярополк в облике кота, но и это, учитывая наше полулегальное положение, не так и плохо. Согласитесь, было бы очень сложно объяснить появление взрослого и во всех смыслах полноценного мужчины в спальне невинной девушки, а кот внимания не привлекает, спрашивается с него в разы меньше, а позволяется гораздо больше. То, что Опалова тоже перекинуло в нетленную пьесу Шекспира, смело можно назвать неприятностью, заботиться об этом самовлюблённом красавце удовольствие сомнительное. Но и тут огорчение быстро сменилось выгодой: попав в другое время, Александр быстро снял корону и стал вполне адекватным парнем. Совместными усилиями мы даже составили вполне сносный план по предотвращению нашей с Ромео встречи, видимо, именно поэтому фортуна решила любезно уступить место неудаче. В комнате Джульетты ничего полезного для себя я не нашла. Я надеялась, что юная синьора Капулетти, подобно множеству девочек её возраста (пусть и проживающих в иные, более поздние эпохи), ведёт дневник, но увы. Или я никудышный поисковик, или Джульетта дневник не вела. Ой, а вдруг она вообще неграмотная? Я прикусила губу, гадая, не успела ли как-нибудь проявить свою излишнюю, с точки зрения эпохи, осведомлённость. Вроде бы нет, но нужно быть очень и очень осторожной, как говорится, разведчики сыплются на мелочах. От беспокойных мыслей меня отвлекла кормилица, которая с топотом и сопением первобытного мамонта ввалилась в комнату. В руках она держала красное с золотым и чёрным платьем, при виде которого у меня похолодело в груди. Ой, мама милая, меня же ждёт бал, а я не уверена, что смогу правильно танцевать! Конечно, в спектакле бал мы тоже ставим и танцы для него разучиваем, но разница в эпохах может сыграть со мной злую шутку. Ладно, попрошу кормилицу со мной потанцевать, скажу, что страсть, как хочется покружиться в новом платье. Так, стоп, а если платье не новое? Нет, чепуха, наряды обновляли для каждого бала, появляться в одном и том же два раза считалось признаком бедности и дурного вкуса. Уф, хоть за это можно не волноваться!

— Чтой-то вы бледная, голубка? — кормилица с беспокойством заглянула мне в лицо.

Я с готовностью изобразила невинную беспечность, плечиком повела:

— Ничего страшного, кормилица, просто немножко перед балом волнуюсь.

— И то, — с готовностью кивнула добрая женщина, обернулась к двери, словно боясь, что её могут подслушать, после чего подошла ко мне поближе и трубно зашептала:

— К батюшке вашему сам синьор Парис пожаловал.

Блин, точно, помимо Ромео есть ещё и Парис! Мрак, ну почему Александр стал моим братом, а не женихом, я бы быстро выпорхнула за него замуж, тем самым полностью и безвозвратно изменив всю историю и избежав печального финала. А теперь нужно думать и гадать, как встречи с Ромео избежать и жениху поводов для надежд не давать. Может, заболеть чем-нибудь, желательно надолго и заразным? Ой, нет, учитывая садистические способы лечения, лучше не надо. А то меня ещё, боже упаси, лечить будут, могу и не

пережить подобного, тем более, что мне как-то вообще не очень везёт на лекторов-педагогов. Помню, одна бабушка-педагог весьма почтенного возраста, наверняка начинавшая практику ещё в Российской империи, выписала мне такой ядрёный сироп от кашля, что меня уже после первого приёма трясло начало. И это я ещё самовольно порцию в половину уменьшила. Ой, что-то я отвлеклась и прослушала, что мне кормилица говорила. Ладно, к импровизации мне не привыкать, в мире кино и театра она часто встречается. Я мило и одновременно смущённо улыбнулась, прошептала, продолжая старательно играть роль беспечной молоденькой девчушки, чьи интересы не простираются дальше игр, нарядов да балов с кавалерами. Ах, нет, последнее убираем, Джульетта о кавалерах не задумывалась до встречи с Ромео (разумеется, если верить трактованию пьесы великого Шекспира нашим режиссёром).

— Прости, кормилица, задумалась-замечталась и ничегошеньки не услышала.

Добрейшей души женщина на мою невинную уловку клюнула, улыбнулась, рукой меня по щеке погладила, проворковала с нежностью, о которой родная мать, синьора Капулетти, и не помышляла:

— И то правда, голубка милая, день-то какой сегодня. Может, порезвиться, поиграть желаете, перед балом-то?

— Потанцевать, — я даже в ладоши захопала от радости, что кормилица угадала мои намерения, — очень хочется перед балом потанцевать хоть немножечко. А то вдруг, я забуду чего или фигуры спутаю, матушка же тогда с батюшкой гневаться будут!

Милая женщина едва ли не прослезилась от моих слов:

— Не волнуйтесь, голубка, только платьё примерите, сразу же все волнения вас оставят. Вы ведь красавица, воспитания самого нежного, у вас всё чудесно будет.

Эх, нет, поторопилась я со своими радужными выводами! Ладно, мы не гордые, если намёков не понимают, прямым текстом скажем. Я просительно округлила глазки, ручки молитвенно к груди прижала:

— Кормилица, миленькая, потанцуй со мной.

— Так стара я, милая, — рассмеялась моя воистину вторая мама, — уж годков десять, как в плясуньи не гожусь. Вы бы попросили кого помоложе, того же синьора Тибальта, например, он кавалер бравый, в его руках каждая себя павой ощутит.

Да кто бы сомневался в умениях данного синьора! Только вот проблема вся в том, что мы с ним из одного времени, а значит, не ему меня танцам обучать. Я наклонила голову набок, надеясь, что выгляжу сейчас невинным цветиком, а не пособием к симптому кривошея.

— Кормилица, миленькая, давай потанцуем. Я тебя очень прошу!

— И что это на вас нашло? — кормилица озадаченно нахмурилась, но тут же расплылась в широкой добродушной улыбке, хитро блеснув глазами. — А впрочем, мне ведь только в радость угодить вам, цветик вы мой ясный.

Зря моя помощница и советчица на себя наговаривала, танцевала она легко и воодушевлённо, в каждом её жесте, взгляде, взмахе руки чувствовалась неутолимая жажда жизни. Неудивительно, что Джульетта доверяла своей кормилице гораздо больше, чем родной матери, которая за всю совместную трапезу ни разу дочь родную даже не приголубила и не приласкала.

Я так воодушевилась репетицией танцев, что предложила запыхавшейся кормилице немного поиграть. Мы вышли в длинную галерею, обвивающую дом по кругу, я, шая,

коснулась плеча кормилицы и отпрянула к узкому стрельчатому окну, а затем, звонко смеясь, поспешила дальше, не давая моей заботливой нянюшке себя поймать. Увы, наше веселье закончилось довольно быстро. Синьора Капулетти позвала кормилицу, чтобы она нашла меня и привела в покои матушки. Что-то мне подсказывает, что подобным приглашением дочка удостоивается чрезвычайно редко, только по очень и очень важным поводам. И мне, к сожалению, очень хорошо известно, что синьора Капулетти собирается сообщить. Парис, родственник герцога, правящего Вероной, просил моей руки, а значит, на балу мне придётся быть достаточно милой, чтобы синьор и синьора Капулетти не могли ни к чему придраться и при этом ухитриться не понравиться Парису, ведь выходить за него замуж я совершенно точно не планирую. Эх, ну почему Ярополк после перемещения остался котом, а не занял место Париса, скольких бы проблем можно было тогда избежать! Впрочем, история не знает сослагательного наклонения, а значит, мне пора прекратить витать в облаках и кусать с досады губы, ведь я как бы даже не представляю, что готовится сообщить мне матушка.

Кормилица, чей громкий голос легко мог поспорить даже с небесными трубами, возвещающими начало Страшного суда, нашла меня без проблем. Да я и не пряталась, прекрасно понимая, что меня позовут в покои синьоры Капулетти.

— Синьора Джульетта, — добрая нянюшка вытирала выступивший на лице пот, — идёмте скорее, вас матушка зовут.

Мысленно вздохнув и старательно изобразив волнение, смущение и робость, спешно поправив причёску и наряд, я потупив глаза поспешила за кормилицей. Покои синьоры Капулетти поражали одновременно роскошью и холодом, который источали и вычурные украшения на камине, и большое зеркало в блестящей раме, и холодная обивка стен, а пуще всего сама хозяйка, словно Снежная королева восседавшая на низком кресле в окружении трёх хлопочущих над ней служанок. Я в который уже раз искренне посочувствовала ещё молодой (с точки зрения нашего времени) женщине, которая так быстро увяла и потеряла интерес своего супруга. Если он вообще был когда-либо, этот интерес, ведь договорные браки заключают, не интересуясь мнением жениха и невесты, а такой подход редко бывает счастливым.

При моём появлении синьора Капулетти сделала небрежный взмах рукой, приказывая служанкам выйти. Горничные послушно скрылись за дверью, но кормилица осталась, переводя горящие любопытством глаза с меня на синьору Капулетти и обратно. Такое неповиновение благородной даме не понравилось.

— Выйди, кормилица, — тоном, не терпящим возражений, приказала синьора Капулетти и повернулась ко мне — Джульетта...

Я с готовностью подняла голову, но продолжения не последовала, моя матушка банально не могла подобрать слов. Можно подумать, мне об отправке в публичный дом хотят сообщить, а не о замужестве!

— Джульетта, — предприняла синьора Капулетти вторую попытку, — ты знаешь, кто сегодня приходил к твоему отцу?

А что, если ошарашить матушку подробным ответом, а потом ещё и прогнозом на будущее осчастливить? Э, нет, слишком рискованно, за такие чудеса на виражах меня и на костёр отправить могут, а я хоть шашлыки и люблю, но не с собой в качестве мяса.

— Нет, матушка, — я невинно хлопнула глазками.

— Парис, — выдав столь бесценную информацию, синьора Капулетти окончательно

смешалась и умоляюще посмотрела на беззастенчиво подслушивающую кормилицу. — Кормилица, найди.

Мою заботливую мамушку дважды просить не надо, она в комнату впорхнула, словно девчушка пятнадцатилетняя, поклонилась низко, благодаря за позволение присутствовать при разговоре и тут же зачастила со скоростью, какой и скорострельный автомат позавидует:

— Да неужто сам синьор Парис! Какая честь для всей семьи!

— Да, он пришёл просить руки Джульетты, — синьора Капулетти заметно расслабилась, что невероятные новости не надо сообщать мне напрямую.

Кормилица ахнула и всплеснула руками:

— Просить руки Джульетты! Недаром я в прошлое воскресенье молилась Деве Марии прося её о помощи и покровительстве нашей голубки!

Кхм-кхм, я тут не мешаю, нет? Может, мне можно уже уйти, моё присутствие здесь явно не обязательно, а для синьоры Капулетти ещё и весьма обременительно.

— Джульетта ещё так молода, — синьора Капулетти бросила мимолётный взгляд в мою сторону, поморщилась с досадой, — ей ведь нет ещё и четырнадцати.

Интересно, только мне показалось, что мегазаботливая мамочка спрашивает у кормилицы, сколько мне лет? А, нет, учитывая, как воодушевлённо моя милейшая нянюшка принялась заполнять пробелы в знаниях синьоры Капулетти.

— Джульетте нет ещё четырнадцати лет. До Петрова дня сколько остаётся?

Лично меня этот вопрос озадачил, а вот синьора Капулетти ответила сразу, резковатыми движениями поправляя рукав платья:

— Две недели с лишним.

Вот так бы возраст родной дочери знала, честное слово! Я прикусила губу, удерживая так и рвущиеся с языка колкости, а кормилица лишь рукой махнула, отменяя ненужные с её точки зрения подробности:

— С лишним или без лишнего в Петров день к ночи минет ей четырнадцать.

Кормилицу, как говорится, понесло, она принялась вспоминать, какой милой малюткой была Джульетта в детстве, как быстро и ловко научилась ходить. Не обошлось и без скабрёзных анекдотов, которые ввергли синьору Капулетти в шок. Я же, воспитанная в более свободных взглядах, мысленно посмеялась, но внешне постаралась изобразить более подобающее невинной молодой девице смущение. Шок, кстати, пошёл синьоре Капулетти на пользу, она решила прекратить так толком со мной и не начавшийся разговор, сухо сообщив, что синьор Парис просил моей руки, а потому я просто обязана быть с ним на балу особенно любезной. Я, естественно, пообещала матушкину просьбу исполнить, потому что, во-первых, иного ответа от меня никто и не ожидал, во-вторых, жених может оказаться недурной буферной зоной между мной и Ромео. Скажете, что я цинична? Ничуть, всего лишь пытаюсь дожить до своего персонального долго и счастливо.

Счастливая и как всегда что-то непрестанно щебечущая кормилица проводила меня в мои покои, громогласно живописуя, какой синьор Парис великолепный мужчина и как мне повезло, что он просил моей руки. Честное слово, я даже захотела взглянуть на этот чистейшей прелести чистейший образец, у которого под шапкой наверняка скрывается нимб, а за спиной прячутся белоснежные крылья. В голове сама собой заиграла задорная мелодия любимой с детства песенки «Леди Совершенство» из фильма «Мери Поппинс, до свидания!» Интересно, что же такой идеал до сих пор не женат, по словам кормилицы, он давно уже

вступил в пору мужества?

Пока я выслушивала пышные дифирамбы в адрес жениха, вернулся Яр, проворно запрыгнул на кровать и свернулся клубочком, глядя на меня и слегка подрагивая кончиком хвоста. Разумеется, я тут же направились к своему ненаглядному, но кормилица решительно преградила мне путь, строго грозя пальцем:

— Нет, голубка моя, никаких котов. Ещё не хватало, чтобы всё ваше платье в шерсти оказалось, вашей матушке это страшно не понравится.

По-моему, проще перечислить то немногое, что моей матушке нравится, чем долго и мучительно перебирать всё, что может ей не угодить. Я уже готова была проявить строптивость, но Яр отрицательно мотнул головой, коротко мявкнув:

— Не надо, не спорь.

Ой, точно, совсем забыла, что никто, кроме меня и Опалова Ярополка понять не может. Отвернувшись от кормилицы под предлогом, что волосы растрепались и их нужно ещё раз причесать, я чуть слышно шепнула:

— Узнал что-нибудь?

— Твою кормилицу зовут Мария, она вдова, единственная дочь умерла в чумной год.

Ну, о том, что случилось с семьёй моей заботливой нянюшки можно узнать и из трагедии Шекспира. Хотелось бы больших подробностей бытописания семейства Капулетти, чтобы не попасть впросак неправильным обращением к кому-либо или неуместным вопросом. Яр мой молчаливый вопрос понял, но в детали вдаваться не стал, ответил коротко, опять хвостом дёрнув:

— После бала поговорим.

Нет, кто-то точно издевается. Я же лопну от любопытства!

Ярополк бархатисто рассмеялся, вызвав табунок мурашек у меня на спине:

— Зато теперь ты ничуть не переживаешь о самом бале.

Мой ненаглядный обожаю его! Я серебристо рассмеялась, чмокнула растрогавшуюся едва ли не до слёз кормилицу в щёку и закружилась по комнате, раскинув руки. Всё будет хорошо, всё должно быть хорошо, да и разве может быть иначе, если жизнь так прекрасна?! Правильно, не может. Жаль только, что кормилица Яра на руки брать не разрешает, я бы с удовольствием покружилась со своим ненаглядным в вальсе. Кстати, стоит уточнить один момент.

— Яр, пообещай мне, что, когда ты превратишься в человека, мы с тобой обязательно потанцуем на балу.

— Сделаю для этого всё возможное, — мурлыкнул Ярополк, с наслаждением потягиваясь, и распушая хвост.

Ура, я счастлива! Я прижала ладошки к разгоревшимся от волнения щекам, глубоко вздохнула, унимая бешено колотящее сердце. Конечно, волнение девушки перед балом никого не удивит, но лучше не привлекать к себе излишнего внимания.

Время до бала пролетело незаметно в непрерывном щебете кормилицы, взявшей на себя труд посвятить меня во все последние сплетни славного города Вероны. Я узнала, что синьор Инцинотти привёз из Флоренции дивный шёлк, такой тонкий, что его можно протащить через золотое кольцо, синьора Вериначче рассорилась со своим мужем, да так, что брату Лоренцо пришлось успокаивать не на шутки разбушевавшуюся дамочку.

— А что за шум был сегодня утром в городе? — я посмотрела на кормилицу через зеркало, перед которым с удовольствием вертелась.

Нянюшка даже руками всплеснула от удивления:

— Неужели не знаете? Ведь проклятые Монтекки сегодня устроили самое настоящее побоище с нашими слугами! Сида и Чезаре ранили тяжело, не думаю, что бедняги доживут до утра.

Судя по азартному блеску в глазах кормилицы, её больше огорчит, если двое мужчин выживут. Что поделаться, жестокие времена, жестокие нравы, впрочем, это высказывание легко подойдёт любому периоду и любой эпохе. Двадцать первый век, если подумать, не так уж сильно отличается от Средних веков. Да, наука и техника шагнули далеко вперёд, но людьми руководят те же порывы, убеждения и мечты, что и в самом начале человеческой истории. Впрочем, мне сейчас не стоит погружаться в пучину философии, ничем хорошим это не закончится, я лишь огорчусь до крайности, проникнувшись тщетой бытия. Так что, не стоит выходить из образа юной и немного наивной девушки, с нетерпением ожидающей бала. Кстати, сколько там ещё ждать осталось? Я украдкой покосилась на часы и облегчённо вздохнула, заметив, что до мероприятия остался лишь час с четвертью. Ура, скоро бал! Ой, мама милая, скоро бал. Я прижала ладошку к груди, задыхалась глубоко и медленно, чтобы побороть волной нахлынувшее на меня беспокойство. Честно говоря, этот способ успокоиться мне никогда не помогал, но ничего более толкового в голову не шло. Ярополк, заметив моё состояние, принялся тереться о мои ноги, звучно мурлыкая. Я облегчённо улыбнулась, одними губами, чтобы суетящаяся рядом со мной кормилица ничего не услышала, шепнула слова благодарности.

— Ишь, размуркался, — Мария покачала головой, неодобрительно цокая языком, — надо бы котика всё же из вашей, голубка, спальни выгнать.

Этого ещё не хватало! Я подхватила Яра на руки, прижала к себе, словно его у меня уже силой выдирали:

— Не надо, кормилица, он такой милый, такой умный, такой хорошенький, ты только посмотри на него!

Ярополк умильно прижал уши к голове и округлил глаза, придав им выражение самой трогательной невинности, какую только смог изобразить.

— Миленький-то, да, — проворчала кормилица, в очередной раз тщетно пытаюсь придать голосу строгость, которой вовсе не было, — только зачем же вы его на руки-то взяли? Я ведь предупреждала, что он вам всё платье шерстью уделает, замучишься чистить. Добро, коли когтями зацепок не оставит.

— Не оставит, не переживай, — я послушно опустила Ярополка на пол, — он очень умный кот, воспитанный.

— Ты сильно-то меня не хвали, — предупреждающе мявкнул Яр, — не забывай, что излишний ум в это время — признак колдовства, за такое и на костёр отправить могут. А мне как-то проверять, насколько активна в Вероне святая инквизиция совсем не хочется, других забот хватает.

Ой, точно. Я прижала ладошку к губам, жалея, что не умею управлять временем и поворачивать его вспять. К счастью, кормилица относилась к породе людей, которые слышат лишь то, что хотят, а потому её гораздо больше волновали пара шерстинок, прилипших к моему лифу, чем славословия коту.

— Вот, я же говорила, что всё платье в шерсти будет, — бормотала Мария, спешно чистя мне платье, — но вы кормилицу старую не послушали. А синьора Капулетти сильно гневаться будет, коли вы к гостям в неприглядном виде покажетесь.

Судя по краткому, но весьма информативному знакомству с синьорой Капулетти, сия особа привыкла больше интересоваться внешним лоском и блеском, чем мыслями и чувствами своих чад и домочадцев. Не удивительно, что душа родной дочери осталась для неё непроницаемой темнотой.

— Не бойся, кормилица, — я обняла свою нянюшку, поцеловала её в не утратившую яркого румянца щёку, — всё будет хорошо.

Хотела бы я и сама верить в то, что сказала, только вот чем ближе стрелки часов подползали к моменту икс, тем всё тревожнее сжималось у меня сердце. Интуиция, ещё больше обострившаяся в экстремальной ситуации, прямо-таки вопила о том, что на балу ничего хорошего не случится. И разумнее всего носа из комнаты не высовывать до тех пор, пока Ярополк и Александр не придумают, как нам вернуться назад. Эх, мечты-мечты, жаль, что вам подвластно далеко не всё.

Всему приходит конец, завершилось и становящееся прямо-таки невыносимым ожидание бала. Кормилица в самый последний раз поправила мне платье и расшитый чепец на голове, подтянула ленту, вплетённую в косу, перекрестила меня, от всего сердца пожелав, чтобы синьор Парис пришёлся мне по сердцу. Я лишь улыбнулась, бросив взгляд на переминающегося у двери Ярополка. Нет, каким бы очаровательным и замечательным ни оказался Парис, моё сердце он покорить не сможет, ибо там давно уже живёт совсем другой мужчина. С которым, если очень сильно повезёт, я даже смогу потанцевать на балу.

Как оказалось, у самого синьора Париса и моего отца планы были иные. Не успела я выйти из своих покоев, как меня в прямом смысле слова подхватил под руку синьор Капулетти и прямо тут же в коридоре представил меня моему жениху. Ого, вот это я понимаю оперативность! Я изумлённо хлопала глазами, а синьор Парис, разметая своим широким беретом пыль перед моими ногами, разразился длинной витиеватой речью, сухой остаток которой сводился к безграничному счастью от знакомства со мной, восхищению моей красотой и надеждой на светлое будущее. Если бы не отец, который продолжал цепко держать меня за руку, я бы попыталась перекрыть бурный поток красноречия графа и максимально мягко и любезно вернуть разошедшегося поклонника с небес на землю. Но синьор Капулетти в своей вступительной речи недвусмысленно дал понять, что он ждёт от меня лишь покорности родительской воле, а потому пришлось стиснуть зубы и прилежно отыгрывать овечью кротость. Потупив очи долу, дабы ненароком взглядом себя не изобличить, я покорно позволила синьору Капулетти и графу Парису вывести меня к гостям. Быть под прицелом сотен глаз: любопытных, изучающих, восторженных, скучающих, а подчас и въедливо-завистливых мне не привыкать, я же актриса, пусть и не прима, но в спектаклях появляюсь часто, привыкла себя на публике держать. Танцы, к моему искреннему удовольствию, оказались тоже знакомыми. Не зря всё-таки наш режиссёр так основательно к каждой постановке готовится, едва ли не лучше любого исследователя пьесы перед постановками изучает, а помимо них обязательно разбирает моды, обсуждаемые в разговорах темы, живопись и танцы. Благодаря дотошности Геннадия Константиновича мы с Опаловым на балу не оконфузимся. Кстати, а где, интересно, Александр, он же обещал глаз с меня не спускать? Я осторожно оглянулась и тут же, словно несущийся галопом конь на вилы, напоролась на огненный взгляд мужчины в синем костюме и львиной маске, закрывающей лицо. Побрейте меня налысо и назовите ёжиком, если это не Ромео. Вот же блин, закон подлости в действии! Воспользовавшись сменой фигур в танце, я ловко повернулась к мужчине спиной и мягко улыбнулась графу Парису, который тоже не отводил

от меня глаз, но, по крайней мере, не раздевал глазами. Хаос первородный, ну почему меня угораздило стать именно Джульеттой, приняла бы облик кормилицы, скольких бы проблем избежала! Глубоко вздохнув, чтобы подавить вспыхнувшее раздражение, я опять повернулась, сделала несколько шагов и... оказалась точнёхонько подле мужчины в синем костюме и маске льва! Его горячая рука на краткий миг коснулась моей ладони, я инстинктивно вздрогнула, а потом словно в какое-то оцепенение впала. Всё вдруг стало неважным, прошлые страхи и сомнения ушли, истаяли без следа, остался лишь этот пламенный взгляд, сладостное томление, распирающее грудь и понимание того, что вот она, любовь всей моей жизни. С моих губ стоном слетело сокровенное:

— Ярополк...

Новая смена партёров в танце немного привела меня в чувство, я судорожно вздохнула, словно очнувшись от кошмара, и озадаченно нахмурилась, пытаюсь понять, что на меня нашло. С чего вдруг я решила, что это Ярополк, полночь же ещё не наступила да и луны не видно? Ой-ёй, что-то мне совсем не нравится моя реакция на этого по большому счёту ничем не примечательного (кроме маски, разумеется) кавалера. Нужно предупредить Александра и найти Яра, а то, вдруг, это действительно он был? Сердце-то не обманешь.

Уже после бала я узнала, что неладное почувствовала не только я. Яр, который незаметной тенью скользил по всей бальной зале, стараясь ничего не упустить и при этом никому на глаза не попасться, внезапно насторожился, присел, изящно обернув лапки хвостом, и принялся яростно принюхиваться. Кошачье чутьё гораздо тоньше человеческого, Ярополк уловил в воздухе тончайший аромат роз и ощутило едва заметный розоватый всполох — признак любовной магии. Произошло это в тот самый миг, как моя рука коснулась ладони незнакомца в львиной маске, предположительно, Ромео. Поскольку меня от Яра отделяла толпа танцующих и любопытствующих, стремящихся придвинуться как можно ближе к хозяевам торжества, Ярополк направился к Александру, наслаждающемуся всеми благами бала, включающими в себя вкусную еду, хорошее вино и компанию красивых девушек, млеющих от оказанного им великим Тибальтом внимания.

— Юле грозит беда, — мявкнул Яр, в прямом смысле слова повисая на ноге Опалова.

К счастью, попав в трагедию Шекспира, Александр научился пользоваться не только нижними, но ещё и верхними полушариями, а потому задавать глупых вопросов или вообще игнорировать умного человека рядом не стал, моментально подхватил Ярополка на руки (вызвав восхищённое перешёптывание со стороны окружающих синьорит) и шепнул чуть слышно:

— Что с ней?

— Не знаю, — Яр нервно дёрнул хвостом, — по-моему, использовали любовную магию.

Опалов шёпотом выругался, завертел головой по сторонам и замер, хищно сузив глаза, точно зверь, заметивший добычу.

— Ты чего? — Ярополк наострил уши, завертел головой по сторонам, но кошачий рост ничего существенного, кроме ног гостей, рассмотреть не позволил. — Что-то случилось? Юлю увидел?

— Нет, одного смертника, которому, похоже, очень надоело жить, — буркнул Опалов, зло сверкнув глазами. — И быть мне праведником до конца моих дней, если этот красавчик с маской льва на лбу не Ромео Монтекки.

Яр досадливо дёрнул хвостом, огляделся, а потом быстрее молнии взлетел на стол, ловко спрятавшись за вазой с фруктами. Зоркие кошачьи глаза моментально выхватили из

толпы невысокую темноволосую фигурку Юли. Девушка приветливо улыбалась, танцевала, но Яр каждой клеточкой тела ощущал её смятение и смущение. Кто посмел нарушить покой его ненаглядной?! Ярополк выгнул спину, утробно зарычал, хищно сверкнув глазами. Эх, ну, почему он так мало интересовался искусством, предпочитая реальные исторические факты?! Яр снова рыкнул, зло хлестнул хвостом по столу и тут заметил молодого мужчину в синем костюме и маске льва, который не отводил внимательного, даже изучающего, взгляда от Юли. Так вот, значит, какой Ромео Монтекки... А на влюблённого юношу, одурманенного чистой страстью, он не сильно похож, скорее, на учёного, внимательно следящего за тем, чтобы эксперимент прошёл удачно, а не провалился с треском в самом начале. Хм, есть о чём подумать. Яр озадаченно пошевелил ушами, поскрёб лапой шею, но отвлекающий зуд никак не желал проходить. Неужели, блох нахватался? А, нет, просто время близится к полуночи, а значит, нужно срочно покидать зал, иначе трансформация в человека произойдёт прямо посреди бального зала. То-то гости с хозяевами порадуются!

Ярополк быстро спрыгнул со стола и побежал, спеша покинуть бальную залу, пока не началась смена облика. Увы, благие намерения столкнулись с суровой реальностью в виде длинных и крепких ног Тибальта, который, полыхая гневом, словно легендарный дракон пламенем, тоже вознамерился покинуть бальную залу.

— Смотри, куда прёшь, кот учёный, — рыкнул Тибальт, бесцеремонно схватив Яра за шиворот и замахиваясь, чтобы грубой физической силой расчистить себе путь.

Яр возмущённо зашипел, извернулся и всадил в руку грубияна острые коготки. В конце концов, котики отнюдь не плюшевые беззащитные игрушки, это хищники, пусть и небольшие по размеру. Тибальт взвыл от боли, но хватку не ослабил, наоборот, стиснул Яра так, что у того даже круги цветные перед глазами поплыли. И тут произошло то, чего никто не мог бы предположить даже в самых безумных мечтах: трансформация кота в человека соединилась с остатками любовной магии, рассеянной в воздухе и смешалась с вытекшими из ранок капельками крови. Раздался чуть слышный треск, между Ярополком и Тибальтом сверкнула розово-синяя молния, а затем...

— Ух ты, я снова человек, — Ярополк, смахнул висящего на руке кота, недоверчиво посмотрел на ладони, ноги, обтянутые облегающими (даже слишком облегающими, с точки зрения несколько консервативного учёного) штанами, погладил шершавую от вышивки рубашку. — Я снова человек!

— А я тогда кто? — взвыл кот, едва не переворачиваясь на спину, в попытке осмотреть себя и с брезгливым отвращением глядя на встопорщенный ёршиком хвост. — Это что... хвост?! У меня хвост?! Обалдеть, мало того, что меня перебросило в Верону, мало того, что я стал Тибальтом, так теперь у меня ещё и хвост?! Ну, Юлька, этого я тебе точно не прощу! Вот ведьма проклятая!

— Юлю не трогай! — взвился Ярополк, сверкнув глазами так, что пробежавшая мимо служанка шархнула в сторону, едва не уронив кувшин с вином.

Опалов выгнулся дугой, распушился, став в два, а то и три раза крупнее и зашипел, сверкая глазами так, что из глаз едва искры не полетели:

— А ч-ш-ш-што мне прикажешь, диф-ф-фирамбы ей петь?!

— Какой нехороший котик, — служанка уже оправилась от испуга, поставила кувшин и вопросительно посмотрела на Ярополка. — Синьор Тибальт, прикажете убрать котейку, чтобы он никого не оцарапал?

Опалов гнусаво заорал, протестуя против такого притеснения свободолюбивой

кошачьей личности, но Яр не собирался его слушать. Теперь, став человеком, он сумеет защитить Юлю от любой беды. А в том, что он планирует сделать, соперники ему не нужны. Ярополк очаровательно улыбнулся, снисходительно кивнув:

— Да, котика можно убрать.

— Га-а-ад! — заорал Опалов, яростно пытаясь выдраться из спеленавшего его фартука служанки. — Попадись мне только, морда кошачья, я тебя на чебуреки пушу!

— Чебуреки делают из собак, — прошептал Ярополк и направился в сторону Юли, стоящей среди гостей и слушающей (а может, всего лишь делающей вид, что слушает?) певца. — А мне пора выполнить данное Юле обещание.

Сцена 6. Магия танца

Признаться честно, роль милой и благовоспитанной хозяйки бала меня изрядно утомила. Тем более, что на самом деле вся «хозяйственность» сводится лишь к тому, что гости смотрят на меня, словно на симпатичный цветочек или пушистого котёночка, мысленно прикидывая все возможные выгоды брака со мной. Синьора Капулетти, хвала небесам, не маячила всё время в поле зрения, но я всё равно ощущала её незримое присутствие, висящее надо мной дамокловым мечом. Дурманящее голову воодушевление, вызванное мимолётным касанием руки незнакомца в маске льва, уже прошло, сменившись с взявшейся неизвестно откуда свинцовой усталостью и тоской. Да и чего мне, спрашивается, радоваться, если Яр по-прежнему кот, нас троих, включая Опалова, забросило в трагедию Шекспира, в финале которой и меня саму, и Александра ждёт мучительная смерть. А Ярополк, скорее всего, так и останется котом, если его излишняя разумность не привлечёт ни чьего внимания и не приведёт его, в конце концов, в жаркие объятия святой инквизиции. Одним словом, всё плохо и будет только хуже.

— Позвольте пригласить вас на танец?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что я невольно вздрогнула, излишне резко поворачиваясь на голос и недоверчиво посмотрела на стоящего перед ней Тибальта. С чего бы это вдруг ему меня на танец пригласить приспичило?

— Тебе что, других девиц мало? — шёпотом, чтобы не привлекать внимания, сердито зашептала я и, помня о недогадливости и чрезмерной самовлюблённости кавалера, добавила. — Не буду я с тобой танцевать, Опалов.

По губам Тибальта скользнула мимолётная, какая-то даже мальчишеская, улыбка, сделавшая его по-настоящему симпатичным:

— А я не Александр.

Ого, вот это новости! Мальчик решил со мной поиграть и пококотничать. Ладно, делать мне всё равно нечего, могу и поддержать игру, мне несложно.

— И кто же ты? Прекрасный принц или странствующий рыцарь?

Тибальт ухватил меня за руку, притянул к себе, почти обняв, шепнул жарко, вызвав на спине целую толпу хаотично мечущихся мурашек:

— А ты угадай.

Я всмотрелась в тёмные, цвета безлунной полуночи глаза, да так и ахнула:

— Ярополк?!

Яр стал человеком?! Ура, Яр стал человеком! А может, это опять дурная игра воображения, игра теней или ещё какая-нибудь чертовщина, доверять которой нельзя? Я положила Тибальту руку на грудь, пытливо всмотрелась ему в лицо, впервые в жизни жалея, что у меня нет суперспособностей, помогающих узреть истинную суть человека:

— Это правда ты? Ты Ярополк?

Тибальт коротко кивнул и шёпотом принялся рассказывать о нашей первой встрече, мечтах, планах на будущее. Я слушала, широко распахнув глаза и позабыв обо всём на свете, чувствуя лишь глубокий завораживающий голос и опаляющий меня взгляд любимых глаз. Господи, от всего сердца благодарю за явленное тобой чудо!

— Ярополк, — выдохнула я, подаваясь всем телом к любимому.

Резкий гневный кашель, прозвучавший едва ли не над самым ухом, заставил меня

вздрыгнуть и испуганно обернуться. Кого это так некстати туберкулёз последней стадии одолел? А, ну, конечно, синьора Капулетти собственной персоной. Стоит каменной статуей неподалёку, прожигая меня с Ярополком взглядом, которому все василиски с Медузой Горгоной просто обзавидуются. Вот ведь особа, у самой счастья нет, так она и другим мешает быть счастливыми! Правильно говорят, ни себе, ни людям! Я даже губу прикусила, удерживая так и рвущиеся с языка колкости, а Яр, наоборот, почтительно поклонился, всем своим видом демонстрируя радушие:

— Мы с Джульеттой обсуждали, какой чудесный бал вы организовали. Я лично слышал, как граф Парис выражал восхищение торжеством.

— Правда? — синьора Капулетти польщено улыбнулась и даже слегка зарделась, но тут же опять привычно посуровела. — Однако, это не оправдывает вашего неподобающего поведения. Джульетта!

— Да, матушка, — привычно откликнулась я, понимая, что ничего другого от меня всё равно не ждут.

— Я просила тебя быть любезной с графом Парисом, а ты...

Я с самым невинным видом воззрилась на матушку, прекрасно помня, что разговоры со мной ей даются с большим трудом, а переводчика в виде кормилицы рядом нет. Мои предположения оправдались на все 100 процентов. Синьора Капулетти растерянно махнула рукой и обрушила своё негодование на Ярополка.

— А ты, Тибальт...

— Да, синьора, — с готовностью откликнулся Яр, покорно склонив голову, словно осуждённый на казнь, ожидающий удара топором.

— Ты утверждал, что в одном из наших уважаемых гостей опознал сына нашего врага и требовал выдворить его из дома, — голос синьоры Капулетти обвиняющее взлетел вверх, но тут же упал до обличающего шёпота. — Ты едва не испортил праздник.

— Прошу прощения, синьора, — Ярополк склоняет голову ещё ниже, — в своё оправдание могу лишь сказать, что мною двигали исключительно благие намерения.

— Вот как? — синьора Капулетти сердито и чуть презрительно кривит губы. — А чем вы объясните своё неподобающее поведение сейчас? Вы стояли, держась за руки, словно какие-то... — женщина захлебнулась негодованием, судорожно взмахнула рукой и сдавленно прошипела, — любовники.

Я стиснула зубы, чтобы не ляпнуть, что, у кого, что болит, тот о том и говорит. Вот ведь моралистка проклятая, сама не веселится и другим не даёт!

— Мне очень жаль, что со стороны наш разговор выглядел столь неподобающе, — голос Ярополка был обволакивающе-успокаивающим, — я всего лишь напоминал Джульетте о том, чтобы она была благоразумна, не верила цветистым речам и опаляющим взглядам. Легкомыслие пагубно для юных дев.

Синьора Капулетти колко усмехнулась, сверкнула глазами, но я прекрасно понимала, что она уже потеряла к нам интерес. Правила приличия были восстановлены, гости ничего предосудительного не заметили, а значит, наши скромные персоны не стоили более ни единой крохи внимания. Я не ошиблась, призвав нас к порядку, синьора Капулетти действительно ушла, но не одна, а под каким-то совершенно нелепым предлогом уведя с собой Ярополка. Я от такого манёвра почтенной матроны откровенно опешила, даже не сразу поняла, что меня кто-то взял за руку. Растерянно оглянувшись, я чуть в голос не застонала, увидев уже знакомого мне мужчину в синем костюме и поднятой на лоб маске

льва. Да что он ко мне привязался, других девушек нет, что ли?!

— Прекрасная, — томно выдохнул кавалер, глядя на меня обожающим взглядом, — моё прикосновение осквернило вашу нежную ручку.

Достопочтенный синьор, если ваше прикосновение столь скверно, что ж вы тогда ручки-то свои к невинной девушке тянете?

— Позвольте поцелую смыть всю скверну с ваших рук.

Мужчина потянулся губами к моей руке, но я ловко выдернула свои пальчики из его ладони. Нет уж, сюжет сей пиесы мне хорошо известен, и меня он категорически не устраивает, а потому, мой милый, вам ничего не светит. Могу предложить всего лишь дружбу, да и ту по переписке. Причём я свои послания буду отправлять самым ненадёжным способом, чтобы из десяти писем доходило одно, да и то в максимально нечитабельном виде. Скажете, я злая? Ну что вы, просто жить очень сильно хочется.

— Вы слишком суровы к своим рукам, синьор, — я растянула губы в улыбке, с одной стороны вполне вежливой, но с другой как нельзя лучше подсказывающей, куда именно следует идти кавалеру. И с какой скоростью.

Увы, Ромео (а кто ещё, кроме него это может быть?) оказался весьма настырен и тонких намёков понимать не захотел. Эх, как же некстати синьора Капулетти увела Ярополка, уж он-то бы точно смог убедить представителя славного рода Монтекки, что ему надлежит искать другую ду... душечку. Нет, я, конечно, тоже не букет ромашек и могу отшить кавалера разными способами, даже весьма грубыми, но здесь же так не принято! Начни я огрызаться, без разницы, по какой причине, даже отстаивая свою честь, и меня моментально обвинят во всех смертных грехах, осудят, а потом и накажут, причём не слушая ни единого слова в моё оправдание. А теперь, внимание, вопрос: оно мне надо, такое счастье? Правильно, нет. Поэтому продолжаем мурыжить Ромео ласково и нежно, как и пристало благовоспитанной особе.

— Божественная, — Ромео подался вперёд, намереваясь поцеловать, но я поспешно отступила на шаг, — позвольте усталому путнику смыть свои грехи прикосновением к вашим невинным губам.

Милый мой, у меня не общественная баня и не прачечная, в которой принимают бельё любой степени загаженности. Я отошла ещё на шаг, непреклонно покачала головой, для верности ещё и руки за спину убрала:

— Вы ошибаетесь, я не богиня и мой поцелуй ничьи грехи не смоем.

Пухлые губы Ромео дрогнули и капризно надулись, на лице проступило выражение самой настоящей мальчишеской досады, точно у пацана, которому в магазине отказались продавать алкоголь.

— Во время танца вы были не столь непреклонны, — выпалил юноша, буравя меня полным досады взглядом. — Что на вас сейчас нашло?

О, синьор, как я погляжу, вы ещё не знакомы со зверем чудным и опасным, живущим в голове каждой женщины. И имя этому зверю — настроение. Я беззаботно пожалала плечиками, наслаждаясь сменой образа невинной курочки на циничную хищницу, вполне способную потребовать жизнь за ночь любви:

— Синьор, на каком основании вы требуете у меня отчёта в моих поступках? Разве вы мой отец, брат или же жених?

Ромео широко распахнул глаза и часто-часто заморгал. Вид у него стал настолько несчастным, что мне, честное слово, даже стыдно стало. Всё-таки, какие бы тучи не

проносились над головой, не стоит превращаться в злюку и бяку.

— Прошу простить меня, если мои слова ранили вас, — я мягко улыбнулась и в знак примирения слегка коснулась кончиками пальцев руки Ромео. — Клянусь, я не хотела причинить вам боль.

— Боль, причинённая вами, блаженство для меня, — пылко воскликнул Ромео, стискивая мне руку так, что ногти даже синеть начали. — Богиня, я готов страдать во имя вас бесконечно!

Горячие, неприятно мокрые поцелую обильно покрыли мне кисть, а потом поползли выше. Я отчаянно пыталась выдрать руку, но с тем же успехом могла высвободить её из стальной хватки капкана.

— Божественная, осчастливьте своего верного паладина одним-единственным поцелуем, — страстно выдохнул Ромео, притягивая меня к себе.

Вот тот самый случай, когда протянешь палец, а он отхватит всю руку до плеча! Нет, правильно говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад. Пожалела обиженного мальчика, на свою голову, теперь не знаю, как от него отвязаться! Я попыталась деликатно отстраниться, но Ромео вцепился в меня, словно репейник, отодрать практически невозможно.

— Отпустите меня, — пропыхтела я, уворачиваясь от жадных губ, тянущихся ко мне с поцелуем. — Отпус...

Мой рот запечатали жадным поцелуем, оборвав все возражения. Я протестующее дёрнулась, а потом произошло что-то странное. Я словно погрузилась в сон, хотя глаза были открыты, и я ясно видела всё происходящее вокруг. Видела, но не понимала, принимая как должно то, что Ромео шепчет мне нежные глупости, от которых моё сердечко сладко замирает и щемит. И я не вникаю в страстный шёпот, лишь киваю, соглашаясь на всё, что мне говорят. Да, да, да, и так снова и снова, пока Ромео, оглянувшись по сторонам, не исчезает, оставив меня в холодящем душу одиночестве. Я судорожно вздыхаю, зябко обхватываю себя руками за плечи и растерянно осматриваюсь вокруг, пытаюсь понять, что на меня нашло и, самое главное, на что я успела согласиться. И хоть я девушка прагматичная и в любовную магию, всякие привороты-повороты не верю, но чем ещё можно объяснить такое вот одурманивание?! Гадливо передёрнувшись и потирая обслюнявленные поцелуями руки, я тихонько позвала кормилицу, суетящуюся подле стола с вином и фруктами.

— Кормилица, милая моя.

— Что, голубка? — охотно откликнулась Мария, судя по разрумянившемуся лицу, успевшая на славу угоститься вином. — Что случилось, душечка?

Пожалуй, стоит проверить свою догадку, а то вдруг, это и не Ромео вовсе любовной магией балуется, а, скажем, тьфу-тьфу-тьфу, не дай бог, Меркуцио?

— Кто этот синьор?

Формулировочка, конечно, была более, чем размыта, потому ничего удивительного, что кормилица вопрос поняла неправильно.

— Граф Парис, — Мария восхищённо закатила глаза, — молодой, пригожий, кавалер любезный, богатый опять же, что тоже весьма приятно. А уж как вас любит...

Интересно, моя дорогая нянюшка старательно исполняет приказ синьоры Капулетти или действительно в полном восторге от молодого графа? Сейчас проверим.

— Да нет, я не о нём спрашивала, а вот о том кавалере, видишь? В синем костюме и с маской льва.

Кормилица растерянно посмотрела на направляющегося к выходу мужчину, пожалала плечами, явно раздосадованная тем, что что-то осталось для неё неизвестным:

— Не знаю, синьора, этот гость мне не знаком.

Та-а-ак, мои опасения начинают подтверждаться.

— Так сходи и узнай, — приказала я, благоразумно не покидая своего наблюдательного пункта. Во-первых, если Ярополк вернётся, он без труда сможет меня здесь отыскать, а во-вторых, меня место дислокации, я опять могу нарваться на Ромео, а оно мне надо? Правильно, ни в коем случае. Так что, стоим и ждём возвращения кормилицы. Я вспомнила где-то прочитанное утверждение, что жующую даму приглашать на танец неприлично и поспешно подхватила со стола кисть винограда. Вот так, теперь меня точно никто не побеспокоит, тем более, что и гости стали прощаться, благодаря синьора Капулетти за чудный вечер. Радужный хозяин каждого гостя благодарил за визит, кому-то пожимал руки, а графа Париса и вовсе по-родственному за плечо похлопал, выразительно покосившись в мою сторону.

— Узнала, синьора, — запыхавшаяся Мария выскочила откуда-то сбоку, вытирая пот с покрасневшего лица, — всё узнала. Синьор, на которого вы изволили обратить внимание — это сын нашего врага, Ромео Монтекки.

Ну вот, что и требовалось доказать. Вопреки всем нашим предосторожностям встреча на балу всё-таки произошла, более того, я успела чего-то наобещать Ромео (вспомнить бы теперь, чего именно!) Я сдавленно застонала, прислонившись к стене. Чувствовала я себя на редкость паршиво, словно гриппом в самой тяжёлой форме болела: тело потряхивало от озноба, колени ныли и норовили подломиться, глаза резало, а настроение было такое, что хотелось завернуться в мягкий и пушистый плед, налить себе чашечку лимонного чая и забаррикадироваться внутри гроба, вывесив снаружи табличку: «Не беспокоить». Хорошо хоть насморка не было и горло не болело, пока, по крайней мере. Видимо, вид у меня был не особенно хороший, потому что кормилица засуетилась, запричитала, усугубляя моё скрытое раздражение:

— Что с вами, голубка? Побледнела вся!

Я даже рта раскрыть не успела, а Мария уже всё для себя решила и продолжила успокаивающе ворковать:

— Да не печальтесь так, голубка моя, синьор Ромео хоть и из рода наших врагов, а синьор пригожий и обхождения самого что ни на есть достойного.

Не поняла, мне, что, уже другого кавалера сватают? Обалдеть, ведь не прошло и пять минут с тех пор, как образцом всех добродетелей был Парис!

— И батюшка ваш тоже самого наилучшего мнения о молодом Ромео, — продолжала вещать кормилица, всё сильнее напоминая мне радио. Я даже дыхание затаила, ожидая, когда закончится блок светских новостей и начнётся прогноз погоды. Как там пелось? «Какой прогноз у нас сегодня, милый?»

— Правда, синьоре Капулетти, вашей матушке, синьор Ромео не очень нравится, но и она признаёт, пусть и неохотно, что это весьма благородный молодой синьор, наделённый множеством достоинств, отрицать которые не возьмётся никто на свете.

Хм, пожалуй, я без труда назову как минимум трёх человек, которым Ромео Монтекки совершенно точно не нравится. И вообще. С чего вдруг моя кормилица стала так щедра на славословия в адрес врага? Я мечтательно вздохнула:

— А Тибальт какой...

— Замечательный, — с готовностью подхватила Мария, всплескивая руками, словно готовая взлететь птица крыльями, — воистину вам повезло с родственником. Писанный красавец, да и воин отменный, это все признают. А какой горячий и страстный, мне Анна по секрету сказала, а той Бьянка рассказывала, да и Августа поддерживает, Тибальт — кавалер завидный. Опять же вашего рода, что тоже весьма приятно, не чужой вам до духу и крови.

Ну вот, что и требовалось доказать: для моей кормилицы любой мой избранник будет самым замечательным мужчиной на свете. И такая мелочь, как многолетняя кровопролитная вражда или родственная связь препятствием на пути к моему личному счастью не являются. Интересно, а если я признаюсь, что влюблена, ну, скажем, в брата Лоренцо и готова с ним тайно, нет, даже не обвенчаться, а сожительствовать, кормилица меня и тогда поддержит? Думаю, да, более того, Мария сделает всё возможное и даже невозможное, чтобы воплотить мою задумку в жизнь.

Кормилица продолжала славословить Тибальта, и я со смехом взмолилась о пощаде:

— Кормилица, милая моя, угомонись, Тибальт же брат мне!

— Так ведь двоюродный, а не родной, — резонно возразила Мария, ничуть не смутившись. — У меня самой тётка с двоюродником обвенчалась...

Мне стало ясно, что моя мегазаботливая и гиперлюбящая нянюшка успокаиваться не собирается. Честное слово, у неё прямо идея-фикс меня с мужчиной свести!

— Кормилица! Успокойся, прошу тебя. Я поняла, ты одобришь любого моего избранника, даже если это будет лягушонок из колодца.

Мария задорно улыбнулась, огляделась по сторонам и шепнула заговорщицки:

— Моя голубка может и лягушонка выбрать, а всё же граф Парис, синьор Ромео или же синьор Тибальт куда как пригляднее будут. Да и в спальне от них толку побольше будет, уж поверьте знающей жизнь старухе.

Я не моралистка и не ханжа, но от столь откровенного намёка покраснела, точно маков цвет и сдавленно прошептала:

— Кормилица! Пойдём лучше спать.

— И то правда, голубка, — согласилась ничуть не смутившаяся (в отличие от меня) Мария, — день был долгий, да и притомились вы, чай, на балу. Идёмте, красавица моя, почивать пора, завтра новый чудный день будет.

Кормилицыно воркование действовало на меня усыпляющее, я широко зевнула, прикрывшись ладошкой. И правда, день выдался просто потрясающий, во всех смыслах этого слова, для меня сейчас главное: по дороге в комнату не уснуть, а то моей заботливой нянюшке придётся меня на себе тащить. А я хоть и стройная, а всё же отнюдь не пушинка, пожилой женщине все плечи оттяну и, не дай бог, спину сорву. Я опять широко зевнула. Это хорошо, что меня так в сон клонит, значит, никакого объяснения с Ромео на балконе не будет. Кстати, надо будет с Ярополком обсудить всё, что произошло на балу, как меня в прямом смысле слова закоротило при появлении молодого синьора Монтекки. Я, конечно, девушка практичная и в магию не верю (почти), но чем, кроме любовных чар можно объяснить такой сногшибательный эффект? Я же готова была сделать всё, о чём бы меня Ромео ни попросил, наобещала ему с три короба чего-то, теперь бы ещё вспомнить, чего именно. Или лучше не вспоминать? Чтобы потом, когда не дождавшийся от меня никаких действий представитель славного дома Монтекки начнёт бурно возмущаться, сделать круглые удивлённые глаза и выпалить: «Поручик, я не обещала!» Нет, пожалуй, вспомнить

всё-таки стоит, как говорится, предупреждён, значит, вооружён. Я снова зевнула, рискуя вывихнуть себе челюсть. Безобразие, а не дом. В моей-то квартирке всё просто, десять шагов из коридора сделал и ты в уютной проходной комнате, из неё ещё семь и вот она любимая спальня! Я споткнулась, чуть не рухнув носом в пол, благо, кормилица подхватить успела. И с чего меня вдруг так развезло? Время-то не сильно позднее, час ночи, максимум три, не более. В новогоднюю ночь и после банкетов по случаю грандиозной премьеры я и позже ложусь и ничего, а тут прямо падаю, словно кукла, у которой батарейки сели. Вот оно: благотворное влияние свежего воздуха и натуральных продуктов. Или это из меня общение с Ромео все соки вышло? Ох, непрост этот юноша, совсем непрост. Как бабушка у меня говорила: слова любовные, да глаза холодные. То ли дело Ярополк, он у меня во всех обличьях хорош. Я мечтательно вздохнула, совершенно по девчачьи прижав сцепленные ладошки к груди. А что, если...

— Кормилица, как меня до комнаты проводишь, будь добра, позови ко мне Тибальта.

Объяснять свою просьбу я не стала, потому что, во-первых, никакого внятного и разумного объяснения у меня и не было, а во-вторых, госпожа перед служанкой, пусть даже кормилицей, отчитываться не обязана. Как говорится: ваше дело слушать и исполнять, а не рассуждать. К моему искреннему облегчению, кормилица меня ни о чём спрашивать и не стала, наоборот, расплылась в широкой доброй улыбке и согласно закивала, приговаривая, точно сказку рассказывая:

— Конечно, голубка моя, непременно позову, не извольте сомневаться.

Наконец, мы добрались до моей такой любимой и желанной комнаты. Я с приглушённым стоном блаженства рухнула на кровать, махнув рукой кормилице, чтобы она не мешкая исполнила мою просьбу. Надо всё рассказать Ярополку, пока воспоминания не замутнены и мелкие детали не стёрлись. Только бы мне дождаться его и не уснуть. Нет, спать мне нельзя, рано пока. Я с трудом разлепила так и норовящие закрыться глаза и перекатилась по кровати, уткнувшись локтем во что-то мягкое и пушистое, от моего тычка разразившееся возмущённым мявом пополам с вполне себе человеческой бранью. А-а-а, мама, кто это?! Страх прогнал сон, я взвизгнула и вскочила на ноги, прижимая к груди подушку, верное средство нападения и защиты.

— Смотри, куда локти пихаешь! — возмущённо орал растянувшийся на кровати кот. — Или ты в компании кавалеров последний разум потеряла?!

Я ошарашено моргнула, лишь сейчас сообразив, что, если Ярополк стал Тибальтом, значит, Опалов превратился...

— Ты кот?!

Александр фыркнул, распушив шерсть и глядя на меня фирменным взглядом всех породистых котов и кошек, свято уверенных, что люди существуют исключительно для их обслуживания и обожествления.

— Ух ты, сама догадалась? Или твой ненаглядный подсказал, пока вы с ним секретничали в тёмном уголке?

— Ещё не хватало, о тебе разговаривать, — я презрительно хмыкнула и ослабила хватку на подушке.

— Значит, по поводу тёмного уголка мои предположения верны, — кот сощурил наглые жёлтые глаза и вальяжно развалился на кровати. — И чем же вы там занимались, а? Проверено опытом: места за гардинами вполне хватает для страстной парочки, желающей побыть наедине.

Вместо ответа я мстительно задулила в обнаглевшего кошака подушкой, вдобавок звонко припечатав:

— Дурак и пошляк.

Опалов зашипел, выгнув спину горбом, но его прервал вошедший в комнату в сопровождении чего-то негромко воркующей кормилицы Ярополк. Мой ненаглядный в сторону Александра даже не посмотрел, всё внимание, нежность, ласку и заботу сосредоточив в одном обращённом ко мне вопросе:

— Что случилось, сестрёнка?

Моё сердце подпрыгнуло вверх и затрепетало где-то между ушей, а потом сахарным сиропом потекло вниз, опалая щёки, разжигая кровь и вызывая странное томление в низу живота. Когда говорят глаза, что такое слова, они лишь ширма, кривое зеркало, магическая коробка, содержащая совсем не то, что видно стороннему наблюдателю. Кстати, о наблюдателях, пора выпроводить их из комнаты, наша беседа в свидетелях не нуждается, это же не венчание, к сожалению.

— Кормилица, будь добра оставь нас.

Мария заметно огорчилась (наверняка мечтала погреть уши во время нашего с Ярополком разговора), но спорить не стала, направилась к двери, несколько раз повторив, что будет поблизости и сразу придёт, стоит мне только её позвать. Я так понимаю, кормилица всем телом прижмётся к двери, впитывая не только каждое слово, мимолётный шорох, долетающий из моей комнаты. Нет, всё-таки в отсутствии прислуги в двадцать первом веке есть свои преимущества. Взгляд мой случайно упал на Опалова, развалившегося на кровати с видом киногурмана, приготовившегося созерцать очередной шедевр синематографа. Нет уж, голубчик, мы и без тебя прекрасно справимся.

— Кормилица, — окликнула я не спешащую уходить женщину.

— Да?! — Мария с готовностью остановилась, с надеждой глядя на меня.

Извините, но лично я свидания напоказ провожу исключительно на сцене. Личная жизнь потому так и называется, что никого, кроме двоих влюблённых, не касается.

— Котика с собой прихвати, пожалуйста.

— Что?! — возмущённо завопил Александр, превращаясь из ленивого домашнего любимца в разъярённого хищника средних размеров. — Меня и за дверь?! Совсем ополоумела, зараза?! Да я тебя...

Что именно хотел сделать мне Опалов, я так и не узнала, потому что Ярополк решительно ухватил взъерошенного кота за шкуру, чуть сдавил, обрывая тем самым поток матерного возмущения, отодрал от кровати, в три шага преодолел отделявшее его от двери расстояние и вышвырнул кота в коридор. Чётко, жёстко и без лишних слов. Не знала, что Яр так может, со мной он всегда был ласковым и терпеливым. Пока я зачарованно хлопала глазами, пытаясь удержаться от восторженного пускания слюней на такую красочную демонстрацию брутальности, Ярополк коротко и весьма выразительно кивнул кормилице на дверь:

— Прошу.

Мария томно вздохнула, сверкнула глазами и страстным шёпотом, который при желании можно было даже в коридоре услышать, выдохнула:

— Ах, какой. Голубка, по всему видать, синьор Тибальт из тех мужчин, что скучать и мёрзнуть не дадут. Доверьтесь ему.

Тот факт, что синьор Тибальт мой двоюродный брат, нянюшку абсолютно не смущал.

Она свято придерживалась правила: что миленькая не сделает, всё ладно.

От вполне понятных и доступных намёков кормилицы я смутилась и едва не позвала Марию обратно, вдруг оробев и не решаясь остаться наедине с женщиной. С сильным и решительным мужчиной, твёрдо знающим, чего ему в этой жизни хочется и имеющим как минимум три пути достижения цели. Мужчиной, образ которого не смогли вытравить из моей памяти никакие научно-технические достижения,

— Ярополк...

Я смешалась, не зная, что ещё сказать и нужно ли вообще что-либо говорить. Под ошутимо горячим взором бездонных тёмных глаз мне было сладко и неудобно одновременно. А вдруг, я сделаю что-нибудь не так? Скажу что-нибудь не то, разом перечеркнув всё, что между нами было? И мешкать нельзя, ведь нашему уединению в любой момент могут помешать. Та же синьора Капулетти, тьфу-тьфу-тьфу, не к месту будь помянута, решит изобразить заботливую маменьку, и придёт пожелать мне спокойной ночи. Нет, она скорее навестит меня с очередной лекцией о правилах хорошего тона, которые я дерзнула нарушить. Да что же за сумбур-то у меня в голове, я ведь не наивная глупышка, не знающая жизни! Я почти с мольбой посмотрела на Ярополка, не отводящего от меня своих гипнотических очей. Ну, что же ты? Тоже растерялся? А может... я всё придумала, и никакой любви нет и в помине? Одна лишь мимолётная страсть, благополучно истаявшая сизым дымком за время выпавших на долю Ярополка испытаний?

— Юля, — хрипло выдохнул Ярополк, одним звериным рывком преодолевая разделяющее нас расстояние и притискивая меня к себе так, что воздух со всхлипом-свистом вылетел из груди, — Юля, Юлька, девочка моя... Ладо моё...

Я плавила в горячих поцелуях, таила в груди, дабы не привлечь ничего разрушительного внимания, стоны блаженства. Проклятие, насланное на меня ослеплённой от ревности тихоней Анечкой, неожиданно превратилось в благословение, подарив мне то, о чём я не смела уже даже и мечтать.

— Я люблю тебя, Яр.

— Я люблю тебя, Юля.

Слова слетели с губ и растворились во тьме, бледная луна, проглянувшая из бархатистой завесы облаков, благословила наш союз своим призрачным светом. В саду пискнула потревоженная дурным сном птаха, треснула сухая ветка, а затем опять воцарилась блаженная тишина. Я повозилась, уютнее устраивая голову на груди любимого мужчины и слушая глухое буханье его сердца. Господи, вернись домой, расцелую Анюту в обе щёки. А ещё обязательно посоветую ей не тратить время на парня, который не ценит никого, кроме себя и найти того, с кем сладко не только засыпать, но и просыпаться.

Сцена 7. Интригующее открытие

Утро для меня началось с истошного кошачьего мява под дверью. Противный заунывный вой сопровождался ещё и мерзопакостным скрежетом когтей по крепкому дереву. Да что же это за безобразие, вроде не весна, чтобы котики так с ума сходили?!

— Яр, — простионала я, спросонок не сразу вспомнив, кто я, где нахожусь и что вообще происходит.

Гадость пробуждения сгладил нежный поцелуй в уголок губ и бархатистый шёпот:

— Не волнуйся, моя хорошая, я со всем разберусь.

Мр-р-р, как же приятно! Чувствуя себя большой избалованной кошкой, я потянулась, открыла один глаз, и вот тут-то воспоминания о прошлом вечере и набросились на меня с пылом засидевшегося в кустах в ожидании неосторожной жертвы маньяка. Я ойкнула, смущённо покраснела и расплылась в блаженной улыбке влюблённой дурочки, впадающей в романтический ступор при виде обнажённого торса любимого мужчины.

— Ты чего, Юль? — Ярополк повернулся ко мне, затягивая завязки на штанах.

Честное слово, я чуть слюной не захлебнулась, глядя на покрытую золотистым загаром кожу, под которой перекачивались волнующими девичье сердце буграми мышцы. Это всё моё, родное и любимое, никому не отдам! Зачарованная открывшейся красотой, я спрыгнула с кровати, подошла к Яру и с детской непосредственностью провела ладошкой сначала по его груди, а затем и животу. Спустилась бы и ниже, да Ярополк решительно отодрал мою лапку, крепко поцеловал в незащитную ладошку и хрипло выдохнул:

— Ладо моё, если ты свои ручки не угомонишь, то я плюну на всю конспирацию и буду любить тебя до тех пор, пока меня силой от тебя не отдерут.

Ой, точно, как же я могла забыть, нас же застукать могут. Тем более, что Опалов под дверью всё ещё не умолкает, а значит, в скором времени на его вопли полдома сбежится, если не весь дом полным составом. Словно прочитав мои мысли, в дверь торопливо и коротко стукнули. Я растерянно посмотрела на Ярополка, прикидывая, поместится ли он под кровать или всё же лучше попробовать утрамбовать его в сундук. К счастью для нас обоих, мой возлюбленный проявил большую сообразительность, подхватил свою одежду и бесшумно ретировался на балкон. Я запрыгнула на кровать и хриловатым, словно только пробудилась от сладкого сна, голосом произнесла:

— Войдите.

— Синьора Джульетта, вы проснулись? — кормилица заглянула в комнату, со смесью удовлетворения и разочарования убедилась, что я одна и вошла, тараторя и осматривая покои цепким взглядом завязтой сплетницы. — Синьора матушка желают к вам зайти, вот я и поспешила вас разбудить.

Вот потаковщица, разбудить она меня пришла, как же! Ну, то есть и разбудить, конечно, тоже, а помимо этого ещё и кавалера, если бы он задержался, выпроводить. Надеюсь, у кормилицы хватит благоразумия никому не проболтаться о том, кто задержался у меня в спальне дольше положенного приличиями и родственными связями. Впрочем, сохранение нашего маленького секрета и в её интересах, семейство Капулетти точно не одобрит подобных амурных благодеяний и в два счёта выставит кормилицу на улицу, если вообще не прирежет, с них станется.

К чести Марии стоит сказать, что она ни словечком не обмолвилась о Тибальте и

вообще делала вид, что ничего особенного вчера не произошло. Зато кипящий от негодования Опалов, шмыгнувший в комнату следом за кормилицей, молчать не собирался. Этот наглый тип, похожий на меховой шар, забрался на сундук, уставился на меня горящими злым огнём глазами и принялся отчитывать меня, словно директор школы провинившуюся первоклашку! Тоже мне, праведник нашёлся, у самого девиц больше, чем дней в високосном году, а мне проповеди читает!

— И чего это котик раскричался? — Мария озадаченно покачала головой и тревожно нахмурилась. — Синьоре Капулетти это может не понравиться.

Матушке это совершенно точно не понравится, ей вообще сложно угодить. Я посмотрела на злого, словно тысяча чертей, Опалова, на кормилицу и в голове у меня зародился коварный план.

— Кормилица, котик, наверное, кушать хочет, — я сладко улыбнулась и трогательно хлопала ресничками, — будь добра, отнеси его, пожалуйста, на кухню и проследи, чтобы его хорошенечко покормили.

Опалов от такой заботы аж поперхнулся и замолк, правда, лютая ненависть из глаз никуда не делась, а жаль. Между прочим, я с ним вполне гуманно поступила, могла ведь приказать и в кладовую отправить, на мышей охотиться. А то и вообще из дома выгнать, надоел, мол, наигралась, пусть теперь живёт, как получится.

— Голубка вы моя, — умилилась кормилица, ловко подхватывая мявкнувшего от неожиданности Опалова и прижимая к пышной груди, — с вашего позволения я пойду котика покормлю, а вы никуда не уходите, матушки дождитесь.

Я послушно села на стул, демонстрируя готовность ждать синьору Капулетти хоть до легендарного второго пришествия (надеюсь всё же, что она появится раньше, у меня очень большие планы на день). Кормилица ободряюще мне улыбнулась и ушла, что-то негромко воркуя недовольно фырчащему на её руках Александру. Едва за Марией закрылась дверь, как я вихрем метнулась к балкону, но увя, Яра на нём уже не было. Лишь трепетала лепестками на лёгком ветерке лежащая на перилах балкона свежая огненно-красная роза. Я мечтательно вздохнула, подхватила цветок и прижала его к груди, наслаждаясь сладковатым ароматом. Вот теперь я действительно почувствовала себя самой настоящей Джульеттой, любящей и любимой, готовой преодолеть любые преграды на пути к собственному счастью. Как там у классика? «Любовь, хотя она слепа, без глаз найдёт, какими ей путями дойти до нас и властвовать над нами». Не в силах стоять на месте, по-прежнему прижимая розу к груди, я закружилась по комнате, кусая губы, чтобы не закричать вслух о переполнявших меня чувствах. Увы, миг ликования любви долгим не был, ко мне собственной недовольной персоной пожаловала синьора Капулетти. Я поспешно повернулась к столу, пряча подаренную Яром розу в пышном букете, которым заботливая кормилица украсила мою комнату.

— Джульетта! — голос синьоры Капулетти показался мне резким, словно кто-то резанул вилкой по стеклу. — Джульетта, что ты делаешь?!

Я вздохнула, входя в уже знакомую мне роль милой послушной девочки:

— Поправляю цветы, матушка. Вы ведь сами всегда учили меня, что у достойной хозяйки всё должно быть на своих местах.

Видимо, все матери говорят своим дочерям одно и то же, потому что против любимой сентенции моей мамы синьора Капулетти возражать не стала, наоборот, одобрительно кивнула и даже чуть дёрнула уголками губ, обозначая улыбку. Уф, не удивительно, что

синьор Капулетти не очень-то счастлив со своей женой, сами посудите, легко ли жить с каменной статуей? А впрочем, вполне возможно, что его холодность и превратили некогда восторженную и романтическую девушку в ледяную даму, за ненадобностью забывшую о том, что у неё есть сердце.

— Присядь, Джульетта, — синьора Капулетти величественно, словно императрица на трон, опустила на стул, кивком головы приказав мне последовать её примеру. — Нам нужно поговорить.

Ой. Нет, не так, ой-ёй-ёй, так будет точнее. С чего вдруг синьора Капулетти полюбила разговоры по душам со своей дочерью, раньше они никогда не набивалась мне в сердечные подружки (чему я, признаться честно, была только рада).

— О чём же матушка?

Чтобы меня не выдало нервное дрожание кончиков пальцев, пришлось прятать руки в складках юбки, благо она очень большая и пышная, под такой юбкой, при желании и кавалера укрыть можно. Не очень большого и не сильно упитанного, такого, как Геннадий Константинович, например. Я мысленно хихикнула, представив, как укрываю нашего режиссёра юбкой и тут же прикусила внутреннюю сторону щеки, скрывая излишнюю весёлость. К счастью для меня синьора Капулетти ничего не заметила, погружённая в переживания по поводу очередного разговора с дочерью (господин Фамусов из пьесы «Горе от ума» наверняка горячо поддержал бы мою матушку, он ведь, помнится, тоже сетовал на нелёгкий труд быть отцом взрослой дочери). Торопить матушку или каким-либо ещё способом провоцировать её неудовольствие я не собиралась, а потому сидела тихо-тихо, словно мышка под веником. Тем более, что наслаждаться воспоминаниями о прошедшей ночи и предаваться разгульным фантазиям на тему ночи грядущей тишина мне ни капли не мешала.

— Так вот, Джульетта, — вернулась к разговору синьора Капулетти с видом замученной зубной болью страдальцы, вынужденной обратиться за помощью к врачу, — как тебе бал?

Оу, великосветская беседа! Отлично, в них я за время работы в театре изрядно поднаторела. Я растянула губы в вежливой ничего не выражающей улыбке:

— Чудесно, матушка, благодарю вас.

Синьора Капулетти поджала губы. Видимо матушка всерьёз рассчитывала на то, что я разражусь многочасовым щебетанием о танцах, украшениях и, само собой, блистательном Париже, сразившем меня наповал одним своим появлением. Только вот я даже лица своего потенциального жениха не помню, его безжалостно и бесповоротно уничтожил Ромео, а остатки (вместе с образом наследника рода Монтеки) подчистил мой ненаглядный Ярополк. Я посмотрела на стоящую в вазе розу и широко улыбнулась. В памяти всплыли строки Шекспира: «Любил ли я доньне? О нет, то были ложные богини». И пусть цитата принадлежала Ромео, мне она сейчас подходила на все сто процентов, я готова была подписаться под каждым словом.

— Надеюсь, граф Парис был достаточно любезен и обходителен? — вклинилась в мои размышления синьора Капулетти.

Граф Парис? А он-то тут при чём? Ах, граф Парис... Как же, как же, матушка не может не поинтересоваться (хотя бы из чисто женского любопытства и банальной вежливости) понравился ли мне жених. Эх, синьора Капулетти, как же мало вы знаете о своей дочери Джульетте... Впрочем, устраивать публичное аутодафе я не собираюсь, благодарю покорно. Я опять вежливо улыбнулась:

— Граф Парис очень милый и...

Я замешкалась, подбирая ещё одно вежливо-нейтральное определение человеку, которого даже не помнила. Мужественный? А у него разве была возможность это самое мужество продемонстрировать? Обаятельный? Угу, именно поэтому он стал для меня почётным пустым местом. Привлекательный? В принципе, отвращения он у меня не вызвал, так что комплимент подойдёт. Тем более что сам Парис нас сейчас всё равно не слышит, а при необходимости и личной встрече синьора Капулетти наверняка компенсирует мою сдержанность своими пышными славословиями.

— Привлекательный.

Синьора Капулетти от этих слов заметно расслабилась, опять дёрнула уголками губ и даже позволила себе слегка обмякнуть на стуле.

— Рада, что твой жених тебе понравился. А то, признаюсь честно, мне показалось, что Тибальт вызвал у тебя гораздо больший интерес.

Я почувствовала, что помимо воли начинаю краснеть от такой неуместной в данный момент проникательности. Вот только этого мне сейчас не хватало!

— Ну что вы, матушка...

— Тибальт хорош собой и по части женщин у него большой опыт, — в голосе синьоры Капулетти неожиданно скользнуло что-то такое непонятное и весьма личное. — Вскружить голову юной девушке ему не составит труда.

Ой-ёй-ёй, что-то синьора сегодня проникательна, как никогда. Пора пускаться в ход главный контраргумент.

— Матушка, он ведь мой брат!

Синьора Капулетти отмахнулась от моих возражений, словно от докучливой мухи:

— Только двоюродный, для распалённой страстью девицы это преградой не станет.

А не проговорила ли сейчас почтенная синьора о своём давнем, тщательно оберегаемом в глубине сердца, секрете?

— Так вот, — синьора Капулетти болезненно поморщилась и выпрямилась на стуле, словно проглоченный ею кол вдруг весь покрылся ржавыми гвоздями, раздирающими внутренности, — мой супруг решил отправить Тибальта в Мантую. Довольно ему тут устраивать ссоры и смущать покой невинных девиц.

Что?! Я с трудом удержалась от того, чтобы вскочить со стула и забегать по комнате, а то и по потолку. Такого в трагедии Шекспира точно не было, я протестую против столь вольной трактовки классики! Синьора Капулетти вперила в меня ледяной взгляд, не хуже взора Медузы Горгоны превращающий всё живое в камень:

— Надеюсь, пока Тибальт не уехал, ты не забудешь, чему я тебя учила.

Вы, синьора, к моему искреннему счастью, не учили меня ничему, иначе я имела бы все шансы стать такой же ледяной спесивицей, считающей звонкий смех преступлением, а нежный взгляд распушенностью. Однако синьора Капулетти продолжала буравить меня тяжёлым взглядом, очевидно, в ожидании подтверждения своих последних слов. Что ж, мне не привыкать играть в паре, поддерживая партнёра нужными репликами, поэтому я почтительно склонила голову и прошелестела:

— Да, матушка.

— Умница, — в устах синьоры Капулетти даже похвала звучала приговором без права на обжалование и помилование. — Пусть кормилица поможет тебе одеться к завтраку, у нас будет гость.

Что-то мне подсказывает, что имя гостя угадаю без особого труда. А ещё я твёрдо убеждена, что именно этого гостя видеть не желаю.

— Граф Парис?

— Именно, — синьора Капулетти легко коснулась моей щеки своей тонкой холодной рукой. — Надеюсь, ты будешь приветлива с ним.

Несомненно. От моего обаяния у графа сто процентов начнётся энурез, заикание, нервный тик и ночные кошмары.

— И помни, моя милая, — голос синьоры Капулетти и так-то не блещущий теплом, окончательно заледенел, уподобившись арктическому ветру, — твой отец и я рассчитываем на твоё благоразумие. Не разочаруй нас, иначе... — дама вздохнула, выразительно поджимая губы, — твой отец будет очень разгневан. И у меня ты тоже поддержки и защиты не найдёшь.

Можно подумать, раньше моя несравненная матушка поддерживала меня в любом начинании! Как говорил конь Юлий из горячо любимой моей сестрой серии мультфильмов про богатырей: «Не смешите мои подковы». Я потупилась и даже дыхание задержала, чтобы ни вздохом, ни взглядом не выдать своих мыслей. Синьора Капулетти уже доказала, что она достаточно проницательна, когда не нужно, а потому нужно каждый миг в её обществе помнить об осторожности.

— Да, матушка.

— Превосходно, — синьора Капулетти приподняла уголки губ, обозначая улыбку, — рада, что мы поговорили по душам без... — дама неопределённо пошевелила пальчиками в воздухе, — без лишних ушей.

Мне страшно хотелось спросить имя того, чьё исчезновение превратило синьору Капулетти в ледяную статую, чопорную и холодную. А может, её слишком рано выдали замуж, и сердце просто не успело проснуться для любви? Всё может быть, пока ясно лишь одно: нужно всеми силами не допустить отъезда Ярополка в Мантую.

Синьора Капулетти слегка коснулась кончиками пальцев моей щеки и, тем самым окончательно исполнив свой материнский долг, удалилась. Я облегчённо вздохнула и тут же едва не подавилась воздухом, услышав вкрадчивое:

— А неслабо так переводчики над оригиналом поглумились. Лично мне всегда казалось, что в Мантую сослали Ромео, а не Тибальта.

Ф-фух, Опалов, балбес мохнатый, подкрался бесшумно, благо, коты это умеют и самым наглым образом подслушал весь разговор. А теперь развалился рядом с сундуком с видом заправского театрального критика и комментирует то, что для его ушей не предназначалось от слова совсем. Впрочем, не время сейчас метать друг в друга шпильки и тапочки (а жаль, у меня рука сама собой к домашней туфельке потянулась), есть дела поважнее, не терпящие отлагательств.

— Яру нельзя никуда уезжать, тем более в Мантую.

Александр сощурил глаза, в кошачьем облике ставшие ещё более наглыми и самодовольными потянулся, выпуская и тут же пряча острые коготки:

— Вообще-то, для твоего ненаглядного сейчас самое разумное как раз свалить куда-нибудь подальше, да подольше.

Это ещё что за новости? Вот только кошачьих угроз мне для полного счастья и не хватало! Пульверизатор любимый, которым я цветы опрыскиваю, дома остался, но полагаю для это наглой рыжей морды стодится и вода из кувшина. Нехорошо, конечно, питьевую воду

разбазаривать, но для пользы дела один раз не повредит.

— Да нужен мне твой полюбовник тысячу лет в субботу, — презрительно наморщил нос Опалов, сердито шмякнув кончиком хвоста по полу. — Ему жизнь испортить и без меня желающих уже можно в очередь выстраивать и талончики, как в поликлинике выдавать. А если сделать процедуру уничтожения твоего хахаля платной, то большие деньги можно срубить.

— Сейчас я тебе сама что-нибудь срублю, — я всё-таки сняла туфельку и выразительно покачала её в руке, — как в песенке новогодней поётся, под самый корешок.

— Чем, домашней туфлей? — не проникся важностью момента Опалов. — Не смейся меня, девочка. И не зли, потому как я, вполне возможно, единственный, кто может твоему хахалю помочь.

Что-то в голосе Александра заставило меня насторожиться и временно отодвинуть в сторону кровожадную мечту об избиении несчастного пушистого котика домашней туфлей. Может, редкие, а потому особенно непривычные горьковато-серьёзные нотки?

— Что с Ярополком?

Я честно старалась, чтобы голос меня не выдал, но Александр тоже был актёром, причём, стоит признать, довольно неплохим, а потому моим притворным равнодушием не обманулся. Перекатился на бок, потом на спинку, открыв беззащитное и довольно упитанное пузико и спросил с наглой ухмылкой:

— А животик почешешь?

А вот провоцировать и загонять в угол меня не надо, я от этого становлюсь только сильнее и, как ни странно, спокойнее.

— Да запросто. У меня как раз тут щётка была такая ядрёная, она враз тебе живот сделает голым да гладким, словно у младенчика. До последней шерстинки всё выдерет.

Опалов сердито фыркнул, опять хвостом по полу шмякнул и буркнул:

— Злая ты, Юлька. Котиков не любишь.

— Не люблю, — охотно согласилась я и тут же вернулась к самому животрепещущему для меня вопросу. — Так что там с Яром?

Александр сел, обвив хвост вокруг лапок и застыв элегантной статуэткой.

— Как ты, я всё-таки надеюсь, помнишь, после бала должна была состояться душещипательная сцена между Ромео и Джульеттой на балконе. Ну, та, где охи-ахи и прочая мутотень из горячо любимых всеми романтичными цыпочками книжек.

Я коротко кивнула.

— Так вот, Ромео-то под твоим балконом ошивался, только вот Джульетты так и не дождался, хотя даже камешки в сторону твоего окна кидал.

Я прикусила губу, чувствуя, как щёки начинает заливать предательский румянец.

— Тщетно прождав тебя час с четвертью, а может и более, Ромео, сдавленно шипя что-то неразборчивое и, сильно подозреваю, не очень приятное, полез на балкон, заглянул в твою комнату, а там, — Александр даже глаза зажмурил, ухмыляясь во всю свою наглую кошачью морду. — А там, собственно, эпизод совсем из другой книжицы, кою в магазинах продают, тщательно в пластик закатанную и с непременно пометкой восемнадцать плюс. Хотя, учитывая, что именно вы вытворяли, я бы рейтинг до двадцати одного поднял, честно.

— Да пошёл ты! — Я вскочила, воинственно сжимая в руке туфлю.

Увы, Опалову моё возмущение было, словно трёхлетнему карапузу стоимость нефти на чёрном рынке, глубоко безразлично. Он опять повалился на бок, мявкнул лениво:

— Я-то, конечно, могу и пойти, только Ромео, после всего увиденного, живым твоего ненаглядного точно не оставит. Это ведь именно он синьоре Капулетти, твоей разлюбленной матушке, клязу на вас с Тибальтом подкинул. Синьора как сей опус прочитала, так сразу к тебе и порысила, а ты, красавица моя, вряд ли её подозрения смогла развеять. Врать-то ты не умеешь.

Как ни противно это признавать, но Александр прав. Синьора Капулетти не отказалась от своих подозрений в отношении меня и Ярополка. Я медленно опустилась в кресло, одновременно страстно желая рвать и крушить всё вокруг и залезть к Ярополку на ручки, дабы со вкусом, всхлипываниями и причитаниями оплакать свою скорбную участь. И что теперь делать?

— Ладно, не хандри, — в голосе Опалова скользнуло что-то, удивительно похожее на сочувствие. — Когда меня самым бесцеремонным образом вчера за дверь выставили, я времени зря не терял. Походил по округе, понаблюдал за аборигена и, представь себе, нашёл ведьму. А вот не надо так скептически бровь изгибать, самую настоящую ведьму.

Я кашлянула пытаюсь представить, что же такое сотворила ведьма, что Александр ей безусловно поверил. Рогов у Опалова нет, хвост и лапы на отведённых природой местах, голова тоже там, где и должна быть, дар речи не отнялся и даже крылья с копытами не выросли. Чем же она его убедила?

— Она сразу поняла, что я человек, более того, перечислила основные события моей жизни. И даже смогла объяснить, почему мы здесь оказались.

А вот это уже интересно и заслуживает особого внимания.

— И почему же?

Александр зло распушился, став похожим на меховой шар, глаза засияли злой звериной желтизной.

— Из-за одной пустоголовой курицы, которая решила от тебя с помощью магии избавиться. А мы с твоим разлюбленным просто рядом оказались, часть проклятия на себя перетянув. Да если бы Ярополк не был в облике кота, мы бы просто травмами разной степени тяжести отделались, ну, может, у тебя личико бы перекосило или кожа бы клоками полезла, но это же ерунда, в наше время и не такое лечат.

Ничего себе, ерунда! Конечно, не ему бы потом долго и муторно чужую ворожбу снимать бы пришлось.

— Так вот, поскольку твой разлюбленный сам был некоторым образом заколдован, его магия смешалась с проклятием, к этому добавилась отчаянная и совершенно дурацкая готовность спасти тебя любой ценой и вот, пожалуйста, нас перебросило во времени и пространстве. С эпохой тоже всё понятно, где ты и я мысленно были, туда и попали. Вот такая вот хренотень.

Да уж, разложил всё по полочкам просто и доступно. В чём Александру не откажешь, так это в умении объяснять, если бы удерживался от оценочных комментариев в ходе объяснения, цены бы ему не было.

— И что нам теперь делать?

Опалов подёргал ухом, почесал его лапой, посидел немного с отстранённым задумчивым видом и заскрёб ухо ещё энергичнее. Неужели он уже успел блох нахватать? Нет, учитывая уровень гигиены — это как раз не удивительно, но приятного мало. Особенно притом, что Александр постоянно валяется на моей кровати.

— Ведьма сказала, нам всем троим нужно к ней в полнолуние прийти, — Опалов

подошёл к сундуку и стал сосредоточенно тереться о его окованный железом бок. — Хорошая новость: полнолуние уже завтра. Новость плохая: эти два дня нам надо как-то прожить. Особенно твоему разлюбезному, ему вообще сейчас лучше носа на улицу не высовывать, сказаться больным и запереться у себя в покоях. Да и тебе тоже.

Разумное предложение, пожалуй, стоит им воспользоваться. Я бросила рассеянный взгляд в окно, прикидывая, долго ли ждать вечера. И тут меня словно иголкой раскалённой в бок ткнули. Я ойкнула и подскочила с кресла так, точно прямо под ним ад разверзся, и черти принялись с интересом обсуждать моё нижнее бельё. Точнее полное отсутствие оногo.

— Ты чего? — опешил Опалов, когда я распахнула сундук и схватила первую попавшуюся накидку.

— Мне идти надо.

Я накинула капюшон на голову, пряча лицо и нарядное платье, выдающее богатство и знатность. Привлекать к себе внимание мне очень не хотелось.

— Куда это вдруг? Кормилица же должна тебе помочь к завтраку одеться, граф Парис должен с визитом вежливости прибыть. Уж не от него ли ты бежать собралась?

Я отрицательно помотала головой, стремительным шагом направляясь к двери. Плевать мне на графа Париса, да и на всё семейство Капулетти, мне срочно нужно идти, меня же ждут. А кто ждёт? Не важно, на месте разберусь. Главное — прийти, а всё остальное можно будет на месте узнать и понять.

— Юль, не дури, — Опалов заговорил мягко, точно добрый доктор в больнице для душевнобольных, — я тебя никуда не отпущу.

— Отстань, — я решительно шагнула к двери, но упрямый кот вздыбил спину горбом и засверкал глазами, медленно выпуская острые когти.

— Мне не хочется причинять тебе вред, но и дурить я тебе тоже не позволю и не мечтай. Плащ сняла, живо!

Вот ещё, будет мне какой-то кот приказывать! С упорством танка, идущего на штурм рейхстага, я двинулась вперёд, тесня Опалова к двери. В самом деле, чего мне бояться? Он меня не обидит совершенно точно, да и остановить не сможет, как бы ни пытался, ведь мне очень нужно уйти. Меня же ждут, я не имею права опаздывать! Не знаю, чем бы всё закончилось, но тут в комнату впорхнула кормилица и засуетилась вокруг меня, непрерывно щебеча:

— Голубка моя, куда это вы собрались? Ваша матушка с батюшкой ждут вас в столовой, гость ведь пожаловал, да ещё какой, — кормилица сделала театральную паузу, округлила глаза и выдохнула, — сам граф Парис!

Пф-ф-ф, тоже мне новости. О визите графа меня ещё синьора Капулетти предупреждала, только плевать мне на него с самой высокой колокольни.

— Кормилица, не до графа мне. Меня же ждут!

У Марии от удивления глаза мало не на лоб полезли:

— Кто это вас ждёт, голубка? Синьор Тибальт тоже в столовой...

Я дёрнула плечиком, сердясь на недогадливость кормилицы:

— Да при чём здесь Тибальт?! Говорю же тебе, мне идти надо. В церковь, как бы на причастие, а на самом деле... — я задумчиво прикусила губу, вспоминая, — точно, вспомнила! На самом деле мы будем венчаться с Ромео!

Мою кожу на ноге точно огнём обожгло. Я ойкнула, приподняла юбку и с удивлением обнаружила наливающуюся кровью свежую здоровенную царапину. Не поняла, у Опалова

окончательно ум за разум зашёл?!

— Ты что творишь?! — прошипела я, зло наступая на кота.

— Кровопускание — лучший способ лечения умопомрачения, — огрызнулся Александр, медленно отступая от меня поближе к кормилице. — На кой чёрт ты на венчание с Ромео намылилась, что, во вкус вошла, одного мужика рядом мало стало, решила комплект неделька собрать?!

Я озадаченно опустила прямо на пол, не замечая встревоженного оханья и аханья кормилицы. Почему меня так тянет в церковь на венчание с Ромео, если я совершенно точно люблю Ярополка, а к молодому Монтеки абсолютно равнодушна? Как говорит мой папа, оч-ч-чень интересно.

Сцена 8. Уж замуж невтерпёж

Внятного и разумного объяснения того, что со мной творится я, увы так и не смогла найти. Хорошо хоть, после устроенного мне Опаловым кровопускания ко мне вернулось привычное здравомыслие. Только вот надолго ли? Я, конечно, не спец в приворотах и прочих любовно-магических ритуалах (честно говоря, до тех пор, пока меня в Верону не перекинуло, я вообще в магию не верила), но что-то мне подсказывает, что принцип работы заклятия похож на задачу для компьютера: пока не выполнишь программу, не успокоишься. А значит пройдёт какое-то время и меня опять потянет на венчание с Ромео. И что мне, спрашивается, теперь делать?

— Как что делать? — удивилась кормилица (я даже и не заметила, как терзающий меня вопрос вслух задала). — Знамо дело, на завтрак идти, а то родители ваши гневаться станут. Ещё, спаси и сохрани Мадонна, решат, что жених вам не понравился.

Мария огляделась по сторонам, наклонилась ко мне и хитро прошептала:

— А мы ведь с вами голубка и так знаем, что граф Парис для вас всё равно, что пустое место, верно?

Вот ведь потаковщица! А впрочем, мне это сейчас только на руку. Я ухватила кормилицу за руку, огляделась по сторонам, хотя и так знала, что никто, кроме опять развалившегося на кровати Опалова нас подслушать не мог и горячо зашептала:

— Кормилица, милая, мне твоя помощь нужна.

— Всё сделаю, голубка моя ненаглядная, можете даже не сомневаться, — поспешила заверить меня кормилица, глядя на меня глазами, горящими от любопытства и тайного предвкушения озорства.

— Пойди в город, найди Ромео и скажи ему, что я за него замуж не пойду.

— А он вас замуж звал? — ахнула кормилица, всплескивая руками так, словно пыталась улететь. — Голубка моя, какая же вы счастливая, такие кавалеры вашей руки добиваются, один другого краше! А может, не стоит отказывать синьору Ромео? Конечно, он сын наших врагов, зато какой пригожий и обходительный, многие благородные синьоры, мне это точно известно, об нём ночами вздыхают!

Ну, если вспомнить, как ловко сей галантный кавалер пользуется любовной магией, ничего удивительного, что женщины по нему с ума сходят.

— Коллекция ухажёров неделька, — мявкнул Опалов, пользуясь тем, что кормилица не могла его понять.

А вот не надо меня злить, я не злопамятная, просто немножко злая и память превосходная. Я умильно улыбнулась и проворковала:

— Когда пойдёшь в город, попроси, пожалуйста, кого-нибудь из слуг искупать котика. Мой котик так любит воду!

— Ещё и воду любит, — умилилась кормилица, ловко подхватывая Опалова и прижимая к необъятной груди. — Всё сделаю, голубка моя, можете не сомневаться. Идём, котик. Я тебя передам Франческе, она дивно с животными обходится.

Я послала Опалову воздушный поцелуй и отправилась в столовую. Настроение у меня было прекрасным, всё-таки не пословица гласит: сделал гадость — сердцу радость. А при мысли о том, что в столовой меня ждёт Ярополк, мне и вовсе хотелось танцевать. Ну и пусть я веду себя, как глупая курица, много ли влюблённых могут похвастаться благоразумием?

Лично я никого не знаю, у кого бы ум жил в абсолютной гармонии с сердцем, вечно то одно, то другое перевешивает.

Завтрак прошёл лично для меня весьма нервно. Во-первых, я должна была изображать самое любезное внимание к графу Парису, который, как нарочно, приставал ко мне с разными глупостями всякий раз, как я ложку ко рту подносила. Во-вторых, синьора Капулетти не сводила с меня сурового пристального взгляда, который тоже не способствовал хорошему пищеварению, а в-третьих, прямо напротив меня посадили Ярополка. И как, спрашивается, в таких условиях завтракать?! Я честно старалась, ела, не чувствуя вкуса, вежливо улыбалась, глядя на Париса и одновременно косясь в сторону Яра. Не удивлюсь, если однажды узнаю, что граф решил, будто у меня косоглазие и нервные судороги. Ещё парочка подобных трапез и они у меня на самом деле появятся.

К концу изощрённой пытки под название: семейный завтрак в компании будущего близкого родственника, у меня дико заболела голова, и появилось стойкое ощущение, что мне здесь не место, меня никто не любит, не понимает и вообще, если я немедленно, буквально сию же секунду не обвенчаюсь, то умру, причём в страшных муках. Вот теперь-то я поняла любимую тётушкину присказку про уж замуж невтерпёж!

— Ты побледнела, Джульетта, — заметила синьора Капулетти скорее с плохо скрытым раздражением, чем истинной заботой любящей матери. — Что с тобой?

Хм, а вот интересно, скажи я, что мне прямо-таки позарез приспичило замуж выйти, матушка бы обрадовалась? Наверняка, да и граф Парис тоже. Он вообще после каждой своей фразы в мою сторону смотрит, словно у меня на лбу бегущая строка с его следующей репликой светится. Я потёрла лоб и виновато улыбнулась, стараясь выглядеть так, чтобы меня с пожеланиями здоровья выпустили из-за стола и при этом не нагнали в дом кучу врачей, целителей и прочих шарлатанов, обещающих при должной оплате поставить на ноги и мёртвых. Впрочем, иной почивший скопидом, узнав, сколько родственники готовы заплатить за его исцеление, действительно может воскреснуть, чтобы собственноручно выгнать взащей жадного шарлатана и изменить завещание, оставив горячо любящим и слишком легковёрным лишь пару упаковок бумажных платков. А то и вообще один платочек на всех, чтобы в следующий раз головой думали.

— Синьора Джульетта, с вами всё в порядке? — озаботился моим самочувствием граф Парис, под поощрительным взглядом моих родителей слегка касаясь моей руки своими тонкими холодными пальцами.

Я вяло улыбнулась, одновременно украдкой взглядом успокаивая Ярополка, который, я это каждой клеточкой своего тела чувствовала, готов был плюнуть на конспирацию и броситься ко мне.

— Прощу меня извинить, голова разболелась.

— Что так? — ледяным тоном спросила синьора Капулетти, пронзая сначала меня, а потом Ярополка отнюдь не мягким родственным взором.

А Яр-то тут причём, он вообще сидит тихо и старается не отвечивать?! К счастью, граф Парис оказался менее чёрствым и решил проявить заботу к своей невесте:

— Юные девушку столь хрупки. Видимо, синьора Джульетта утомилась на вчерашнем бале.

Ну, после бала синьора утомилась куда сильнее, причем, вам, милый граф, об этом знать не надо. Не то, чтобы я дорожила возможностью стать вашей женой, просто не хочу калечить вашу гордость и ваше сердце.

Синьора Капулетти столь прозаическому объяснению моей головной боли тоже не поверила, но спорить с дорогим гостем не стала. Улыбнулась ласково (у меня от этой улыбки нехорошо сжалось сердце и даже щемящее беспокойство ослабло) и промела медовым голоском:

— Полагаю, будет разумнее позволить Джульетте немного отдохнуть.

— Я провожу сестрицу.

Не знала, что у Ярополка такой потрясающий актёрский талант. Вся его поза, мимика, даже интонации были столь искренни и при этом невозмутимы, что даже синьора Капулетти не нашла, что можно возразить против столь заурядного проявления родственных чувств.

— Действительно, Джульетта очень бледна, — синьор Капулетти жестом поманил меня к себе, коснулся ладонью лба. — Ты не заболела, дочка?

— Нет, батюшка, — я смущённо потупилась, — граф прав — это утомление после бала.

— Ну, тогда иди, отдохни, — отец неуклюже похлопал меня по руке и добавил с лукавым смешком. — Тем более, что дальнейший наш разговор с графом Парисом не для твоих нежных ушей.

Хм, а меня хотя бы на венчание с графом позовут? Или присутствие невесты, при полном согласии жениха и благословении родителей не обязательно? Опираясь на руку Ярополка и изо всех сил стараясь не висеть на любимом, я вышла из столовой и направилась в сторону комнаты. С каждым шагом мне становилось всё хуже: колени подгибались, по спине струился дурнотный липкий пот, перед глазами носился рой чёрных точек, становящийся всё плотнее и плотнее. Я задыхалась, проклиная безжалостный корсет, стальным капканом впившийся мне в тело.

— Яр, помоги... — простонала я, погружаясь в серую мглу небытия.

Очнулась я от ласкового ветерка, дующего мне в лицо. Мне было тепло и так спокойно, что даже открывать глаза не хотелось. А может, поиграть в спящую красавицу, не просыпаться, пока не поцелуют?

— Юля, — Ярополк нежно погладил меня по щеке, — солнце моё ясное, очнись.

— Да очнулась она уже, дурака валяет просто, — фыркнул Александр.

Вот Опалов, зараза, всю романтику разрушил! Вредина несчастная, ни себе, ни людям, синьора Капулетти ему, случайно, не родственницей будет?! Я обиженно надула глазки и ультимативно заявила:

— Без поцелуя не проснусь.

А что, могу я немного покапризничать или нет?! Да, я знаю, что время и обстоятельства не особенно подходящие, но я же, три тысячи чертей, девочка, а не спецназовец, мне позволительно быть сумасбродной и не всегда разумной! Опалов, вон, вообще считает, что все женщины делятся на прелесть, каких дурочек и ужас, каких дур, я могу один раз и оправдать его ожидания!

— Давай, я её поцелую, — мявкнул Александр, царапнув коготками пол. — Знаешь она как вскочит сразу.

— Только попробуй.

Голос у Ярополка был спокойным и даже мягким, но это было спокойствие океана перед страшным, сокрушающим всё штормом. Честное слово, даже меня проняло!

Моих губ коснулся нежный поцелуй, который я с готовностью сделала менее целомудренным и более страстным. Скромность? Неа, не слышала о такой, пусть приходит по записи и исключительно в приёмные часы с девяти до двух.

Если бы не громкий заунывный вой Опалова, одними поцелуями мы бы точно не ограничились, но под этот плач новоявленной Ярославны романтика чахла и вяла на корню, потому пришлось прерваться. Тем более, что на кошачий рёв в мою комнату могла наведаться не только моя кормилица, но и кто-то гораздо менее либеральный во взглядах. Синьора Капулетти, например. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы, не дай бог, не накликать, а то ведь, как говорится, вспомнишь заразу...

— И что это была за противотуманная сирена? — от Ярополка повеяло таким холодом, что даже я прониклась и притихла, но Александру всё было, словно с гуся вода.

— О, простите великодушно, ваше сиятельство, — огрызнулся Опалов, горбясь и распушая шерсть на загривке, — только нам, если вы помните, нужно с Юли чары снимать пока она с молодым Монтеки венчаться не рванула. Хотя, если вас всё устраивает, я тоже суетиться не стану, мне-то что. Как говорится в незабвенной «Гусарской балладе»: «Любите вы хоть чёр»...

Рука Ярополка быстрее молнии метнулась вперёд, тонкие сильные пальцы сжались на кошачьей холке, отрывая довольно массивную тушку от пола и поднимая вверх.

— Ещё одно слово и я тебя с балкона выкину.

Опалов зашипел, заизвивался, задёргал лапами, пытаюсь вырваться из захвата, а потом возопил, глядя на меня глазами несчастного котёнка, попавшего в лапы безжалостного живодёра:

— Над котиком издеваются!

— Не издеваются, а воспитывают, — ровным менторским тоном поправил Яр, — если бы я тебе хвост оторвал, тогда, да, а так это всего лишь максимально доступный для объекта метод подачи информации.

— И что же я должен понять из такого наглядного объяснения? — укусить держащую его руку Опалов не мог, хотя неоднократно пытался.

— То, что Юля моя девушка и обижать её я не позволю никому. Тебе особенно. Урок усвоен или мне стоит его повторить?

Опалов молчал, тряпкой повиснув в руке Яра. Ярополк потрянул котом, словно деловитая хозяйка пыльным ковриком.

— Да понял я, понял, — пробурчал Александр, недовольно махнув хвостом. — Буду поклоняться нашей Юлии, точно святой. Без её и, разумеется, твоего позволения, лишний раз даже взора на неё не подниму.

Ярополк повернулся ко мне, вопросительно приподнял брови, слегка склонив голову к плечу и улыбаясь одними глазами:

— Что скажешь, Юля? Ему можно верить?

Я погладила своего любимого по щеке, не утерпев, обвела подушечками пальцев чёткий контур губ и выдохнула:

— Верить можно. А вот целиком и полностью доверять всё же не советую.

Ярополк поймал мою руку, развернул и запечатлел горячий поцелуй прямо в центре ладони, словно скреплял данную сердцами клятву.

— Оторвитесь уже друг от друга, голубки, ведьма, как и все прочие женщины, ждать не любит, да и любовные чары нужно развеять как можно быстрее.

Ярополк помолчал, анализируя услышанное и при этом не выпуская мою ручку из своей тёплой ладони:

— Ты прав. Я покину дом, скажем так, официально, лишних вопросов мне всё равно

никто задавать не станет. А вот вам с Александром, Юль, лучше воспользоваться балконом. Вряд ли матушка без вопросов отпустит тебя из дома, ты ведь по официальной версии, лежишь у себя в комнате с головной болью.

Что верно, то верно, синьора Капулетти хоть и успокоилась немного во время завтрака, но всё равно её подозрения в отношении меня и Тибальта до конца не развеялись. И вдвоём на прогулку она нас точно не отпустит.

Ярополк привлёк меня к себе, коснулся губами виска. Я прикрыла глаза, наслаждаясь ощущением тепла и покоя. Не хочу, чтобы Яр уходил! И пусть разлука наша будет кратка и за ней непременно последует новая встреча, но расставаться я всё равно не хочу. Честное слово, я бы так всю жизнь простояла, не отвлекаясь ни на что иное. Эх, ну почему, как гласил классик: «Жизнь человеческая кратка и полна скорбей»?!

— Увидимся, — прошептал Ярополк, целуя меня в щёку.

— Угу, встретимся на площади у памятника мужику в берете. Он там такой один, при всём желании не перепутаешь, — мяукнул Опалов, нетерпеливо лупя себя хвостом по бокам. — Заканчивайте уже миловаться, голубки, не раздувайте во мне чёрную зависть, а то пакостить начну. Здесь же, можете себе такое представить, ни одной симпатичной кошки нет! Все какие-то драные и шуганные.

Я недоверчиво прищурилась:

— А ты что, с кошкой готов сойтись?

Опалов мотнул головой:

— А почему бы и нет? В моём теперешнем облике я могу рассчитывать исключительно на платоническую любовь дам и девиц. Да и опыта любовных игр с кошками у меня точно никогда больше не будет, так что нужно ловить момент. Только вот не с кем пока, ни одной достаточно грациозной и пушистой милашки не встретилось, экая досада! Если только к кошатине синьоры Монтекки подкатить, она вроде ничего такая, добротная.

— Кто, синьора Монтекки или её кошка? — усмехнулся Ярополк.

— Обе. Иди уже, а то не ровен час, припрётся кто-нибудь и всё испортит, фыркнул Опалов, вскочив на перила балкона. — И да, кормилицу позови, она неподалёку крутится, добро, хоть подслушивать не пытается.

Яр коротко кивнул, ещё раз поцеловал меня и вышел. Я поспешно опустилась на кровать, старательно изображая сдержанную муку.

— Как вы, голубка моя? — Мария себя ждать не заставила, впорхнула ко мне с подносом, нагруженным разными вкусностями и засуетилась, ни на миг не умолкая. — Виданное ли дело, на следующий же день после бала такую-то малышку ещё и завтраком в компании жениха испытывать! Нет уж, как по мне, так синьора Капулетти слишком спешит выдать вас замуж, вы же дитя совсем, вам и четырнадцати-то нет!

Эм, а ничего, что именно вы, моя дражайшая кормилица, собственной персоной привели ко мне в спальню мужчину, который остался на всю ночь? Или вы думаете, сударыня, что мы всё это время в шашки-шахматы играли? Вот ведь, потаковщица, сорок суждений по каждому вопросу!

— Кормилица, милая, я отдохну немного, а ты будь добра, проследи, чтобы меня никто не беспокоил, — я со слабой улыбкой коснулась ладонью лба.

— Всё сделаю, голубка, не извольте сомневаться, — горячо заверила Мария, мягко поглаживая меня по щеке. — Хотите, с вами посижу, сказку вам расскажу, песенку спою. Или, — кормилица таинственно понизила голос, хитро улыбаясь, — поведаю о своей

встрече с синьором Монтеки.

А-а-а, ну как так можно-то?! Как я могу отказаться от такой интересной темы, меня же разорвёт от любопытства! Я осторожно покосилась на развалившегося у входа на балкон Опалова и получила от него утвердительный кивок. Ясно, Александру тоже очень интересно узнать реакцию благородного Ромео на отказ Джульетты венчаться с ним.

— Сказку с песней не надо, а про встречу с Ромео расскажи.

— Так вот, голубка моя, — с готовностью зачастила кормилица, — по-матерински ласково глядя меня по голове, — нашла я его в церкви в компании брата Лоренцо. Сей духовник мне, признаться, никогда не нравился. Двигут-то им, вне всякого сомнения, намерения благие, да от его дел добрых честным людям одно смущение да докука. Взять, например, Джованни Пенд...

— Не отвлекайся, кормилица.

Меня совсем не устраивало многочасовое повествование обо всех жителях славной Вероны, меня, вообще-то, Ярополк ждёт.

Мария кашлянула, потёрла кончик носа:

— Так вот, увидела я молодого синьора Монтеки и говорю ему: «Уж не юную ли синьору Джульетту, вы синьор в церкви сей дожидаетесь?»

— Что, прямо так и спросила?

Да уж, тактичностью и осторожностью кормилица явно не изуродована. Кто же вот прямо так в лоб о тайном венчании спрашивает?!

— Нет, разговор я издалека начала, я ведь понимаю, в делах любовных особливую деликатность проявлять надобно.

Опалов недоверчиво фыркнул, дёрнул ухом, презрительно морща нос. А я, признаться, поверила. Не знаю, как там с деликатностью, а вот заболтать кормилица любого может, даже мёртвого и глухого, в этом я даже не сомневаюсь.

— Одним словом, открылся мне синьор Ромео, — кормилица восторженно прижала руки к груди. — Любит он вас прямо-таки без памяти, жизни своей без вас не мыслит.

Угу, охотно верю. Опалов каждой своей фаворитке тоже про вечную любовь вещает и что интересно, девушки, даже неглупые, верят ему безоговорочно! Интересно, что это: дар убеждения или таящая в душе каждой женщины надежда на большую и светлую, как в романах, любовь?

— Голубка моя, — кормилица виновато отвела глаза, — вы уж меня не браните: не смогла я сказать синьору Ромео, что вы к нему не придёте. Он же от такой вести руки на себя наложит, а это грех-то какой!

Да таких, как синьор Монтеки, крышкой гроба и то не уколотить! Я с досадой стиснула зубы так, что даже челюсти заныли.

— Голубка моя, — кормилица протянула руку, но коснуться меня не посмела, рука плетью упала вниз, так и не коснувшись моего плеча, — ну, простите вы меня, глупую старуху. Не смогла я боль мальчику причинить, он же такой пригожий, такой благородный, вся Верона им восхищается!

Последнее дело — казнить человека за его доброту. Я медленно выдохнула, растянула непослушные губы в улыбке:

— Я понимаю тебя, кормилица и... не сержусь. Об одном прошу: пусть меня никто не тревожит, пока я отдыхаю, хорошо?

Мария в замешательстве посмотрела на меня, а потом расплылась в хитрой улыбке и,

приблизившись ко мне, заговорщически прошептала:

— Значит, надумали всё-таки? И правильно, голубка моя, правильно. Синьор Ромео — почитай, самый благородный и прелестный кавалер всей Вероны. А то, что он сын ваших врагов, так может, Мадонна специально соединила ваши сердца, чтобы прекратить кровавую бойню двух родов. И то правда, довольно литься крови на улицах города, хватит уже. Ступайте, голубка моя драгоценная и ни о чём не печальтесь, всё сделаю в лучшем виде. Никто о вашем с Ромео венчании от меня не узнает, пока вы сами не прикажете о нём рассказать.

Естественно, никто о нашем с Ромео венчании не узнает, потому что его никогда не будет. Да я скорее обет безбрачия на всю жизнь приму, чем за Ромео выйду! Впрочем, кормилице о моих намерениях лучше не знать, пусть тешит себя надеждой на объединение двух древних родов.

Дождавшись, когда кормилица выйдет из комнаты, я выскользнула на балкон и, перевесившись через перила, посмотрела вниз. Да, высокогато, но это не страшно, я без проблем смогу спуститься по виноградным лозам, оплетающим балкон и спускающимся вниз. Ярополк же после ночи любви именно через балкон ушёл, значит, я тоже смогу.

— Ты чего застыла? — недовольно фыркнул Опалов, стоя на перилах балкона, и хлеща себя хвостом по бокам. — Только не говори, что ты высоты боишься. Мне с тобой возиться ни желания, ни возможности нет, у меня, — Александр демонстративно вскинул вверх передние лапы, — лапки.

— Ничего я не боюсь, — я поплотнее закуталась в плащ, выдохнула, преодолевая волнение и осторожно, тщательно выбирая, куда ступать, стала спускаться с балкона.

Если бы не Опалов, который зудел над ухом, безжалостно издеваясь над моей неповоротливостью, медлительностью, неуклюжестью и полным отсутствием чувства равновесия и грациозности, я бы назвала спуск с балкона весьма приятным. А так единственное, о чём я мечтала, оказавшись на земле, это придушить одного не в меру разговорчивого котофея.

— Эй-эй, полегче, — Опалов, гад предусмотрительный, отскочил от меня подальше, прижался к стене, — без меня вы ведьму не найдёте, а иначе тебе от приворота не избавиться. Так и будешь между Ромео и Ярополком разрываться, пока окончательно с катушек не съедешь или не погибнешь.

Чёрт, умный, гад! Я с силой стукнула себя кулачком по бедру, ойкнула и потёрла ушиб, старательно игнорируя пакостное хихиканье Опалова. А вот не буду вестись на провокацию, не дождётся! В гробовом молчании я двинулась вперёд, но Опалов ловко преградил мне дорогу. Что и говорить, умеют коты под ногами путаться!

— Юль, прости меня.

Что?! От неожиданности я запуталась в плаще и чуть нос о дорогу не расквасила. С чего бы вдруг наш остроязыкий и совершенно беспардонный театральный Казанова снизошёл до извинений?!

— Ты не сердись на меня, — Александр умильно прижал ушки к голове, — я часто говорю, не подумав.

— Ты чего, заболел? — я наклонилась, потрогала кошачий нос. Нет, мокрый и холодный, как и положено. — С чего бы вдруг ты извиняться начал, явно же не просто так совесть воскресла?

Опалов с досадой хлестнул хвостом:

— Да какая тебе разница?! Блин, Юлька, ну что ты за человек такой, я же извинился, какая разница, с чего и почему?! Я, может, измениться к лучшему решил!

Ага, кажется, я поняла, в чём дело. Как же я сразу не догадалась, Яр же говорил, что никому, особенно Александру, не позволит меня обидеть. Ну что ж, последнее дело — плясать канкан на костях поверженного. Я дружелюбно улыбнулась и протянула Опалову руку:

— Ладно, мир. Пошли уже, а то Яр волноваться будет.

Когда мы пришли, Яр уже со скучающим видом гулял по площади, лениво кивая приветствующим его мужчинам.

— Поворачивай в первый переулок направо и жди нас там, — мяукнул Опалов и побежал к Ярополку, ловко маневрируя под ногами гуляющих по площади.

Я послушно повернула в указанный переулок и столкнулась с невысокой пожилой синьорой, закутанной в тёмный плащ.

— Ой, прошу прощения.

Синьора вскинула на меня ясные, словно весенние озёра, серо-голубые глаза и мягко улыбнулась:

— Я не сержусь, милая. Под венец и нужно спешить, только с женихом не ошибись, иначе худо будет.

Хм, я ошибаюсь или эта и есть та ведьма, о которой Александр рассказывал?

— Та самая, милая, — женщина тепло улыбнулась, мягко похлопала меня по руке. — В Вероне никакой другой ведьмы нет, мы конкуренции не терпим.

— Значит, любовное зелье для Ромео тоже вы готовили?!

Ведьма серебристо рассмеялась:

— Нет, он это зелье из Мантуи привёз, девицам да матронам почтенным на погибель. Магия сильная, снимать её долго да тягостно.

Я так и ахнула:

— Так что мне теперь, всю жизнь от Ромео бегать?

Ведьма тяжело вздохнула, головой покачала:

— От того, кто приворожил, не убежишь, пока не выполнишь его условие, не будет тебе покоя.

— Я за Ромео не пойду!

По губам ведьмы скользнула совсем юная шаловливая усмешка:

— И не надо. Поторопился молодой Монтекки, установку тебе сделал лишь обвенчаться сегодня. Подумал, что свободно твоё сердце, а значит, нет у него никаких конкурентов. А это ведь не так, да, девочка?

— Не так, — прозвучал за моей спиной родной любимый голос.

Я повернулась, оказавшись в тёплых надёжных объятиях, и заглянула в любимые глаза цвета полуночи.

— Юль, ты станешь моей женой?

Я крепко обняла любимого и шепнула прямо в его губы:

— Да! И даже прямо сегодня!

Сцена 9. Перекроить историю

Синьора ведьма оказалась дамой душевной и щедрой, помимо ценного совета ещё и торжественно вручила мне небольшой пузырёк тёмного стекла, тщательно запечатанный и залитый воском. Мне этот флакончик напомнил приключения маленькой девочки Алисы, которая ела и пила всё без разбора и дегустаторов, а потом гонялась за белыми кроликами, говорила с курящими гусеницами и играла в крокет с картами. Сами понимаете, мне такого счастья не надо, я на скуку и монотонность бытия и раньше-то не жаловалась, а теперь и подавно.

— И что это? — Я опасливо вертела в руках пузырёк, не спеша его открывать и даже убирать в потайной карман юбки (а то мало ли, прольётся, ткань прожжёт, буду потом дырой сверкать на потеху жителям Вероны).

Ведьма белозубо улыбнулась, без труда разгадав все мои опасения:

— Не волнуйся, красавица, травить я тебя не стану. Это зелье убеждения, один глоток придаст тебе красноречие, коему никто не сможет отказать.

Никто не сможет отказать? Хм-м-м. Я с новым интересом посмотрела на пузырёк, покатала его в руке, любуясь матовым блеском стекла. А может, попробовать его на синьоре Капулетти или даже самом Ромео?

Ведьма огорчённо покачала головой:

— Нет, на Ромео не подействует, у него защита очень сильная, моя магия против него бессильна. Извини, я не всесильна.

Я разочарованно вздохнула, прижалась к Ярополку, наслаждаясь его силой и спокойной уверенностью в себе и своих силах.

— А на брата Лоренцо это зелье подействует? — Яр мягко поглаживал меня по плечу, успокаивая и ободряя.

Ведьма коротко кивнула:

— На него подействует.

Отлично, теперь я знаю, кто нас обвенчает! Лишь бы Ромео в церкви не оказалось, а то вряд ли он обрадуется, увидев меня под ручку с другим.

— Завтра с десяти вечера я буду ждать вас здесь же, — ведьма даже ногой притопнула, место обозначая, — но помните, вы должны прийти все трое, иначе я не смогу отправить вас в ваше время. И ты, красавица, к этому времени уже должна освободиться от любовной магии молодого Монтекки.

Два дня, надо подождать всего два дня и мы вернёмся домой.

— А Яр вернётся человеком? — я молитвенно стиснула пальцы, отчаянно надеясь на чудо. Господи, пожалуйста-пожалуйста, я не хочу снова его потерять!

— Тот, кто станет твоим мужем, сохранит человеческий облик.

— А второй?! — Опалов возмущённо хлестнул хвостом по бокам. — Минуточку, мы так не договаривались, я не собираюсь до конца своих дней только кошек любить, я не зоофил всё-таки!

— Если найдётся в том времени хоть одна живая душа, кто будет искренне желать твоего возвращения, вернёшься человеком, — ведьма сверкнула глазами так, что мне даже страшно стало, — а нет — останешься котом на веки вечные!

Ведьма исчезла, растаяла без следа, словно её никогда и не было.

— Зашибись, — Опалов плюхнулся на попу, нервно хлопая хвостом по земле, — чёрт, так и знал, что не надо мне с тобой связываться! Замуж за меня, я так понимаю, ты не пойдёшь, убеждать и требовать бесполезно?

Я отрицательно замотала головой, а потом пару раз утвердительно кивнула. Нет, не пойду, да, просить бесполезно.

— Я Юлю не отдам, — негромко, а потому ещё более убедительно произнёс Яр, прижимая меня к себе.

— Не больно и нужна, — фыркнул Опалов. — Короче, голубки, расклад такой: если я остаюсь кошаком, вы берёте меня на полный пансион и перерываете небо и землю в поисках ведьмы, способной меня расколдовать, согласны?

Мне кажется, или в ком-то пробудились скрытые резервы альтруизма? Яр благородству Александра тоже не поверил, уточнил недоверчиво:

— И ты вот так легко и просто соглашаешься остаться в облике кота?

— Можешь мне поверить, это совсем нелегко, — огрызнулся Опалов, — только что я реально могу вам противопоставить? Ну, сопру я этот пузырьёк, дающий дар убеждения, а толку?! Я его даже открыть не смогу, ибо нечем. Силой своего добиться — тоже не вариант. Максимум, что я могу — это покусать и поцарапать, так вы в ответ мне такого пинка отвесите, что я восемь раз вокруг луны облечу. Я, конечно, могу удрать, чтобы вы назад не вернулись, но опять же возникает вопрос: а что я с этого иметь буду? Правильный ответ — ничего. Здесь меня ждёт та же кошачья жизнь только в гораздо менее комфортабельных условиях. И даже желать смерти твоему хахалю, Юль, мне банально не выгодно. Если он сдохнет, мы назад не вернёмся, а значит, я потеряю все шансы, даже самые призрачные и невероятные, вернуть себе человеческий облик. Короче, смириться с обстоятельствами для меня сейчас самое разумное и выгодное.

Мда, поторопилась я приписать Опалову благородство и альтруизм. Ну и ладно, по крайней мере, удара в спину от него можно не опасаться, а это уже очень даже неплохо.

— Да ты прямо стратег, — Яр мимолётно улыбнулся, — благодарю за честность. А сейчас, если тебя не затруднит, проверь, в церкви ли брат Лоренцо и нет ли нигде поблизости Ромео.

Опалов изобразил короткий шутовской поклон:

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Спешу исполнить ваш приказ!

Хоть Александр и паясничал, всем своим видом демонстрируя бесстрашную независимость, а просьбу Ярополка исполнил в точности. Пока мы до церкви прогулочным шагом шли, Опалов уже всё разведал и с самым настоящим докладом вернулся. Сообщил коротко и без насмешки (я даже заволновалась, не заболел ли, уж слишком быстро и сильно изменился), что брат Лоренцо в церкви, а Ромео нет, хотя, судя по запаху, ждал он меня долго и упорно. По словам Александра, молодой Монтекки едва ли не каждый угол в церкви пометил, словно кот по весне.

— Так что, если венчаться не передумали, сейчас самое время, — Опалов поморщился, головой мотнул, — хотя, как по мне, так не стоит спешить хомут на шею вешать. Хорошее дело браком никогда не называют.

— А у нас не брак, семья будет, — Яр подхватил меня за руку, переплёл наши пальцы.

От этой мимолётной ласки меня затопила волна нежности, захотелось, как в детстве, визжать от безграничного счастья и прыгать, хлопая в ладоши. Разумеется, я сдержалась, но блаженная улыбка не сходила с моего лица до самой церкви.

Недаром говорят, что, с каким настроением за дело примешься, так всё и получится. В церковь я не шла, а прямо-таки летела, не удивительно, что всё задуманное исполнилось, словно по волшебству. Брат Лоренцо встретил меня весьма раздосадованным (не удивительно, он же терпеливо ждал меня на венчание, ещё и жалобы Ромео выслушивал, а потом наверняка успокаивал моего несостоявшегося жениха, короче, досталось, бедолаге). Надеюсь на магию, но и о своём таланте актрисы не забывая, я изобразила смущение, робость, кротость и надежду на чудо, полный набор чувств, полагающийся романтической героине на пороге судьбоносного решения. Досада брата Лоренцо ожидаемо пошла на убыль, тщательно замаскированные, но всё равно заметные укоры сменились мягким отеческим внушением.

— Как же так, дочь моя...

— Грешна, — я опустила ресницы, покаянно склонив голову, — чувства сильнее меня!

Опалов, которого в церковь никто не приглашал, но и войти не запрещал, недовольно фыркнул и почесал за ухом. Ясно, переигрываю, нужно меньше пафоса.

— Мы любим друг друга и просим нас обвенчать, — Яр опять переплёл наши пальцы, глядя прямо в лицо брату Лоренцо.

От таких новостей священник откровенно опешил:

— Что?! Как?! Нет, этого не может быть! Это неправильно!

Что-то мне подсказывает, что пора пускать в ход магию. Я осторожно достала флакончик, улучила момент и сделала глоток. Большой, чтобы уж наверняка подействовало. Бу-а, вот это гадость, из чего её варили, сгнивших летучих мышей и кроличьего помёта, что ли?! Я сглотнула, силясь удержать взбунтовавшийся и рвущийся на свежий воздух желудок внутри. Вряд ли магия поможет, если меня вырвет прямо в церкви. Так, спокойно, вдох, выдох, ещё вдох... Отлично, уже гораздо лучше, да и брат Лоренцо отошёл от первого шока и готов слушать. Я осторожно откашлялась, сделала глубокий вдох, помолчала, подавляя очередной приступ дурноты, и заговорила. Не знаю, затмила я своим речами признанных ораторов и златоустов, но брат Лоренцо слушал меня очень внимательно. Один лишь раз, в самом начале моего монолога он робко заметил, что Тибальт — мой брат, а значит, связь с ним незаконна, но против подобного заявления у меня и без магии были достаточно веские аргументы.

— Тибальта я называю братом, но на самом деле таковым он не является, вам это известно не хуже меня, брат Лоренцо.

Священник пожевал губами, посмотрел на массивное распятие, висевшее прямо напротив входа в церковь, размашисто перекрестился:

— Ваш союз с Тибальтом не принесёт ничего, кроме горя и позора в почтенном семействе. Вас ждут слёзы, а, возможно, смерть.

Можно подумать, союз с Ромео гарантировал мне долгую и счастливую жизнь!

— Никому не дано знать своего будущего, — мягко возразил Ярополк, — мы не отступимся, обвенчайте нас.

Брат Лоренцо опять пожевал губами, вздохнул:

— Будь по-вашему, дети. Я стану молиться, чтобы ваш союз умножил любовь и счастье, коих так не хватает.

Ну, слава богу, убедили. Я облегчённо выдохнула, плавно опустилась на колени, молитвенно сложив перед собой ладони. Ой-ёй, только сейчас до меня дошло, что венчать нас будут на латыни, которую я совершенно не знаю! В замешательстве я посмотрела на Яра,

тот поймал мой взгляд, улыбнулся и чуть приметно подмигнул мне, шепнув одними губами:
— Не бойся, я с тобой.

Я облегчённо выдохнула, позволил себе расслабиться и впервые за то время, что стала синьорой Джульеттой Капулетти, пустив всё на самотёк. Точнее, передав бразды правления своему, ну, да, теперь уже совершенно точно мужу. Господи, хорошо-то как!

Только один раз я была на венчании, ещё ребёнком, и тогда обряд показался мне невыносимо долгим и заунывным. Я украдкой переминалась с ноги на ногу, тайком зевала и время от времени дёрнула папу за рукав, шёпотом уточняя, когда же мы пойдём уже, наконец, домой. Сейчас, стоя рядом с Яром и грея свои прохладные от волнения руки в его ладонях, мне казалось, что время замерло, застыло зачарованно, не смея вторгаться в таинство соединения двух душ.

Амен, — провозгласил брат Лоренцо, осеняя нас широким крестом и мягкой лучистой улыбкой, вспыхнувшей в уголках утомлённых пронизательных глаз, мудрых и всепрощающих. — Да пребудет с вами милость Господа, дети мои.

Мы почтительно поклонились священнику и неохотно покинули блаженную тишину церкви, окунаясь в суетливую и не всегда милосердную реальность.

— Так, ну, что, поздравляю и всё такое, — Александр нервно дёрнул хвостом, огляделся по сторонам, — а сейчас нам лучше вернуться домой. Причём порознь, дабы у твоей матушки, Юль, очередной приступ паранойи не начался.

Яр обхватил моё лицо, коснулся мимолётным поцелуем:

— Ступай, родная, увидимся вечером!

Ох, как не хотелось мне оставлять Ярополка, как тревожно сжимали сердце дурные предчувствия! И были они отнюдь не беспочвенными, ведь именно после венчания Ромео и Тибальт сошлись в поединке, в результате которого Тибальт был убит, а Ромео сослан в Мантую. И мы теперь должны, просто обязаны переписать историю так, чтобы избежать столкновения с Монтекки.

Я схватила Ярополка за руку:

— Пообещай, что будешь осторожен, что не поддашься на провокацию и не допустишь дуэли. Яр, мне очень страшно!

Яр обнял меня, прижал к себе, слегка покачивая, словно маленькую девочку, которой приснился дурной сон. Опалов презрительно наморщил нос, дёрнул ухом и нехотя буркнул, всем видом демонстрируя, как ему неприятны и утомительны и наши нежности, и мои страхи:

— Ладно, пёс с вами, присмотрю я за твоим муженьком, чтобы ни во что не вляпался. А ты, давай, мухой лети домой, не дай бог, синьора Капулетти узнает о том, что ты из дома сбежала, живой в гроб вгонит и на том свете жизни не даст!

***

Ярополк

Признаюсь честно, до встречи с Юлей я был свято убеждён, что моей единственной страстью будет наука, ведь ни одна девушка не в силах быть столь увлекательной, загадочной, манящей и щедрой к тем, кто стал её верным рыцарем. Господи, каким же самонадеянным ослом я был! Юля впрорхнула в мою жизнь одним ничем не примечательным, кроме ярмарки, днём и как-то незаметно проникла в моё сердце, лишила

меня покоя и забрала мою душу, взамен без колебаний и тени сомнений вручив своё сердце и свою жизнь. И опять я самонадеянно решил, что отныне в моей жизни всё будет прекрасно, дальнейший наш совместный с Юлей путь будет усыпан лишь лепестками роз. Что ж, жизнь не преминула отвесить мне звонкую оплеуху за излишнюю самонадеянность, напомнив, что сладко и гладко бывает лишь в мечтах, а реальность предпочитает терновые венки лавровым. Неудачный эксперимент поменял меня телом с лабораторным котом, а потом проклятие одной обезумевшей от ревности девицы забросило в раздираемую многолетней кровавой враждой Верону. И теперь, когда я вернул себе облик человека и даже обвенчался с Юлей, я ни за что не позволю кокетке Фортуне в очередной раз взбрыкнуть и лишит меня моего бесценного сокровища: любимой жены.

— Кот пойдёт с тобой, Юля.

Моя ненаглядная жёнушка удивлённо распахнула глазки, а упрямый своенравный кот расфыркался, словно забытый на плите чайник:

— С чего бы это вдруг? Тебе помощь нужнее.

— Яр, я быстро домой вернусь, — Юля нежно погладила меня по руке, снизу вверх глядя в глаза.

Вот как ей отказать, когда она так говорить и смотрит?! Я честно попытался настоять на своём, но в глубине души прекрасно понимал, что уже проиграл, растаял под мягким умоляющим взглядом любимых глаз.

— Яр, тебе помощь нужнее. На меня никто не нападёт, не рискнут связываться с кланом Капулетти, а вот тебя... — голосок Юли дрогнул, глаза заблестели от сдерживаемых слёз, — тебе грозит опасность.

Знаю, ладо моё, всё знаю, я ведь читал трагедию Шекспира, видал фильмы на эту тему и даже на паре постановок в театре был. Я крепко прижал Юлю к себе, горячо шепнул в нежное розовеющее от волнения ушко:

— Всё будет хорошо, обещаю.

— Может, мы пойдём уже, — недовольно мяукнул кот, зло распушив хвост и лупя себя им по бокам, — ей богу, даже тошнит от ваших слюнявых нежностей!

— Завидно — завидуй молча.

Ответили мы с Юлей разом, удивлённо замолчали, переглянулись и, не выдержав, прыснули со смеху.

Александр пренебрежительно фыркнул:

— Была бы честь оказана. Я могу и один домой вернуться, мне-то совершенно точно ничего не будет, на меня никто внимания не обратит.

— Пойду я, — Юля быстро поцеловала меня в щёку и легкокрылой птичкой упорхнула прочь, оставив после себя лишь тонкий нежный травяной аромат.

Что ж, мне мешкать тоже не стоит, какие бы чувства ни испытывал молодой Монтекки к Юле, ко мне он совершенно точно ничего хорошего не питает и при встрече наверняка попытается задеть не делом, так словом. А значит, не стоит испытывать свою удачу, моя жизнь теперь принадлежит не только мне.

Увы, мои благие намерения развеялись прахом, стоило лишь нам с Александром свернуть на светлую и обычно тихую улочку недалеко от дома семейства Капулетти. Надо отдать должное Ромео, свою засаду он устроил превосходно: попасть домой, минуя эту улицу, мы не могли. Слава богу, хоть Юле дали спокойно пройти, не задирали её!

— Вот чёрт, — Александр сердито вздыбил шерсть на загривке, — эти шесть молодцов

явно нас ждут, паразиты.

— Пусть ждут, повода для драки мы им не дадим.

Я старался сохранять спокойствие и даже не смотреть на молодцов, привольно развалившихся у небольшого бассейна, используемого как поилка для коней.

— А им нужен повод? — фыркнул кот, пользуясь тем, что его никто, кроме меня не мог понять. — Серьёзно?

— Чтой-то ваш котик, синьор, уж слишком громко мяукает, — нарочито тонким и протяжным голосом протянул один из молодцов, делая шаг ко мне и словно бы невзначай опуская руку на перевязь.

— От его противных воплей у меня разыгралась мигрень, — охотно подхватил второй, подходя ко мне с другой стороны.

— В таком случае, синьор, вам нужно к лекарю, — ровным мягким тоном ответил я, всем своим видом демонстрируя редкостное дружелюбие.

Только вот задирам плевать было с высокой колокольни, на мой мирный настрой, они жаждали крови и отступить были не намерены.

— Вы знаете, синьор, моему другу от мигрени удивительно помогает кровопускание, — пропищал третий молодец, двигаясь прямо на меня, — вы готовы уступить пару капель крови для исцеления моего товарища?

Я обворожительно улыбнулся, глядя задире прямо в глаза:

— Друг ваш, значит, вам его и исцелять.

— Значит, вы отказываетесь помочь? — вступил в игру четвёртый забияка, заходящий справа мне за спину.

— Синьор, вы оскорбили нас! — с готовностью выпалил пятый, также заходя ко мне за спину, но уже с левой стороны.

Итак, увертюра прозвучала, сейчас должна грянуть основная тема. Ну, синьор Ромео, ваш выход! Молодой Монтекки ждать себя не заставил.

— Синьор, при всех этих благородных господах заявляю, что вы мерзавец и негодяй, порочащий мужской род.

Ромео выпалил оскорбление, глядя мне прямо в глаза взором жаждущего крови дракона. Я тяжело вздохнул, понимая, что избежать драки совершенно точно не удастся. А как же запрет герцога? Если мне память не изменяет, нарушившего приказ правителя Вероны ждёт казнь. Конечно, вероятность, что эти молодчики прислушаются к голосу того, чего у них нет (я про здравый смысл сейчас) нулевая, но я должен испробовать все миротворческие возможности. Чтобы потом, когда будет разбирательство, меня никто не смог обвинить в разжигании ссоры.

— Синьор Ромео, — я обвёл взглядом окруживших меня молодцов, — вы ищете ссоры? А как же приказ, запрещающий драки на площадях и улицах нашего славного города?

В глазах Монтекки вспыхнула лютая ненависть, лицо исказилось, превратившись в дьявольскую маску:

— А драки и не будет. Я просто зарежу тебя, как мясник режет быка на бойне, а мои друзья подтвердят, что это ты первый напал на нас.

Что ж, видит бог, драки я не хотел. Я вытащил клинок из ножен, плавно, проверяя балансировку оружия, повёл рукой.

— Бык, в отличие от меня, не способен обороняться.

Ромео сверкнул хищной улыбкой, коротко кивнул своим друзьям:

— Все видели? Он первым схватился за оружие! А раз так, готовься к смерти, проклятый Капулетти!

Можно подумать, я ему на спину плюнул, после того, как нагруженной камнями тележкой по ногам в метро проехался. Какое счастье, что я умею фехтовать, иначе мне против этого безумца не выстоять. Александр, кстати, благоразумно отошёл в сторону, чтобы мы его не затоптали в пылу сражения. Лучше бы он, конечно, за помощью сбегал, один против шести я не выстою, я же всё-таки учёный, а не гладиатор.

Клинок Ромео слегка царапнул меня по щеке, группа поддержки молодого Монтеки одобрительно взревела. Я досадливо поморщился, плечом вытер выступившую кровь. Самое главное отличие меня от Ромео в том, что у него, в отличие от меня, нет внутреннего запрета на пролитие чужой крови. Он не боится убить, наоборот, жаждет моей смерти. А вот я отнюдь не горю желанием прирезать, пусть и случайно, этого мальчишку, поэтому мне и приходится маневрировать, отступать, стараться обезоружить противника, да ещё и под ноги смотреть, чтобы ненароком на Александра не наступить.

Мой клинок скользнул по груди Ромео, под напором стали ткань распалась, окрасившись алым. Монтеки машинально прижал ладонь к порезу, тут же устыдился своего мальчишеского жеста, отнял руку, со смесью удивления и бешенства глядя на испачкавшую ладонь кровь.

— Вы меня ранили!

В наблюдательности мальчику явно не откажешь. Я поджал плечами, слегка опуская клинок к земле в знак мирных намерений:

— А вы меня. Кровь пролилась с двух сторон, думаю, поединок стоит завершить.

— А мне плевать, что ты думаешь! — яростно выкрикнул Ромео, обрушивая на меня целый град ударов, которые я с трудом успевал парировать. — Только один из нас уйдёт отсюда, второй останется валяться на земле бездыханным!

— Как скажешь, — прошипел Александр, которому, судя по всему, изрядно осточертел наш поединок.

Злой, словно рой растревоженных шершней, кот взвился в воздух, одним мощным прыжком преодолел отделявшее его от Ромео расстояние и угодил молодому Монтеки прямо на голову. Никто ничего не успел толком понять, как Александр пустил в ход когти и даже зубы, весьма острые, если судить по истошному крику Ромео и брызгам крови, полетевшим в разные стороны.

— Ты, придурок, только попробуй его убить, — орал Александр, полосуюя молодого Монтеки когтями, — я не собираюсь до конца своих дней быть меховым ковриком для блох! Я вернусь домой, снова стану человеком и сожру любого, кто попытается мне помешать, на лоскуты порву!

Я пытался отодрать Александра от Ромео, но озверевший кот не желал оставлять добычу. Меня весьма чувствительно цапнули за ладонь, разодрали левую руку от кисти до локтя. Ах ты, паразит, ну я тебя! Я снял камзол, накинул его на яростно шипящего кота и не без труда, но отодрал его от поскуливающего от страха Ромео.

— Пусти меня! — выл Александр, пытаясь выбраться из импровизированной ловушки. — Немедленно пусти, если жизнь дорога.

Жизнь мне была очень дорога и именно поэтому отпускать кота я не собирался. Увы, мои благие намерения до добра не довели. Униженный и пылающий жаждой мести Ромео, вытирая текущую по лицу кровь, рывкнул своим дружкам, кивнув в мою сторону:

— Убить его. И эту бешеную тварь тоже.

Ждать, пока меня зарежут, я не стал, пустившись в бега. Да, неблагородно и немужественно, но один против пяти я не выстою, нужно здраво оценивать собственные силы. К моему искреннему прискорбию, местные жители знали город лучше, а потому быстро перерезали мне дорогу и без лишних слов бросились на меня. Если бы не появление герцога со свитой, состоящей из шести дюжих парней, меня бы нанизали на шпагу, словно бабочку на булавку, а так я отделался всего лишь несколькими порезами разной степени глубины.

— Что здесь происходит?! — загремел майским громом герцог, которому эти побоища уже костью в горле сидели. — Как смели вы нарушить мой приказ?!

Вперёд поспешно вышел один молодчик, тот, который и начал ссору:

— Мой герцог, Тибальт Капулетти подло напал на нашего господина, синьора Ромео и едва не убил его!

Да ладно?! А у меня вот совсем иные воспоминания о произошедшем!

Герцог голодным драконом повернулся ко мне, готовый испепелить мою скромную персону прямо на месте. А вот фигурки, меня такой расклад не устраивает!

— Мой герцог, этот человек обманывает вас. Мои намерения чисты, я всеми силами стремился избежать ссоры с синьором Монтекки...

Судя по скептически заломлённой брови, в моё миролюбие герцог не поверил. В принципе, я его не осуждаю, учитывая, что лицо Ромео представляет собой кровавое месиво, поверить в моё дружелюбие весьма проблематично. А убедить герцога нужно любой ценой, меньше всего я хочу болтаться в петле на городской площади или валяться с выпущенными кишками в канаве. Какая жалость, что Александра можем понимать только мы с Юлей! Кстати, о нашем котопее, где он? Я быстро оглянулся и едва не застонал от досады. Александр лежал у стены и вид у него был такой, что краше только в гроб кладут. Из порванного уха сочилась кровь, передняя лапка как-то очень нехорошо искривлена, а задние и вовсе слишком вытянуты и какие-то... неживые. Чёрт он вообще жив?! К моему искреннему облегчению, бока кота вздымались от тяжёлого неровного дыхания. Слава богу, Александр жив, а его весьма плачевный вид можно использовать в своих корыстных целях. Неблагородно? Возможно, но сейчас не до истового соблюдения всех пунктов рыцарского кодекса, на кону слишком многое.

— Мой герцог, — я подошёл к Александру, осторожно взял его на руки, стараясь не причинять дополнительных мучений, — клянусь вам, я не помышлял о ссоре, ведь мне нужно было доставить моей сестре, синьоре Джульетте вот этого кота. — Я слегка приподнял Александра, дабы герцог наверняка обратил на него внимание, — подарок графа Париса своей невесте. Вам ведь известно, что граф Парис сватался к моей сестре?

А ещё мне известно, что упомянутый граф является каким-то там родственником герцогу, но об этом я, разумеется, скромно промолчу.

Лихие молодцы поняли, что мои слова нашли-таки лазейку к сердцу герцога и поспешили вмешаться.

— Мой герцог, этот кот напал на Ромео, словно обуянный демонами!

Герцог холодно усмехнулся:

— Теперь вы кота обвиняете в разжигании вражды? Кот не собака, его нельзя натравить на кого-либо по прихоти хозяина. Выходит, Ромео чем-то напугал несчастное животное, раз оно набросилось на него.

Если быть точным, молодой Монтеки взбесил кота, но об этом, опять-таки упоминать не стоит. Излишняя разумность животных нервирует и пугает даже в двадцать первом веке, что уж говорить про эпоху шпаг и зарождение инквизиции!

Герцог повелительно вскинул руку, пресекая возмущённые шепотки со стороны дружков Ромео:

— Я решил. Тибальт, как более уличённый в разжигании вражды, но чья вина всё же имеет смягчающие причины, будет выслан из Вероны в Мантую. Ему надлежит покинуть наш славный город сегодня же, ибо завтра поутру, если он останется в Вероне, его будет ждать смерть.

Ну вот, приплыли. Мало того, что эти ухари меня чуть не прирезали, так ещё и герцог во всех смертных грехах обвинить готов. Зашибись, справедливое правосудие! Хорошо хоть, сразу не убили, «всего лишь» выдворяют из города, словно зачумлённого или жалкого бродягу.

— Ромео, также повинный в произошедшем, но более Тибальта пострадавший, приговаривается к аресту. Своей волей и законом, кой я представляю в этом городе, я запрещаю молодому Монтеки покидать пределы его дома в течение месяца. В случаеслушания его ждёт смерть. Я всё сказал.

Ромео повернул ко мне свою окровавленную физиономию и прошипел, только что ядом не брызгая:

— Наш разговор не закончен, проклятый Капулетти. Даже отъезд в Мантую тебя не спасёт, ходи и оглядывайся!

Я тоже решил не оставаться в долгу, честное слово, надоело в миротворца играть:

— Удачного пребывания дома, синьор. Обязательно попрошу слуг передать вам, как хороша была Джульетта в день венчания.

Ромео сдавленно зарычал, но покосился на мрачного, словно грозовая туча герцога и не кинулся, сдержался. Эх, такая провокация провалилась! Ладно, как говорится, ещё не вечер. Покидать Верону я, само собой не буду. Сейчас схоронюсь у брата Лоренцо, а в сумерках наведаюсь к Юле, успокою её да заодно узнаю, как дела у Александра, а то что-то он совсем плох, задние лапы вообще плетью повисли и холодные. Не помер бы невзначай, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не накаркать.

***

Юля

Вот объясните мне, как такое может быть: оставляешь двух взрослых и разумных (как мне казалось) мужчин, получив от них заверение, что домой они доберутся без приключений, а получаешь в итоге одного из них да и то полудохлого?!

— Что сложного было в том, чтобы добраться домой без приключений?! — я шмякнула ладонью по полу, едва не попав по миске с водой. — Вот где теперь Яр?! А если с ним что-нибудь случится?!

— Ну, распните меня на кресте, — огрызнулся Александр, тщетно пытаюсь взмахнуть хвостом. — Не доглядел за вашим ненаглядным.

Я медленно выдохнула через плотно стиснутые зубы, закрыла глаза, мысленно начала считать до десяти, но закончить счёт не успела, Опалов взвыл над ухом сиреной:

— Я не понял, мне будут помощь оказывать или нет?! Я, между прочим, если это кому-нибудь интересно, лап не чувствую!

Ой, точно. Я прикусила губу, даже покраснела от смущения, погладила Александра по

голове, даже за ушком его почесала ласково.

— Прости, прости, пожалуйста. Я сейчас...

— Да ты продолжай, продолжай, не отвлекайся, — промурлыкал Опалов, жмуря глаза и то выпуская, то втягивая коготки, — может, мне ещё на спинку лечь, ты бы мне ещё и брюшко почесала?

Нет, наглость у некоторых просто фантастическая, Александр даже в тяжёлом состоянии гусарствует!

— Опалов, не налей, — я слегка (помня о том, что моему коллеге по театральной сцене и так досталось) шлёпнула кота по боку. — Я, к твоему сведению, дама замужняя!

— Ты не поверишь, я в курсе, — фыркнул Александр, нервно дёрнув ушами, — даже на вашем венчании присутствовал. Скучища смертная, я минут пять позевал, а потом ушёл, чтобы на всю церковь не захрапеть.

Скучно ему на венчании, скажите, пожалуйста! А я тогда так счастлива была, обо всём на свете забыла. Я улыбнулась и тут же помрачнела, вспомнив, что Яра приговорили к изгнанию из Вероны. Вот где он теперь, а? Что с ним? И Александра на его поиски не отправишь, куда он полупарализованный денется?!

— Лучше бы ты потом вовремя ушёл, — в сердцах буркнула я, чувствуя, что ещё немного и расплачусь от тревоги и обиды. — Из-за тебя Яра из города выгнали.

Опалов от моих слов раздулся и даже хвостом слабо махнул:

— Из-за меня?! Да я ему жизнь спас, если бы не я, твоего красавчика бы тонким слоём по всем поверхностям размазали!

Да уж, какие бы испытания не выпали нашему театральному Казанове, а его самомнение остаётся незыблемым, словно самое прочное железное дерево. Я отвернулась, не желая продолжать глупый спор и ломая голову над тем, как мне связаться с Яром. Хорошо, если он сегодня вечером придёт ко мне, а если нет? А если его под конвоем из города выдворят и до самой Мантуи сопровождать будут, что тогда?! А если Ромео и его дружки Яра подкараулят в какой-нибудь тёмной подворотне и зарежут? А если он уже покинул город? Я застонала, сжимая голову, пытаюсь силой унять разбушевавшуюся не на шутку тревогу и подстёгнутое ею воображение. К счастью для меня, а то бы точно истерить начала, в комнату заглянула кормилица. Огляделась по сторонам и шмыгнула внутрь, ещё и коридор осмотрела прежде, чем дверь закрыть, конспираторша! Что это с ней? Не иначе, задумала что-то.

— Синьора Джульетта, есть у меня известие о дорогом вашем сердце синьоре.

Очень хочется надеяться, что она сейчас не о Ромео говорит.

— Ходила я... в город, на прогулку, — кормилица как-то странно хихикнула и оправила юбку, — а после, памятуя о вашем, голубка, сердечном интересе, зашла в церковь. Я подумала, что брат Лоренцо, добрейшая душа, наверняка не отказал несчастному изгнаннику в приюте.

Если кормилица не перестанет делать такие паузы между словами и так жеманничать, меня просто разорвёт от нетерпения.

— И?! Ты видела его, говорила с ним?

Кормилица принялась подолом обмахивать лицо и жаловаться на духоту, усталость, старые больные ноги, которым никто не даёт ни минутки покоя. Нет, она точно издевается! И ведь знает, что я буду её умолять продолжать, ведь нет хуже пытки, чем пытка неизвестностью!

— Кормилица, милая, — я схватила Марию за руки, усадила прямо на кровать, — скажи: ты видела его? Видела... — я чуть не назвала Ярополка, но вовремя исправилась, — Тибальта? Как он? Жив, не ранен?

Кормилица с ласковой улыбкой погладила меня по голове.

— Видела, голубка моя. Жив ваш красавец и здоровью его ничего не угрожает, только уж очень об вас печалится. Погодите-ка, он же вам письмо передал. Где же оно? Куда я его убрала? Уж не потеряла ли, оборони Дева Мария?

Я чуть в голос не взвыла, пока кормилица с хитрой улыбкой опытного провокатора хлопала себя по бокам и даже груди в поисках письма. Да разве можно так издеваться?!

— Кормилица!

— А матушка-то ваша где? — словно не слыша меня, спросила Мария.

Понятия не имею, но очень надеюсь, что как можно дальше от моей комнаты. Как показывает практика, появление синьоры Капулетти не сулит мне ничего хорошего. Конечно, вряд ли синьора с самого рождения была такой ледяной статуей, скорее всего, боль, обида, равнодушие окружающих и полное отсутствие такого простого, но жизненно необходимого человеческого тепла постепенно превратили милую и доверчивую девочку в бездушную деревяшку, но факт остаётся фактом. Синьора Капулетти — ледяная статуя, общаться с которой у меня нет ни малейшего желания.

— Кормилица, — я взяла Марию за руку, требовательно заглянула в глаза, — где письмо от... — я кашлянула, опять чуть не проговорившись, — Тибальта?

Кормилица расплылась в широкой добродушной улыбке и протянула мне тщательно сложенный несколько раз листок:

— Да вот же оно. Берите, голубка моя, читайте на здоровье, а я выйду пока, посмотрю, чтобы никто вас не побеспокоил. А то, мало ли...

Кормилица продолжала что-то говорить, но я её уже не слушала, читая и перечитывая короткое послание, написанное ровным, стремящимся вперёд и вверх почерком: «Юля, за меня не переживай, я тебя люблю и никогда не брошу. Сейчас я скрываюсь у брата Лоренцо, вечером, как стемнеет, приду к тебе. Твой Яр».

Я прижала письмо к губам, представляя, что целую не шероховатую бумагу, а своего горячо любимого мужа. Когда стемнеет, он придёт ко мне. Я бросила жадный взгляд в окно. Увы, солнце ярко сияло в голубом, не омрачённом ни единым облачком небе, и скрываться за горизонтом не собиралась. Как же всё-таки медленно тянется время, когда ждёшь! Я прижала письмо к груди, мечтательно прикрыла глаза, но предаться грёзам любви (и тем самым скоротать время ожидания) мне не дала кормилица, заглянувшая в комнату и громко шёпотом возвестившая:

— Матушка ваша идёт!

Вот ведь, права пословица: вспомни заразу, появится сразу, принесла же нелёгкая, когда не звали! Я поспешно спрятала письмо в декольте, похлопала по груди, проверяя, не выдаст ли моё сокровище случайное шуршание бумаги. Нет, спрятано хорошо, если специально обыскивать не будут (а с чего бы вдруг, спрашивается?), нипочём не найдут. Я поспешно пригладила волосы, оправила платье и задумалась, какой же образ мне принять. Милой беспечной девочки? Нет, не пойдёт, у меня же брата из города выгнали. Тревогу и скорбь изобразить? Угу, тогда синьора Капулетти получит ещё одно подтверждением своим подозрениям относительно меня и Яра. Ладно, тогда остановимся на сдержанной грусти. Я глубоко вздохнула, прикрыла глаза, входя в образ. Открыв глаза, мельком бросила на себя

взгляд в зеркало. Отлично, именно то, что нужно. Я присела в кресло, подхватила книгу и сделала вид, что с головой погружена в чтение. Когда дверь открылась, я даже головы от книги не подняла. Ну да, из вредности, каюсь, я же не святая, в конце концов, маска паиньки-заиньки мне изрядно надоела.

— Джульетта! — синьоре Капулетти, судя по отчётливо прозвучавшему недовольству, не понравилось моё невнимание к её особе.

— Да, матушка? — я встала с кресла и отложила книгу.

Женщина помолчала, поджав губы и сверля меня тяжёлым испытующим взглядом. Ох, как непросто входить в роль заботливой матери, особенно, если никогда прежде ничем подобным не занимался!

— Нам нужно поговорить, Джульетта.

Кажется, за последние несколько дней синьора Капулетти говорила со мной больше, чем за все предыдущие годы. Да уж, права пословица: маленькие детки спать не дают, большие — сам не уснёшь.

— Слушаю вас, матушка, — я была прямо-таки воплощением внимания, благоразумия и кротости. Не переиграть бы, а то синьора Капулетти может и почувствовать фальшь в моём поведении, в проницательности ей, увы, не откажешь.

Синьора Капулетти опять помолчала, ломая пальцы. Ну же, не тяните, сударыня, мне ваше общество, как и вам моё, удовольствия не приносит!

— Твой отец решил, что в связи с произошедшими событиями, — синьора Капулетти недовольно поморщилась, — я имею в виду изгнание Тибальта из Вероны, нам не стоит тянуть с твоей свадьбой с графом Парисом. Вы обвенчаетесь завтра.

Что?! А меня спросить не хотят, согласна ли я выйти замуж за Париса?! Нет, это понятно, что моё мнение вообще никого не интересует, но хотя бы ради приличий им можно поинтересоваться! А так очень интересно получается: без меня меня женили, без меня сосватали! И вообще, именно на завтра у меня прямо-таки наполеоновские планы и венчание с Парисом туда не вписывается от слова совсем!

— Матушка...

— Учти, Джульетта, никаких возражений и капризов мы не потерпим, — резко добавила синьора Капулетти, почуяв возможные и совершенно нежелательные препоны на пути к благополучию рода. — Граф Парис слишком завидный жених, чтобы можно было пренебрегать его предложением, просто чудо, что он не отказался от тебя после всего того, что произошло.

Ох, матушка, да вы даже не представляете, что именно произошло и ещё произойдёт! Впрочем, в вашем случае многие знания действительно многие скорби.

— Матушка, я всего лишь хотела...

— Как глупо было со стороны Тибальта устраивать это ссору с Ромео, — в очередной раз перебила меня синьора Капулетти. — И это после того, как герцог категорически запретил ссоры на улицах города!

Да что же такое-то, право слово, выслушает она меня или нет?!

— Я всего лишь хотела попросить вас отложить венчание на пару дней, чтобы я могла закончить подарок моему будущему супругу.

Брови синьоры Капулетти взмыли вверх, почти затерявшись в закрывающем волосы уборе, глаза распахнулись и потемнели от удивления.

— Подарок для графа Париса?

— Именно — я кивнула, подтверждая серьёзность сказанного, — мне нужно ещё два дня для того, чтобы его закончить.

— Покажи мне его.

Если бы у меня была хоть какая-то начатая вышивка, я бы её обязательно показала, а так пришлось пускать в ход весь свой актёрский талант. Я отрицательно покачала головой, глядя прямо в глаза синьоре Капулетти:

— Не могу. Я дала обет, что мой жених первым увидит предназначенный для него подарок. Иначе наш брак будет несчастным, а нас обоих ждёт преждевременный конец.

Про раннюю смерть я добавила исключительно для того, чтобы придать вес своему обету. Вряд ли, конечно, синьору Капулетти опечалит моя ранняя гибель, но рисковать графом Парисом она точно не станет, не посмеет, ведь он весьма влиятельный человек. Маменька недовольно поджала губы, буравя меня ледяным, тяжёлым, точно гранитная плита, взглядом. Я стойко выдержала её взор.

— Хорошо, — недовольно проскрежетала синьора Капулетти, — я поговорю с твоим отцом, моим супругом. Если он и граф согласятся немного подождать, будь посему. А нет... — женщина выразительно развела руками.

— Когда вы известите меня о решении батюшки?

Только бы не вечером, не хочу, чтобы нашей встрече с Яром помешали.

Синьора Капулетти задумалась, нахмурившись и неосознанно теребя пояс:

— Думаю, часа через два. Я передам тебе решение твоего отца через кормилицу.

Хвала небу, вечером мне никто не помешает! Скрывать улыбку я не стала, почтительно поцеловала синьоре Капулетти руку:

— Благодарю вас, матушка.

— Помни, дитя, — синьора Капулетти слегка коснулась моей щеки холодными, словно у покойницы, пальцами, — мы действуем во имя блага нашего рода и тебя самой. Будь благоразумна и не упрямься воле своего отца.

— Да, матушка.

Синьора Капулетти ушла, оставив после себя тяжёлый аромат духов и смутное, словно сгущающиеся сумерки, беспокойство. Вот умеют же некоторые настроение портить! Я опять перечитала присланную от Ярополка записку, посмотрела в окно и досадливо вздохнула. Да что же это солнце никак не садиться, застряло оно в одной точке что ли?! Прямо издевательство какое-то! Я прошлась по комнате, проверила состояние Опалова (нос горячий, глаза закрыты, но дыхание ровное) и опять посмотрела в окно. Нет, нужно себя чем-то занять, а то я точно свихнусь от ожидания. Я попросила кормилицу принести мне какую-нибудь незаконченную вышивку. Рукодельница из меня, прямо сказать, не ахти, но шить и вышивать я умею, уроки технологии в школе не прошли зря. Мария моей просьбе удивилась, однако спорить не стала, принесла простенькую, но весьма милую цветочную вышивку. Отлично, займу руки, глядишь, и время пойдёт быстрее! Я с азартом приступила к работе, время от времени посматривая за окно на медленно и весьма неохотно ползущее к горизонту солнце. Правильно всё-таки говорят, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Я до крови наколола палец, три раза напутала в узор и два раза порвала нитку, когда в комнату вплыла сияющая кормилица и привычной скороговоркой, перескакивая с одного на другое, поведала мне, что граф Парис охотно собрался отложить венчание на пару дней, дабы я могла закончить для него свадебный подарок. А он, оказывается, милый юноша, даже жаль, что я так толком его и не разглядела. Искренне хочу верить, что ему повезёт встретить

достойную и милую девушку, которая полюбит его таким, какой он есть. Я опять посмотрела в окно. Ура, начинают сгущаться сумерки, совсем скоро я увижусь с Яром!

— Кормилица, милая, — я прервала сыплющую славословия графу Парису Марию, — совсем скоро мне опять потребуется твоя помощь.

— Всё сделаю, голубка моя, — горячо заверила меня кормилица.

Да я в этом даже не сомневаюсь.

— Как стемнеет ко мне придёт Тибальт, прошу тебя. Будь так любезна, проследи, чтобы нам никто не мешал.

Мария резко поменяла симпатии и принялась с тем же пылом и жаром хвалить Тибальта, многословно заверяя меня в своей верности и готовности исполнить любой мой приказ. Интересно, а если бы я, как Иван-царевич, с лягушкой бы обвенчалась, кормилица бы и в этом меня поддержала? Уверена, что да, причём ещё и свадьбу бы нам организовала. Вот оно, абсолютное безусловное принятие, о котором так много пишут!

Когда окончательно стемнело, кормилица помогла мне облачиться в тонкую ночную рубашку и ушла, прихватив с собой Александра. Я осталась одна, напряжённо вслушиваясь и всматриваясь в темноту. Сердце у меня грохотало так, что мне казалось, будто его стук слышен всем обитателям дома, пальцы от волнения были ледяными и слегка подрагивали, в голове царил самый настоящий сумбур. Страхи, сомнения, надежды, страсть сошлись в отчаянном поединке, грозя довести меня если не до безумия, то до нервного срыва точно. Чтобы хоть немного успокоиться, я закрыла глаза и принялась считать, всё время сбиваясь и отвлекаясь на доносящиеся с улицы шорохи.

— Юля...

— Яр! — Я быстрее ветра слетела с кровати и бросилась к смутной фигуре, чуть заметно виднеющейся во мраке комнаты.

— Ты всё-таки пришёл!

— Разве я мог поступить иначе?

Я не видела лица Ярополка, но в голосе слышала улыбку. И усталость, тщательно скрываемую от меня.

— Яр, — я потёрлась щекой о плечо любимого, обнимая его крепко-крепко, чтобы никакие силы не смогли нас разлучить, — Ярушка...

Что было потом, знаем лишь мы двое, да ещё луна, самым наглым образом заглядывающая в окно и подсматривающая за нами, бледнея от зависти. На рассвете, когда от завистницы-луны остался лишь тонкий, едва заметный серпик, а небо на востоке всё сильнее наливалось нежно-розовыми рассветными красками, Яр собрался покинуть меня. Я как могла оттягивала миг разлуки, моё сердце леденело в груди, одолеваемое тысячами сомнений, страхов, предчувствий неизбежной беды.

— Не хочу, чтобы ты уходил, — я прижалась к груди Ярополка, слушая биение его сердца, самую сладкую для меня мелодию.

Ярополк нежно поцеловал меня в макушку:

— Сегодня вечером мы опять увидимся и больше никогда не разлучимся.

Ох, любый мой, твоими бы устами да мёд пить!

— Прошлый раз ты говорил то же самое, а сам пропал, — мой голос предательски задрожал, по щекам, обгоняя одна другую, побежали слёзы, — у меня даже воспоминания о тебе стёрли!

— Пытались стереть, — мягко возразил Яр, губами собирая слезинки с моих щёк, — но

у них ничего не вышло, потому что наша любовь сильнее всего на свете. Верь мне, Юля, у нас всё будет хорошо.

Я шмыгнула носом:

— Обещаешь?

— Клянусь.

Я решительно вытерла слёзы и храбро улыбнулась, прищипнув на продолжающее ныть и капризничать сердечко:

— Я тебе верю. Иди, не хочу, чтобы тебя заметили у меня в комнате или на улицах города. Вечером увидимся!

— До вечера, — Яр крепко поцеловал меня и ушёл, легко, едва ли не играючи спустившись с балкона по увивающему его плющу

Я провожала любимого взглядом, пока он не исчез, а потом перебралась на ещё хранящую тепло его тела простынь, обеими руками обняла подушку, на которой Яр спал и сразу же уснула, словно кто-то невидимый повернул внутри меня рубильник, разом обесточив и обездвижив.

Весь день я была сама не своя, отвечала невпопад, часто вообще застывала на одном месте, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Кормилица беспокоилась и тормозила меня бесконечными вопросами, синьора Капулетти нервничала и то обещала прислать ко мне лекаря, чтобы он излечил меня от непонятого недуга, то бранила за своеволие и грозилась запереть в комнате и не выпускать до самого венчания с графом Парисом. Эх, матушка, если бы вы помнили, каково это: любить, вы бы меня поняли! Хорошо хоть Опалов ко мне не лез, впрочем, наш признанный театральный ловелас вообще очень редко интересовался кем-то, кроме самого себя, а сейчас, когда его состояние оставляло желать лучшего, ничего удивительного, что он не обращал на меня ни малейшего внимания. Сначала я пыталась хоть как-то помочь Александру, гладила его, пыталась взбодрить и утешить, накормить, напоить или хотя бы просто подержать на ручках, поделиться теплом. Только вот мои добрые слова встречались едким, словно царская водка, сарказмом, а на все попытки прикоснуться, Опалов моментально и безжалостно пускал в ход когти.

— Ты чего царапаешься?! — я отдернула руку, с обидой глядя на багровый след царапины, оставшейся на ладонке. — Я же тебе помочь хочу!

— Шла бы ты, помогальщица, сама по доброй воле, пока как следует дорожку не объяснил, — огрызнулся Опалов, вяло отворачиваясь от меня. — Я, вон, тоже от чистого сердца помог, теперь нижнюю часть тела не чувствую.

— Ничего, вернёмся домой, обязательно отнесу тебя к ветеринару.

Я прижала ладонку к губам, но было уже поздно, меня услышали и поняли правильно. Опалов хищно сощурил глаза, глянув на меня так, что мне захотелось немедленно ретироваться, в идеале, к Ярополку поближе.

— Хочешь сказать, меня дома никто не ждёт, и я до конца своих дней останусь котом?! Ну, спасибо, утешила!

— Саша... — я потянулась погладить, успокоить, но в воздухе быстрее молнии мелькнула когтистая лапа, украсив моё запястье очередной кровоточащей ссадиной. — Ай, вот злыдня!

— Зато ты у нас добрая дальше некуда, — огрызнулся Опалов и наглухо замолчал, отвернувшись к стене.

Я тоже обиделась и до самого вечера к Опалову не подходила, старательно пряча царапины на руках от кормилицы, а то бы она такое надругательство над любимой голубкой терпеть точно бы не стала, мигом выкинула кота за дверь. К счастью для театрального героя-любовника, Мария была не очень наблюдательна и ничего подозрительного не заметила, красочно, в лицах, пересказывая мне городские сплетни, собирать которые она была превеликой охотницей.

Когда стало смеркаться, кормилица помогла мне переодеться ко сну и вышла из комнаты, хитро мне подмигнув и выразительно пообещав проследить, чтобы до утра меня никто не беспокоил. Мария хотела и кота с собой забрать, да я попросила не мучить животинку, ему, мол, и так плохо, нечего его лишней раз дёргать. Едва за дверью стихли шаги кормилицы, я поспешно переоделась, завернула Опалова в нижнюю рубашку (а что, ткань мягкая и прочная, самое то для транспортировки раненого) и осторожно, ежеминутно вглядываясь во тьму и прислушиваясь, спустилась с балкона в сад, а уже оттуда сбежала в город. К моему искреннему облегчению, меня никто не увидел и остановить не попытался, я без приключений добралась до знакомого поворота, где встретила уже поджидающей нас ведьмой. При виде нас с Александром женщина мягко улыбнулась и кивнула:

— Отлично, пришли. Теперь вашего спутника осталось дожидаться, и можно будет открывать портал.

Ярополк задерживался. Я кусала губы, нервно поглядывая на наливающуюся ярким светом на небе луну.

— Упустите момент, назад уже не вернётесь, — предупредила ведьма, прислоняясь к стене с видом полнейшей невозмутимости, которой и сфинкс бы позавидовал.

Да где же Яр?! Я нетерпеливо огляделась по сторонам, прислушалась, но вокруг царил непроглядная ночная тишина, прерываемая лишь стрёкотом цикад. Где же Ярополк? На меня опять нахлынули дурные предчувствия, я отчётливо вспомнила тот проклятый день, когда мне сообщили, что мой любимый погиб из-за сбоя эксперимента. А вдруг... Нет, нельзя думать о плохом, это может навлечь беду. Я стиснула пальцы так, что даже костяшки побелели, подняла глаза к небу и отчаянно зашептала молитву. Не знаю, кому я молилась: богу ли, звёздам или капризной и ветреной леди удаче, но мои жаркие мольбы были услышаны: Ярополк наконец-то пришёл.

— Яр! — я бросилась любимому на шею, прижалась к нему и не сразу почувствовала, как промокло платье у меня на боку. — Ой, что это?

— Не смотри, Юль, — попросил Ярополк, но было уже поздно, я опустила глаза вниз, с удивлением глядя на большое тёмное пятно у себя на платье.

Странно, в чём это я испачкалась? Я потёрла пятно и поднесла к лицу испачканную чем-то липким ладошку. В нос ударил тяжёлый металлический запах, не узнать который было просто нереально, если ты хотя бы раз ощущал запах свежей крови. Крови?! Откуда она у меня, я же всего лишь... Медленно, словно попав в густой кисель, я потянулась к Яру. Он ловко перехватил мою ладошку, прижал к горячим губам:

— Не надо, Юль. Не трогай.

— Ты... ранен? — слова резали пересохшее горло, вылетала едва ли не с кровью.

Яр опять поцеловал мою руку:

— Всё будет хорошо, верь мне.

— Учитывая, что ты истекаешь кровью, всё просто охрененно, — подал голос Опалов, — на засаду нарвался?

Яр коротко кивнул, продолжая удерживать меня на месте. Ярополк ранен, истекает кровью?! Господи, так что же мы стоим, ему же помочь надо, перевязать хотя бы!

— Стой спокойно, девочка, — резко приказала мне ведьма, — нарушишь узор, тогда даже тьма не сможет угадать, куда и в каком виде вас забросит.

Я покорно застыла на месте, чувствуя, как холодеют пальцы Яра, как слабеет его прикосновение, а дыхание становится всё более неровным и поверхностным. Да что же так долго этот проклятый портал не открывается, Ярополк же умирает?! Яркая вспышка резанула меня по глазам, моментально ослепив и выжигая слёзы, голову изо всех сил сдавил невидимый обруч. Последним моим отчётливым воспоминанием был падающий в огненную воронку бледный до синевы Ярополк, грудь и живот которого были запачканы уродливыми пятнами запёкшейся крови.

Звонкая трель будильника перфоратором вгрызлась мне в голову. Нет, надо всё-таки сменить эту проклятую мелодию, я в своём уме была, когда её ставила?! Этот дурацкий трезвон мне такой сон разрушил! С большим трудом я разлепила глаза, глубоко вздохнула, отключая будильник, да так и застыла, недоверчиво приплюсываясь. В квартире пахло свежесваренным кофе. А ещё отчётливо раздавались шаги и что-то похожее на... пение? Мама милая, что вообще происходит?! Я резко села на кровати, машинально натягивая одеяло на грудь и лихорадочно соображая, что мне делать и куда бежать. Или лучше звонить? Я схватила телефон, сжала его в подрагивающей от волнения руке, и тут, словно в дурном фильме ужасов, в коридоре раздались тяжёлые шаги, уверенно направляющиеся в комнату ко мне. А бежать-то мне некуда...

— Кто здесь?!

Голосок у меня трепетал и срывался, словно ленточка, в ураган зацепившаяся за ветку. Дивно, что я вообще хоть что-то смогла выговорить, меня же всю так и трясёт от страха, ещё немного и рухну в обморок как великосветская барышня.

— Юль, ты чего, своих не узнаёшь?

В комнату, торжественно неся двумя руками большой, подаренный мне мамой поднос, вошёл Ярополк. Я восторженно взвизгнула и действуя исключительно на эмоциях, бросилась к Яру.

— Осторожно!

К счастью для всех (в первую очередь для завтрака и чашки крепкого ароматного кофе) реакция у Ярополка оказалась отменно, он успел повернуться боком, спасая поднос от столкновения с моей счастливой до неприличия персоной.

— Юль, завтрак только приготовлен, кофе тоже горячий, так что ты поосторожнее, ладно? Ожоги редко, кого красят.

Мой герой! Подражая сказочной принцессе, я церемонно опустилась на кровать, даже ручки чинно на коленках сложила.

— Умница моя, — Яр поцеловал меня в щёку, осторожно поставил поднос и опустился рядом со мной, — люблю тебя.

Безмолвное, пропитанное тишиной и покоем наслаждение завтраком прервал телефонный звонок. Кто это меня потерял с утра пораньше? Если номер незнакомый, даже отвечать не буду, замучили уже своей рекламой назойливой! Я нахмурилась, посмотрела на экран телефона. Опалов. Что ж, раз он может звонить, значит среди его многочисленных поклонниц нашлась та, что ждала его очень сильно и своей любовью смогла вернуть ему человеческий облик. Интересно, сам-то Александр знает, кому обязан возвращением своего милого личика? Вот сейчас у него и спрошу. Я нажала кнопку вызова и включила громкую связь, чтобы Яр тоже мог присоединиться к разговору.

— Юлька, ты вообще на часы смотришь?!

Я надеялась, что Опалов после всех выпавших на нашу долю приключений станет хоть немножечко вежливей и научится здороваться, но тут, похоже, тот самый случай, когда проще убить, чем изменить.

— Прикинь, мы вернулись в тот же день, когда попали в прошлое. И да, я снова человек, круто, правда?

— И кто она?

— В смысле?

Я без труда представила, как Опалов отодвигает телефон и смотрит на экран со смесью подозрения и непонимания. Мда, похоже, всё гораздо серьезнее, чем я думала...

— Кто та девушка, что смогла вернуть тебе человеческий облик?

— Понятия не имею, — беззаботно ответил Александр, — у меня поклонниц много. Слушай, а твой хахаль с тобой или...

— С Юлей, — мягким, но каким-то очень выразительным тоном ответил Ярополк, прижимая меня к себе.

— Ясно, — голос Александра оставался безмятежным, словно небо в июльский полдень, — короче, вы там завтракайте-собирайтесь, я за тобой, Юль, минут через двадцать заскочу. Ты ведь помнишь, что у нас сегодня репетиция?

Ответить я не успела, Опалов оборвал разговор. Впрочем, большинство его вопросов носили исключительно риторический характер.

— Ну что, ты в театр, а я в институт? — Ярополк поцеловал меня в кончик носа. — Будем радовать коллег и знакомых своим триумфальным появлением. Кстати, Юль, у тебя какой день свободен?

Я задумчиво посмотрела на висящий на стене календарь.

— Двадцатое сентября, раньше всё репетиции и выступления съедят.

— Хорошо, тогда свадьбу назначим на двадцатое. Ты ведь согласна стать моей женой?

Я подошла к Яру, заглянула в его тёмные, словно безлунная ночь, глаза, прижалась крепко-крепко:

— Была бы против, в Вероне бы с тобой не венчалась.

Что ещё рассказать? За использование тёмной магии Анечка жестоко поплатилась: её лицо покрыли страшные язвы, кожа слезала клочьями. О театральной карьере Анне пришлось забыть навсегда. Опалов пока так и не нашёл ту, чья любовь помогла ему вновь стать человеком. Очень хочу верить, что однажды он всё-таки обретёт свою единственную и неповторимую и случится это прежде, чем его постоянными спутниками станут ревматизм, склероз и тугоухость. А я вышла замуж за Ярополка и теперь собираюсь в свадебное путешествие. Куда? Для начала в Викторианскую Англию, потом можно и по Российской империи конца девятнадцатого века прогуляться. Перед нами весь мир, с его прошлым, настоящим и счастливым, я в этом даже не сомневаюсь, будущим.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net